

## СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.3(470+571)

### ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

И.А. Бегина, А.И. Завгородный

Саратовский государственный университет,  
кафедра теории и истории социологии  
E-mail: BegininaA@info.sgu.ru

В статье анализируются различные аспекты политического процесса, рассматриваются основные подходы к определению его характера и содержания. Дается социологическое определение политического процесса, позволяющее дать целостное восприятие действительности и обеспечить сопоставимость результатов, полученных в рамках каждого из основных подходов.

**Political Process in Modern Russia: Sociological Analysis Problems**

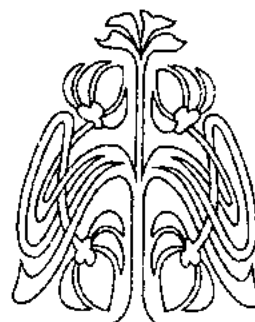
I.A.Beginina, A.I.Zavgorodny

The paper analyzes various aspects of political process. basic approaches to determination of the nature and contents of this process are considered. A sociological definition of political process is given, which allows an integrated perception of the reality to be provided and results obtained in the framework of each basic approach to be comparable.

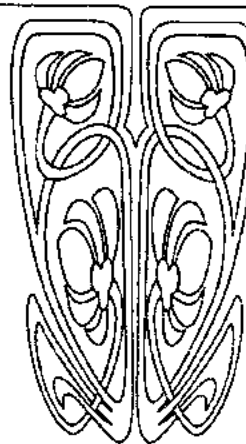
В последнее десятилетие в России активно развиваются такие научные дисциплины и отрасли знаний, как политология, социология политики, появляется большое количество работ, возникают новые исследовательские и образовательные центры, ведется подготовка специалистов, организуются конференции, семинары и т.д., которые, по меткому выражению Дж. Сартори, используют социальные и политически независимые переменные для объяснения политических явлений.

За эти годы накоплен богатый эмпирический материал, относящийся к различным аспектам политического процесса, появились отдельные фундаментальные исследования. Вместе с тем обозначились и некоторые проблемы. Во-первых, уровень теоретического осмысления политического процесса в целом, его отдельных аспектов, а также концептуализации остаются невысокими и зачастую не отвечает требованиям научного познания. Во-вторых, многие отечественные исследователи демонстрируют недостаточное знакомство с мировыми научными достижениями и отсутствие необходимых исследовательских навыков. В-третьих, наблюдается существенный разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнем анализа. В-четвертых, современное состояние исследований характеризуется значительным разрывом между знаниями и навыками социологов, проводящих опросы, и политологов. Ситуация в значительной мере усугубляется еще и отсутствием постоянного профессионального диалога между этими двумя группами исследователей. Результатом являются пробелы в изучении политического процесса и, особенно, его социологических аспектов. В целом очевидна потребность в раскрытии теоретических аспектов социологического подхода к анализу политических процессов, в освещении научных достижений в этой области, применении различных подходов и методов к анализу политического процесса и его отдельных аспектов, а также – возможных направлений и способов исследования.

© И.А. Бегина, А.И. Завгородный, 2005



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





Понятие «политический процесс» часто используется не только учеными, употребляется оно и в СМИ, и в обыденной речи. В России под политическим процессом часто понимают череду событий политической жизни, связанных с выполнением органами власти своих полномочий или с реализацией судебных и карательных функций. Это связано с тем, что в обыденном сознании это словосочетание долгое время ассоциировалось со сталинскими политическими процессами, с репрессиями в гитлеровской Германии, с показательными судами над диссидентами и т.п.

В науке термин «политический процесс» выступает как важная базовая категория политического анализа, достаточно сложная по смыслу и содержанию<sup>1</sup>. Однако и здесь существуют различия: так, одни исследователи под политическим процессом понимают «некую равнодействующую сумму акций различных социально-политических субъектов»<sup>2</sup>, другие определяют его как «цикл политических изменений, последовательную смену состояний политической системы»<sup>3</sup>.

В мировой науке, сегодня включающей в себя такие имена, как С. Липсет, Х. Линц, Дж. Сартори, М. Каазе, Р. Арон и многие другие, выделяется три основных подхода к определению характера и содержания политического процесса в зависимости от характера политических субъектов (акторов), а также временной единицы измерения. Сторонники первого, институционального, подхода связывают рассматриваемое явление с трансформацией институтов власти — основных субъектов политического процесса. Средовые условия, например, социальная инфраструктура при этом учитываются лишь частично или косвенно, поскольку рассматриваются как имеющие второстепенное значение, временные единицы невелики, позволяя измерять политический процесс в рамках повседневности.

Неоинституционализм является зарождающимся направлением, интерес к которому поддерживается благодаря достижениям в междисциплинарных исследованиях. Современный неоинституционализм ориентирован на понимание и толкование институтов власти и их эффективного взаимодействия, основанного на полной информации и эквивалентном социально-информационном обмене<sup>4</sup>. В основополагающем смысле эквивалентность обмена имеет отношение к вопросу о доверии. Так, по данным социологов Фонда общественного мнения, самым распространенным среди населения является мнение о том, что делегирование полномочий избранным депутатам является эквивалентным обменом отстаивания интересов своих избирателей преимущественно в том случае, если он избран по территориальному признаку. Об этом заявили 36% респондентов в 1997 г., 51% — в 1998 г., 53% — в 1999 г., 46% — в 2004 г.<sup>5</sup> Именно им население доверяет больше, чем остальным депутатам. Информационная асимметрия накладывает

отпечаток на политические договоры и степень ответственности, надежности договаривающихся сторон. В мире, где информация имеет стоимость, различные институциональные среды предполагают разную степень эквивалентности обмена. Так возникает матричный феномен, который особенно свойствен переходным обществам, в том числе и России.

В то же время новый институционализм<sup>6</sup> теории социальных основ формальных политических институтов уделял недостаточное внимание. Между тем здесь сосредоточены текущие социальные отношения, социальная матрица, в которую входят основы неформальных ограничений. Своеобразие социальной матрицы — основа формирования новой институциональной парадигмы, являющейся наиболее эффективной методологической основой изучения современных политических процессов в России.

Представители второго, бихевиористского, подхода в качестве субъектов политики рассматривают отдельных индивидов или группы людей, поэтому политический процесс предстает в виде «результатирующего вектора» поведения, политических волей и интересов этих субъектов. Однако в рамках этого подхода не находят должного отражения организационные, структурно-функциональные аспекты политического процесса и явления, на которые оказывают влияние высокая степень развитости и дифференцированности институциональной инфраструктуры, особенности функционально-статусного разделения труда не могут быть описаны адекватно. Временные единицы измерения здесь также невелики. Они позволяют изучать политический процесс, в основном, в рамках повседневности.

Третий, структурно-функциональный подход акцентирует внимание не столько на поведенческом аспекте политического процесса, сколько на внутренних структурно-функциональных особенностях политической системы и среды, обуславливающих тот или иной способ и характер действия и взаимодействия между акторами. Единицами анализа при этом выступают не столько индивиды и группы, сколько большие структуры политической системы (и сама система в целом), а также их функционально-ролевая структура. Основное внимание уделяется анализу макроаспекта политического процесса, который трактуется некоторыми представителями данного направления как совокупность реакций политической системы на воздействие окружающей среды в целях формирования решений, приемлемых для интересов ведущих групп<sup>7</sup>. Подобная трактовка действительности лучше всего подходит для анализа политических макропроцессов. Сторонники соответствующего подхода чаще всего используют крупные временные единицы анализа, позволяющие охватить направление и специфику эволюционных изменений в развитии политической жизни общества. Вместе с тем очевидны



недостатки данного подхода: в частности, занижается роль субъективного фактора в политическом процессе; поведение субъектов нередко сводится к реализации ролей, обусловленных той или иной функциональной позицией в политической системе. При этом, однако, необходимо отметить, что среди сторонников структурно-функционального подхода были и те исследователи, которые пытались сочетать принципы структурного функционализма и бихевиористский подход (например, Д. Истон).

Все три отмеченных подхода уделяют основное внимание лишь отдельным аспектам политического процесса. Выделение отдельных сторон явления и их анализ, несомненно, плодотворны для исследовательских целей, однако не позволяют составить целостную картину. Социологический анализ политического процесса предполагает анализ таких его проявлений, как взаимодействие основных субъектов данного процесса, современное своеобразие функционирования политических институтов и т.д.

Политическая действительность образуется деятельностью субъектов (людей, групп или институтов), связанных с реализацией властных интересов и целедостижением. В процессе деятельности они взаимодействуют с другими субъектами. Эти взаимодействия могут быть как случайными, эпизодическими, так и закономерными, постоянными и различаются по своему характеру, типу. Случайность политического процесса, его иррациональный характер во многом связаны с зависимостью от воли и характера людей, прежде всего политических лидеров. Не случайно исследователи отметили, что в отличие от статических элементов политики, именно в политическом процессе в полной мере проявляется фактор случайности, будь то внезапная смерть харизматического лидера, неизбежно влекущая за собой качественно новую политическую ситуацию, или же внешнее воздействие (например, обострение глобальных проблем), могущее поменять доминирующих субъектов<sup>8</sup>. Значимость случайных явлений и событий особенно заметна на микроуровне. Однако общий характер политической деятельности как целедостижения, а также институциональный и прочие контексты данной деятельности (правила, определенные формы и способы поведения, традиции, господствующие ценности и т.п.) делают политический процесс в целом упорядоченным и осмысленным. Он представляет собой логически разворачиваемую последовательность взаимодействий между акторами. Таким образом, политический процесс – целостное явление, поддающееся структурированию и научному анализу. Непредсказуемость и кажущуюся необъяснимость тех или иных событий следует рассматривать в основном как следствие несовершенства научного аппарата и инструментария<sup>9</sup>.

В результате политических взаимодействий субъектов создаются устойчивые связи и

взаимоотношения, возникают правила, нормы, организации и т.д., то есть создаются и воспроизводятся политические институциональные матричные образования. Действия и взаимодействия политических субъектов осуществляются во времени и в пространстве. Данная упорядоченная последовательность действий и взаимодействий, носящая определенный социологический смысл, может быть обозначена термином «политический процесс».

С учетом данных обстоятельств сегодня *политический процесс* можно определить как упорядоченную последовательность действий и взаимодействий политических субъектов, связанных с реализацией властных полномочий, интересов и целей, создающих, воспроизводящих и реализующих функционирование политических институциональных матричных систем. Иными словами, политический процесс представляет собой развертывание политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности действий и взаимодействий. Предложенное социологическое определение политического процесса помогает добиться целостного восприятия действительности и обеспечить сопоставимость результатов, полученных в рамках каждого из основных подходов.

Социологический анализ политических процессов включает в себя выявление его основных субъектов, их ресурсов, способов и условий их взаимодействия, логическую последовательность этого взаимодействия. Кроме того, в качестве изучаемых параметров политического процесса можно выделить его факторы, уровень равновесия, пространство и время его протекания. Важным моментом анализа является выявление статических характеристик параметров политического процесса и динамических характеристик рассматриваемого явления, обобщенных в понятиях «политическая ситуация» и «политическое изменение». Если исследование политического изменения направлено на выявление специфики динамики этого явления, то анализ политической ситуации дает «фотографию» в этот конкретный момент. В ходе такого анализа выявляется система связей и отношений между основными элементами, сложившаяся в этот момент. Таким образом, создается основа для сравнения нескольких политических ситуаций, различных во времени, которая позволяет зафиксировать динамические характеристики процесса, выявить его своеобразие в условиях современного российского переходного периода.

Политический процесс как социальное явление отличается многоуровневостью. На микроуровне он проявляется в непосредственно наблюдаемой деятельности, в единичных действиях, предпочтениях индивидов; на среднем уровне – через деятельность местных, региональных органов власти. На макроуровне он фиксируется через определенные фазы, этапы и периоды фун-



кционирования институтов, например, партий, государств и т.д.; на мегауровне – во взаимодействии глобальных политических систем. Разница заключается в принятой исследователями системе координат и единицах измерения политического процесса.

Формами существования политического процесса являются *политические изменения и политическое развитие*. Политическое изменение – процесс появления новых характерных черт (специфики) в способе и характере взаимодействия между политическими субъектами, между политической системой и внешней средой. Политическое развитие – это качественные изменения политической системы, ее составных частей или самого политического процесса. В современных переходных условиях, в силу недостаточной сформированности политической системы политическое развитие внесистемно, и отражает разнонаправленные тенденции и изменения, динамичную внутреннюю структуру, включающую в себя как традиционные, так и инновационные компоненты. Рассмотрение этих факторов в совокупности позволяет говорить о переходных политических процессах.

Политические процессы отличаются друг от друга по масштабам, длительности, акторам, характеру взаимодействия между акторами и т.п. Исходя из разномасштабности политических процессов, можно выделить повседневные, исторические и эволюционные их разновидности. Повседневные политические процессы («мелкие» акторы и единицы измерения) связаны, в первую очередь, с непосредственным взаимодействием индивидуальных, групповых и, частично, институциональных субъектов. Исторические – формируют более крупные субъекты (акторы) – в основном группы и институты. Они, как правило, связаны с совершением какого-либо исторического события. Эволюционные политические процессы характеризуются постепенностью, участием «крупных» акторов (институтов, политических систем), поддаются измерению с помощью крупномасштабных временных единиц. К последним можно отнести модернизацию политической системы, демократический транзит в России.

Российский политолог А.Ю. Шутов выделяет несколько «идеальных» типов политических процессов на основании социокультурного аспекта, особенностей эволюционной стадии развития общества и его состояния<sup>10</sup>. На основании первого критерия (социокультурного контекста) он различает политические процессы технократического и идеократического типов. Используя второй критерий (особенности эволюционной стадии), выделяет политический процесс в традиционном обществе и происходящий в условиях модернизации, который характеризуется интенсификацией, вовлечением в политическую жизнь населения, созданием институтов, оказывающих влияние на процесс принятия политических решений<sup>11</sup>.

С точки зрения значимости для общества тех или иных форм политического регулирования социальных отношений политические процессы делятся на открытые и закрытые, базовые и периферийные. Базовые – основаны на изменении системных свойств политической жизни (например, процесс формирования властных структур государственного уровня), а периферийные – на изменении менее существенных размеров, которые «не оказывают принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти»<sup>12</sup>.

С точки зрения состояния общества можно выделить политические процессы стационарного и переходного типов. Первый тип осуществляется в рамках одной политической системы и может быть охарактеризован как «системный», «стабильный», предполагающий доминирование «устойчивого воспроизведения политических отношений». Второй – характерен для переходного периода и может быть условно обозначен как «межсистемный», «не стабильный», где, по мнению А.И. Соловьева, в условиях «несбалансированности политической активности основных субъектов» отсутствует четкое преобладание «тех или иных базовых свойств организации власти»<sup>13</sup>.

Структура политического процесса может быть описана с помощью анализа взаимодействия между различными политическими акторами, а также их логической последовательности («сюжета» политического процесса). Каждый отдельно взятый процесс имеет свою собственную структуру и соответственно свой собственный «сюжет». Анализ сюжета может осуществляться с помощью инструментария, выработанного в рамках такого социологического подхода, как анализ политического дискурса. Кроме того, достаточно интересные результаты для представления динамики процесса дает применение методов формального моделирования, теории игр, теорий принятия политических решений и т.п. Акторы, совокупность их взаимодействий, последовательность, динамика или сюжет, временные единицы измерения, а также факторы, влияющие на политический процесс, обычно носят название «параметры» политического процесса.

Основными акторами политического процесса являются политические системы, политические институты (государство, гражданское общество, политические партии и т.д.), организованные и неорганизованные группы людей, а также индивиды. Однако вопрос о субъектах процесса в современной России достаточно сложен. С одной стороны, очевидно, что политика, политическая жизнь связана с деятельностью больших масс людей, что «...политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика...»<sup>14</sup>. С другой стороны, политическая практика показывает, что важнейшие политические решения принимаются довольно узким кругом лиц, занимающих высокие



политические посты в государственных органах, руководстве партий и других организаций, связанных с деятельностью политической власти. Это дает основание некоторым политологам считать, что классы, социальные группы вообще нельзя рассматривать в качестве субъектов политической жизни<sup>15</sup>. А если учесть, что между социальными группами и политическими деятелями находится целый ряд промежуточных звеньев, то со всей очевидностью перед нами предстанет вся сложность проблемы субъектов политического процесса.

Все субъекты рассматриваемого процесса (социальные классы, заинтересованные группы, партии и организации, политические органы государства, личности) не являются однопорядковыми. Неодинаковы они прежде всего с точки зрения значимости, «веса» их интересов, роли этих интересов в определении направленности политических процессов. Следовательно, при анализе политического процесса следует учитывать характер взаимодействия между его субъектами, во многом зависящим от масштаба, уровня политического процесса и самих субъектов, от степени развития политической системы и всех ее составляющих, от специфики институциональных условий, особенностей партийного развития, социально-психологических особенностей развития личности и т.п. Чаще всего характер взаимодействия между субъектами описывается в терминах конфронтации, конкуренции, нейтралитета, компромисса, союза, координации, консенсуса.

Основным властным институтом, одним из основных акторов политического процесса, выступает государство. Новый институционализм неоднократно подчеркивал роль формальных норм и контроль за их соблюдением третьей стороной – государством. Государство определяет и вводит в действие формальные организационные ограничения, которые определяют структуру возможностей. Оно в обмен на доход предлагает защиту и справедливость. В силу того что сущностью прав на социально-экономические ресурсы является право на исключения, государство, у которого имеется относительное преимущество на насилие, играет главную роль в определении и осуществлении прав на экономические ресурсы<sup>16</sup>. Однако сегодня государство во многом отстранилось от управления экономикой, от развития и реализации социальных программ, оно не имеет соответствующей правовой базы для регулирования основных зон общественной жизни, возможностей постижения, объединения и выражения интересов различных категорий населения.

Бюрократизация и корпоративизм государства были хорошо известны уже М.Веберу и существуют в нашей действительности, в деятельности нашего государства, крайние проявления этого – взяточничество и вымогательство, игнорирование интересов граждан и безответственность госаппарата. Утвердилось мнение, что

невозможно добиться справедливости и найти управу на произвол чиновников.

За последние 10 лет законодательная система перестала соответствовать имеющимся потребностям. По сути, она стала дисфункциональной. Не случайно велась работа по формированию новых кодексов, которые и были приняты. Тем не менее политические процессы сегодня оказались в поле правовой нестабильности. Это обстоятельство предопределило трансформацию правовой системы – рухнули ее организационные институты. В свою очередь, это привело к тому, что правовое сознание оказалось дифференцировано по поколенческому признаку. Кроме четырех типов, основанных на естественном возрастном делении, сюда входит пятый – маргинальный. Именно эта ситуация обуславливает своеобразие политических процессов в регионах: с одной стороны, демократические принципы требуют широкого политического участия населения, с другой – реальное правосознание и правовые нормы блокируют этот процесс вовлечения масс в политику. Поэтому многие формы политической деятельности населения не соответствуют демократическим правовым нормам.

Нынешняя политическая элита как на общенациональном, так и на региональном уровне является результатом двух, протекавших параллельно, а нередко и пересекающихся процессов: приспособления старой советской политической элиты к новым условиям и прорыва на политический олимп людей новых, как правило, ранее слабо связанных с политикой. Последние имеют определенные виды капитала (финансовый, профессиональный) и обладают значительными демагогическими способностями. Но главным фактором, способствующим «проникновению» в ряды политической элиты в сегодняшнем обществе, является наличие финансового капитала. При этом следует заметить, что наличие политического опыта или опыта государственного управления имеет гораздо меньшее значение<sup>17</sup>.

Естественно, что такая политическая элита сталкивается с большими трудностями как при разработке политического курса, так и при его осуществлении, тем более что к ее неопытности добавляется еще нестандартность возникающих перед нею проблем. И если законодательная ветвь власти при своем формировании проходит партийный контроль, то исполнительная власть формируется по принципу личной преданности. И для того чтобы изменить нынешнюю систему рекрутирования, необходимо поднимать роль партий в политической жизни общества, расширять их права в разработке и реализации политики, в деле подбора и расстановки кадров. Партии в силу своей природы в меньшей степени подвержены коррупции, чем депутаты-одиночки или беспартийные государственные чиновники, лишённые, по существу, всякого контроля<sup>18</sup>. Важность функции подбора политических кадров обусловлена



тем, что без хорошо налаженной системы рекрутирования эффективность политической системы будет низкой, что незамедлительно скажется на стабильности государства, уровне его легитимности, а следовательно, и на характере самого политического процесса.

Важным субъектом политического процесса является гражданское общество, которое тоже может рассматриваться как политический институт. Следует заметить, что государство и гражданское общество как политические акторы сформировались в Европе и США в период Нового времени под влиянием происходящих модернизационных изменений. Именно с этого времени можно говорить о том, что складывается основной институт власти в обществе, обладающий монополией на принуждение и насилие на определенной территории – государство. Под влиянием этого процесса происходит формирование своеобразной антитезы государства – гражданского общества. В таких условиях политические процессы связаны с социальным расслоением общества и необходимостью выражения, согласования и реализации интересов различных социальных групп при помощи политической власти, которая теперь не выражает непосредственно интересы населения и становится самодовлеющей силой в обществе. Политическая деятельность с самого начала выступает как представительная, то есть деятельность от имени других людей, социальных групп, поскольку последние не могут самостоятельно ее осуществлять в силу отсутствия навыков, свободного времени и т.п.

Еще в XIX веке социология отказалась от дихотомии «индивид – общество» и вместо отдельных индивидов в качестве основных субъектов общественной деятельности начала рассматривать классы, социальные группы, этнонациональные общности. Это было связано с образованием крупномасштабных национальных государств, вовлечением в общественный процесс в качестве его сознательных участников и творцов широких масс населения. Такой подход позволил социологии стать на научную почву, дал возможность проводить объективный анализ происходящего и, хотя бы в общих чертах, предвидеть будущее социальных процессов. Применение подобного подхода к политике позволило глубже познать политическую жизнь общества, более объективно увидеть ее скрытые пружины, распознать ее подлинных субъектов. Этот поворот тоже происходит в XIX веке, когда К. Маркс анализирует классы как политические субъекты. В. Парето и Г. Моска исследовали роль элит в политическом процессе, А. Михельс анализировал партийные структуры, а М. Вебер – бюрократию в качестве действующих лиц политического процесса.

Политический процесс фокусируется вокруг общественно значимых интересов, затрагивающих если не все общество, то значительную его часть, и действующими лицами, субъектами

политических процессов выступают соответственно или все граждане общества, или большие социальные группы, классы. И здесь, конечно, возникают методологические сложности политического анализа. Во-первых, насколько поведение индивида обусловлено его принадлежностью к социальной группе, классу, какова степень влияния социальной принадлежности на политическое поведение гражданина?

Во-вторых, проблемой является оценка того, насколько классы, социальные группы по различным основаниям (социально-экономическим, этническим, демографическим, культурным, религиозным и т.д.) можно рассматривать в качестве субъектов политической жизни общества. При всей близости элементов социальной структуры общества и субъектов политической жизни между ними есть и существенные различия. Принадлежность человека к определенному классу, социальной группе обусловлена объективными факторами, будь-то экономическими, этническими, демографическими или любыми иными. Субъективная идентификация играет здесь весьма незначительную роль. Однако П. Бурдьё писал, что «реально это не класс, это не настоящий класс, готовый к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньшие сопротивления в случае необходимости их мобилизации, чем какая-либо другая совокупность людей»<sup>19</sup>.

Иными словами, речь идет о классе как о субъекте политического процесса, способном на самостоятельные политические действия. При этом имеется в виду не столько участие граждан в парламентских и президентских выборах, референдумах и других формах непосредственных демократических проявлений. Более того, в этих формах самостоятельная роль социально-классовых образований незначительна, так как она здесь в значительной мере обусловлена партийной деятельностью, деятельностью заинтересованных групп и государственного аппарата. Объективное единство интересов классов и социальных групп не может не проявиться в политической жизни в кризисные или бифуркационные периоды. Те общественно-политические преобразования, которые произошли на территории бывшего Советского Союза в конце 1980 – начале 90-х гг., были инициированы партийно-государственной элитой страны. Но они были бы невозможны без участия социальных групп в качестве самостоятельных субъектов политических процессов<sup>20</sup>. Рабочее движение и, прежде всего, организованные выступления шахтеров 1989–91 гг. явились важной политической силой общественных преобразований того периода<sup>21</sup>.

Политические выступления больших социальных классов, как правило, связаны и с большими экономическими и социальными потерями для общества и в связи с этим вызывают неодобрение не только власти, но и других социальных групп



общества. Это еще раз подтверждает то положение, что в периоды относительной стабильности социальные классы чаще всего не являются непосредственными, самостоятельными субъектами политического процесса.

Деятельность практически всех основных субъектов этого процесса, в конечном счете, определяется интересами социальных групп, и политический вес, и влияние этих субъектов находятся в прямой зависимости от их способности получить поддержку названных групп. Но для того чтобы такое влияние было постоянным, необходимо осознание ее членами своих интересов, своей субъективной идентификации. Группы интересов могут быть различны по своей структуре – от имеющих четкую организацию до ситуативных, неформальных. Развитость системы интересов по различным основаниям, в различных сферах общественной жизни служит одним из важных показателей степени развития гражданского общества и необходимой предпосылкой формирования демократической политической системы<sup>22</sup>. А это возможно только тогда, когда социальная группа вырабатывает формы деятельности от своего имени, создает свои организации, призванные выражать и отстаивать ее интересы в органах политической власти, вести работу по поддержанию организованности самой группы, ее способности к политическим действиям<sup>23</sup>.

Любое общество, современное или традиционное, всегда социально структурировано. Российское переходное общество имеет очень слабо дифференцированную социальную структуру, где на одном конце – в руках очень узкого круга лиц сосредоточено богатство, а на другом конце, независимо от профессии, образования, вероисповедания и других факторов – нищета. Таким образом, своеобразие социальной структуры в России – ее люмпенизованность. В бедной стране не может быть демократии, люди заняты добыванием средств к существованию и им не до политических дискуссий. Из этого следуют многие проблемы протекания политического процесса, когда социальные группы не в состоянии стать политическими субъектами со своими осознанными специфическими интересами. По существу, только союз промышленников и предпринимателей, да профессиональные союзы пытаются в какой-то мере воздействовать на политический процесс, но сами эти союзы не имеют широкой поддержки своих рядовых членов. Они действуют преимущественно через свой бюрократический аппарат, нежели благодаря политической активности своих рядовых членов. Другие организации (женские, молодежные, ветеранские и др.) не являются собственно политическими, их участие в политической жизни незначительно и жестко ограничено законодательством, а политический вес каждой из них определяется их численностью, способностью воздействовать на своих членов, выступить в поддержку той или

иной партии на выборах. Они не идентифицировали себя в качестве политических субъектов, и это очень негативно сказывается на демократизации политического процесса.

Таким образом, социальные группы выступают базовыми политическими субъектами политического процесса. Их интересы должны определять стратегию политического развития, хотя их участие в политической жизни и носит эпизодический характер. Все другие субъекты этой иерархической лестницы ориентируются на эти интересы, присовокупляя, а вернее сказать, пропуская их через свои интересы. Поэтому чем выше ступень иерархической лестницы субъектов политического процесса, тем больше в их деятельности наблюдается отклонение от интересов базовых социальных групп, с одной стороны, и тем более постоянно их участие в политическом процессе, и в связи с этим тем более отчетливо просматривается их влияние на тактику политического процесса.

Особое место среди политических субъектов принадлежит личности. Наиболее велика роль личностного момента в политической жизни нашей страны с ее политической системой переходного типа. В этих условиях, как показывает и наш собственный, и мировой опыт, политические лидеры, занимающие высокое место в политической иерархии, оказывают решающее влияние на политический курс правительства, содержание всей политической жизни общества. Но и в этих условиях даже выдающиеся политические лидеры могут сохранить политическое влияние при условии опоры на организационные структуры, какими выступают заинтересованные группы, партии или государственный бюрократический аппарат.

Население отличается различной степенью активности в политическом процессе. Индивиды могут участвовать в политике не только в институциональной форме, например голосуя на выборах, но и в неинституциональных формах, в стихийных массовых выступлениях. Многие не слишком активны в большей части институционализированных процессов. Значительная часть населения лишь наблюдает со стороны, не только не принимая активного участия в политической жизни, но и не участвуя в выборах, не читая газет и т.п. Другие же, обычно это меньшинство граждан, напротив, принимают самое активное участие в политической жизни. В современном обществе участие широких масс граждан, а тем более поголовное участие в политической деятельности, скорее признак «большого», кризисного, нестабильного общества, нежели показатели уровня демократичности. Политика сегодня – это сфера деятельности профессионалов. Участие большинства простых граждан в политике сводится к участию в выборах, референдумах и других немногих формах прямого демократического волеизъявления<sup>24</sup>.



Но вместе с тем политика касается каждого, ибо интересы каждого нашли признание и защищены в государстве настолько, насколько они нашли политическое выражение и закреплены в правовых решениях государства. Для достижения своих целей индивиды могут создавать специальные сообщества, отличающиеся различной степенью институционализации – от случайной группы, образованной на митинге, до высокоорганизованной, носящей постоянный характер и действующей по строгим правилам. От степени институционализации политической деятельности зависит не только достижение конкретных целей (оно, как правило, тем эффективнее, чем выше степень институционализации), но и воспроизводимость, повторяемость, регулярность каких-либо политических отношений, их закрепление в правилах и нормах. Поэтому политическая власть призвана инициировать политическую активность населения, прежде всего, прислушиваясь к его мнению, поддерживая его политическую активность. Ведь именно от них политическая власть получает сигналы поддержки или, наоборот, неодобрения, на которые она должна вовремя реагировать.

Сегодняшнее функциональное общество требует для обеспечения нормальной деятельности политического процесса специфических, профессиональных политических субъектов. Такими субъектами в современных обществах являются политические партии и политические органы государства. И хотя на арене политической жизни в качестве ее субъектов на первом плане, как правило, всегда выступают политические органы государства, генетически они производны от социальных групп и политических партий, а не наоборот, и именно партии призваны выступать главными субъектами политической жизни.

Партиям принадлежит важнейшая роль в познании и представлении интересов граждан, в формировании политических органов государства. Партия или блок партий, одержавшие победу на выборах, несут ответственность за выработку и реализацию политических решений при эффективном контроле со стороны оппозиции. Однако еще в конце прошлого века Р. Михельс и М. Острогорский отмечали зарождающуюся бюрократизацию политических партий, подчинение их деятельности целям и интересам аппарата в ущерб рядовым членам, снижение в их деятельности роли идеологии. С сожалением приходится констатировать, что в нашем государстве слабо развиты политические субъекты и на этом уровне. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов ФОМ, где 50 % респондентов оценили роль партий в жизни страны как незначительную<sup>25</sup>. Сегодня в России очень многие из них являются так называемыми кадровыми партиями и созданы как группы поддержки определенных политических деятелей, финансовых групп.

Важным элементом изучения статических и динамических характеристик политического процесса в переходный период является анализ его внешней среды, которая включает в себя социальные, экономические, культурные факторы, влияющие на политический процесс, а также политические изменения более высокого уровня. Влияние социальных и социокультурных факторов может проявляться не только в особенностях индивидуальных или групповых политических акторов в виде интересов, политических установок, мотивов, способов поведения и т.п. Оно может реализоваться в виде специфики «разделения» труда в политике, распределения властных ресурсов, а также особенностей отдельных политических институтов. Социальные и социокультурные факторы могут оказывать влияние и на структурные характеристики политической системы. Характер взаимодействия между политической системой и средой будет определяться уровнем эволюционного развития системы и среды, например степенью внутренней дифференциации. Социальный и социокультурный контекст во многом определяют значения тех или иных действий, а также специфику сюжета политического процесса. Поэтому анализ этих факторов является неотъемлемой частью исследования политического процесса.

Политический процесс переходного российского общества, таким образом, отличается внесистемными характеристиками, разнонаправленностью, смешанностью политических практик всех основных субъектов. Основной тенденцией его развития выступает движение от политического плюрализма, к формированию правового поля через оптимизацию представительства политических партий в парламентских структурах, иных институционально-матричных образованиях, совершенствование представительства в регионах, чтобы уйти от национальной представительности западной политической системы (которая оказалась не состоятельной в России) к регионально-территориальной. Сложность и неоднозначность этого процесса предопределяет возможный спектр социологических проблем его анализа, необходимость применения тонкого инструментария на базе классических, постклассических и смешанных практик эмпирического исследования.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мельшиной. М., 2001. 304 с.
- <sup>2</sup> *Дегтярев А.А.* Основы политической теории. М., 1998. С. 147.
- <sup>3</sup> *Шутов А.Ю.* Политический процесс. М., 1994. С. 19.
- <sup>4</sup> *Beniger J.R.* The control revolution: technological and economical origins of the informational society. Cambridge: L., 1986; Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. А.С. Ахисезер. М., 1994; *Рукатов А.И.* Фило-





- софия компьютерной революции. М., 1991; Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе: Под ред. А. Колманова. М., 1998; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 322-328; Штопка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 306.
- <sup>7</sup> Источник: <http://bd.fom.ru>
- <sup>8</sup> Рязанцев И.П. Неинституционализм и проблемы экономической социологии // Ломоносовские чтения 2001 г. - <http://lib.socio.msu.ru>
- <sup>9</sup> Easton D. A Framework for Political Analysis. N.Y., 1965 (цит. по: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... С. 9).
- <sup>10</sup> Шутов А.Ю. Указ. соч. С. 19.
- <sup>11</sup> Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... С. 12-13.
- <sup>12</sup> Шутов А.Ю. Указ. соч. С. 294-297.
- <sup>13</sup> Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... С. 11.
- <sup>14</sup> Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000. С. 292.
- <sup>15</sup> Там же. С. 293.
- <sup>16</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 36. С. 16-17.
- <sup>17</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Субъекты политической жизни // Ломоносовские чтения 2001 г. // <http://lib.socio.msu.ru>
- <sup>18</sup> Рязанцев И.П. Неинституционализм и проблемы экономической социологии // Ломоносовские чтения 2001 г. // <http://lib.socio.msu.ru>
- <sup>19</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 59.
- <sup>22</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>23</sup> Вместе с тем право придать выступлениям социальных групп политический или экономический характер принадлежит, в конечном счете, власти, политической элите. Пока между политическими группировками М. Горбачева и Б. Ельцина шла политическая борьба, они были заинтересованы в политической поддержке активных социальных групп, и, прежде всего, - шахтеров, поэтому шла политизация шахтерского движения. Но как только победа Ельцина была завоевана и возглавляемая им политическая группировка оказалась у власти, отношение к шахтерскому движению резко изменилось. Шахтерам было отказано в праве выдвигать политические требования.
- <sup>24</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>25</sup> События конца 1980 - начала 90-х годов показали, что наиболее политически активной социальной группой были шахтеры, благодаря тому, что создали рабочие комитеты, стачкомы, призванные выступать от их имени и отстаивать их интересы в органах политической власти, оказывать на последнюю постоянное давление.
- <sup>26</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>27</sup> Опрос населения был проведен в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 18-19 сентября 2004 г. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы - 600 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6% // <http://www.fom.ru>

УДК 316.334.2:334.012.23

## ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Воронов, З.М. Дыльнова

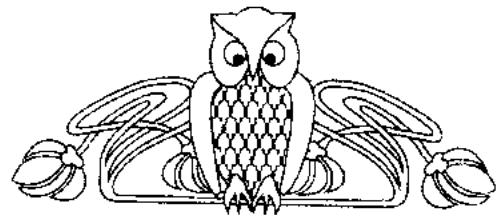
Саратовский государственный университет,  
кафедра теории и истории социологии  
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Предпринимательская деятельность впервые в социологической литературе рассматривается как особый тип взаимодействия людей в сфере производства, обмена и распределения товаров и услуг. Дается характеристика предпринимательства с точки зрения социологии, экономики, лингвистики и подчеркивается, что специфика этого рода деятельности заключается в инновационном характере хозяйствования, в самостоятельности, рискованности и результативности действия предпринимателя. Этот тип деятельности присущ рыночной системе хозяйствования и все шире входит в практику российской действительности.

### Entrepreneurship as a Special Type of Social Activity

A.A. Voronov, Z.M. Dylnova

Entrepreneurial activity is regarded for the first time in sociological literature as a special type of human interaction in the sphere of



production, exchange and distribution of goods and services. Entrepreneurship is characterized from sociological, economic and linguistic perspectives. It is important that this type of activity implies innovations, independence, high risks and results of entrepreneur's actions. This type of activity is common to market economy and it is becoming more widespread in Russia.

Уяснение сущности предпринимательства выступает необходимым условием изучения предпринимательской деятельности, ее состояния и перспектив развития в современной России. Это актуально и потому, что в науке нет однозначного толкования предпринимательства, его качеств, черт и свойств, что создает определенные трудности для решения задач теоретического и практического характера. Важно при этом показать реально существующие типы



- софия компьютерной революции. М., 1991; Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе: Под ред. А. Колманова. М., 1998; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 322-328; Штопка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 306.
- <sup>7</sup> Источник: <http://bd.fom.ru>
- <sup>8</sup> Рязанцев И.П. Неинституционализм и проблемы экономической социологии // Ломоносовские чтения 2001 г. <http://lib.socio.msu.ru>
- <sup>9</sup> Easton D. A Framework for Political Analysis. N.Y., 1965 (цит. по: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... С. 9).
- <sup>10</sup> Шутов А.Ю. Указ. соч. С. 19.
- <sup>11</sup> Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... С. 12-13.
- <sup>12</sup> Шутов А.Ю. Указ. соч. С. 294-297.
- <sup>13</sup> Политический процесс: основные аспекты и способы анализа... С. 11.
- <sup>14</sup> Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000. С. 292.
- <sup>15</sup> Там же. С. 293.
- <sup>16</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 36. С. 16-17.
- <sup>17</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Субъекты политической жизни // Ломоносовские чтения 2001 г. <http://lib.socio.msu.ru>
- <sup>18</sup> Рязанцев И.П. Неинституционализм и проблемы экономической социологии // Ломоносовские чтения 2001 г. <http://lib.socio.msu.ru>
- <sup>19</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> Бурдые И. Социология политики. М., 1993. С. 59.
- <sup>22</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>23</sup> Вместе с тем право приписать выступлениям социальным группам политический или экономический характер принадлежит, в конечном счете, власти, политической элите. Пока между политическими группировками М. Горбачева и Б. Ельцина шла политическая борьба, они были заинтересованы в политической поддержке активных социальных групп, и, прежде всего, — шахтеров, поэтому шла политизация шахтерского движения. Но как только победа Ельцина была завоевана и возглавляемая им политическая группировка оказалась у власти, отношение к шахтерскому движению резко изменилось. Шахтерам было отказано в праве выдвигать политические требования.
- <sup>24</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>25</sup> События конца 1980 - начала 90-х годов показали, что наиболее политически активной социальной группой были шахтеры, благодаря тому, что создали рабочие комитеты, стачкомы, призванные выступать от их имени и отстаивать их интересы в органах политической власти, оказывать на последнюю постоянное давление.
- <sup>26</sup> Бутырин Г.Н., Лузан А.А. Указ. соч.
- <sup>27</sup> Опрос населения был проведен в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 18-19 сентября 2004 г. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы - 600 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6% <http://www.fom.ru>

УДК 316.334.2:334.012.23

## ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Воронов, З.М. Дыльнова

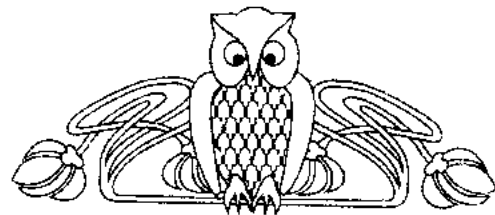
Саратовский государственный университет,  
кафедра теории и истории социологии  
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Предпринимательская деятельность впервые в социологической литературе рассматривается как особый тип взаимодействия людей в сфере производства, обмена и распределения товаров и услуг. Дается характеристика предпринимательства с точки зрения социологии, экономики, лингвистики и подчеркивается, что специфика этого рода деятельности заключается в инновационном характере хозяйствования, в самостоятельности, рискованности и результативности действия предпринимателя. Этот тип деятельности присущ рыночной системе хозяйствования и все шире входит в практику российской действительности.

### Entrepreneurship as a Special Type of Social Activity

A.A. Voronov, Z.M. Dylnova

Entrepreneurial activity is regarded for the first time in sociological literature as a special type of human interaction in the sphere of



production, exchange and distribution of goods and services. Entrepreneurship is characterized from sociological, economic and linguistic perspectives. It is important that this type of activity implies innovations, independence, high risks and results of entrepreneur's actions. This type of activity is common to market economy and it is becoming more widespread in Russia.

Уяснение сущности предпринимательства выступает необходимым условием изучения предпринимательской деятельности, ее состояния и перспектив развития в современной России. Это актуально и потому, что в науке нет однозначного толкования предпринимательства, его качеств, черт и свойств, что создает определенные трудности для решения задач теоретического и практического характера. Важно при этом показать реально существующие типы



и виды предпринимательства в современной России.

Термин «предпринимательство» впервые вводится в «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимиром Ивановичем Далем, очевидно, что до выхода этого словаря слово «предпринимательство» практически не было известно.

В.И. Даль, перечисляя слова «предпринимать, предприимчивый, предприниматель, предприятие», так разъясняет их: «Предпринимать – <...> затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело, приступить к свершению чего-либо значительного; <...> предприимчивый торговец, склонный, смелый, решительный, отважный на дела этого рода; <...> предприниматель – предпринявший что-либо», т.е. быть предпринимателем, по В.И. Далю, значит, «решаться исполнить новое дело»; таким образом, принадлежность предпринимательства к творческой деятельности закреплена семантически<sup>1</sup>. Вдумываясь в значение термина «предприниматель», имеет смысл обратиться к латинскому языку – словам *manus* и *manerium*<sup>2</sup>.

Первое из них имеет переводы: а) откупщик государственных доходов, б) покупатель государственных имуществ; в) предприниматель, поставщик, подрядчик; г) *перен.* – владелец, обладатель. Второе переводится как: а) покупка; б) право собственности; в) раб, рабыня. Словообразование дается в латинско-русском словаре: [*manus* – сарио] – [рука; брать – владеть]. Мы видим их смысловое и содержательное сходство: производить и накапливать, трудиться и присваивать. Поэтому *manerium* и переводится как «предприниматель» – человек, зарабатывающий капитал своими руками, своим трудом.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что термин «предприниматель» не имеет родственных корней в латинском языке, как и во всех производных от него (романских), и является «чисто» русским.

На наш взгляд, анализ слоговой структуры понятия пред-при-ни-ма-тель-ство позволяет говорить о таких его составных. *пред* – общеславянская приставка, обозначающая впереди идущего; *при* – приставка, обозначающая приближение; *иметь* – корень с белой согласной – м – принадлежность; – а – и – тель – собирательные суффиксы; – ст – суффикс, обозначающий множественность или численность; – о – окончание, т.е. речь идет о новаторском собирательстве (изготовления, приобретении) чего-либо во множественном числе.

Наиболее авторитетный русский «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, изданный в начале XX в., понятий «предприниматель» и «предпринимательства» не дает, но содержание терминов «предприниматель» и «предпринимательство» «вычисляется» из статьи «Прибыль»: «Прибыль получается лицом, за свой счет ведущим предприятие (предпринимателем),

участвующим более или менее лично или непосредственно в распоряжении своим (предпринимательским) капиталом»<sup>3</sup>. Автор статьи Г. Яроцкий как синонимы употребляет термины «капиталисты-предприниматели», по его мнению «все они вместе взятые составляют совокупность лиц, на свой страх и риск ведущие дело производства и дающие капиталу то направление, которое им приносит наибольшую прибыль, а всему народному хозяйству обеспечивает наибольшие выгоды в экономическом отношении»<sup>4</sup>.

При этом автор констатирует, что нередко обнаруживается «противоположность интересов предпринимателей-капиталистов и всего народа, не говоря уже об антагонизме интересов хозяев и рабочих»<sup>5</sup>. Предпринимательский доход может быть следствием вложения капитала в промышленность, земледелие и торговлю, а также в виде процента на капитал. Исследуя материал данной статьи, как и другие статьи данного 82-томного издания можно сделать вывод, что предпринимательство как экономическое явление на рубеже XIX и XX вв. в России уже полностью сложилось, но сама терминология широкого распространения в русском языке, по всей видимости, не получила.

Термин «предприниматель» во французском языке появляется уже в XVIII в. Авторы знаменитой «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбер, выходящей в Париже с 1751 по 1772 г., так трактуют его: предприниматель в строительстве – тот, кто организует строительство на свои средства, уверенный в конечной прибыли; во-вторых, предприниматель – тот, кто занят изготовлением торговых судов, с использованием своих частных капиталов, с расчетом дальнейшей прибыли; в-третьих, предпринимателем называют тех, кто занят трудом по организации строительства, мануфактур и пр.<sup>6</sup> Термин «предприятие» в «Энциклопедии» можно перевести как: 1) план или намерение выполнить что-либо или исполнения намерения; 2) несколько коллективов, объединенных для работ, с лицом, возглавляющим это объединение.

Французский словарь П. Робера констатирует, что понятие «предприниматель» используется во французском языке с XIII в., как и слово «предприятие». Согласно словарю Робера, предпринимателем в области экономики и права считается «всякая личность, которая управляет предприятием, ведя его за собственный счет, используя различные факторы производства (природные ресурсы, труд, капитал), с целью продажи продукции и услуг». Предпринимателями являются «хозяева, земледельцы, коммерсанты, промышленники, в частности, мелкие ремесленники, собственники торговых точек, фермеры». Синонимами слова «предприятие» являются: «действие», «дело», «творчество», «операция», «работа», «авантюра». Предприятие – это то, во что предприниматель вкладывает труд, ресурсы для выполнения определенной



работы: предприниматель является основой хозяйственного механизма<sup>7</sup>.

В данном ключе трактуются указанные понятия и в словаре Лярусса. Предприниматель: 1) лицо, берущее подряд на выполнение значительного объема работ, важных поставок; 2) лицо во главе большого предприятия, выполняющего значительный объем работ и с большим количеством рабочих; 3) лицо, имеющее контракт на предприятие и средства на выполнение неких работ с целью извлечения прибыли или лицо, возглавляющее дело<sup>8</sup>.

В другом этимологическом французском словаре – А. Дожа, Ж. Дюбуа и А. Миттерана – характеризуется эволюция понятий «промышленность» и «промышленник». Эти термины стали впервые применяться в XII в. и первоначально обозначали просто термин «деятельность». В XIV в. ими стали называть определенные способности – ловкость, умение. В XVI в. они использовались для определения профессии. И лишь с XVIII в. эти понятия приобрели современное (во французском языке) значение, выражающиеся такими словами, как «изобретательность», «интеллигентность», «новаторство», «знание того, как делать», «искусство», «профессия», «труд». И в то же время здесь фигурирует «хитрость, ловкость в делах». И тут же авторы словаря отмечают, что нельзя в делах избавляться от честности и требований морали. А «авантюра», свойственная бизнесу, определяется как «совокупность действий, содержащих в себе риск, новизну и пользу для человека»<sup>9</sup>.

Французский термин «*entreprendre*» – «предпринимать» в XV в. лег в основу английского термина «*enterprise*», просуществовав без изменений до настоящего времени. Этимологию слова дает электронная версия словаря Мериам Вебстер. В этом словаре автор дает три значения термина «предпринимательство»<sup>10</sup>:

1) сложный, рискованный проект или дело (a project or undertaking);

2) готовность к активным действиям; инициативность (readiness to engage in daring action; initiative);

3) совместное хозяйственное предприятие; разновидность бизнеса; постоянная направленная деятельность (unit of economic organization; business organization).

В 1980 г. в английском языке появляется термин «free enterprise» – свободное предпринимательство, который разъясняется как частная хозяйственная деятельность, осуществляемая без вмешательства государства.

Электронный вариант Британики дает следующую терминологию<sup>11</sup>: Business organization – разновидность коммерческого предпринимательства; Public enterprise – экономическая деятельность, контролируемая государством или общественностью; Public utility – пред-

принимательская деятельность в общественно значимых отраслях, включая транспорт, средства связи и т.д.

Интересные данные из истории значения терминов приводят саратовские исследователи Н.В. Манохина и И.Ю. Жадан в своей монографии «Предпринимательство и формирование рыночной экономики». В средние века вместо понятия «предприниматель» использовали слово «интерпренер», что в переводе с французского языка означает посредник, и значение этого понятия двойственно: во-первых, так называли организаторов парадов и музыкальных представлений, а второе значение этого слова – лицо, отвечающее за выполнение крупномасштабных строительных или производственных проектов<sup>12</sup>.

К сожалению, исследователи не указывают источник данной трактовки понятия, и если второе значение слова находит подтверждение в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера, то первое значение термина придется принять на веру. Косвенно словарем Лярусса подтверждаются и сведения данных авторов о том, что в XVII в. предпринимателем во Франции считалось лицо, заключившее с государством контракт, стоимость которого оговорена заранее, при этом вся полная финансовая ответственность ложилась на данное лицо, но если удавалось уложиться в меньшую сумму, то разница доставалась предпринимателю. Можно с уверенностью сказать, что «предпринимателем» во времена А. Смита называли не только бизнесменов, управляющих, владельцев капитала, но и «организаторов похорон»<sup>13</sup>.

Признанные исследователи феномена предпринимательства – Дж. С. Милль, А. Маршалл, Й. Шумпетер, Ж.Б. Сэй и др. – полагали, что специфика этого явления, в отличие от хозяйственной деятельности как таковой, состоит в осуществлении новых комбинаций факторов производства и обращения. Логически завершённую версию этого подхода отражает позиция фон Хайека, который рассматривал предпринимательство как деятельность своеобразного типа хозяйственника – предпринимателя, для которого главное – анализ и использование различных возможностей для выпуска новых товаров, открытие альтернативных источников сырья, рынков сбыта, новых способов организации производства и т.д. Таким образом, предпринимательское поведение представляется в той или иной мере инновационным поведением социальных субъектов в сфере производства широкого спектра благ и последующего оперирования ими.

Как уже отмечалось, в научной справочной литературе нет однозначного определения сущности предпринимательства. Это вполне объяснимо, так как представители различных отраслей знаний (экономисты, филологи, философы, социологи и др.) по-разному трактуют содержание этого термина, исходя из поставленной цели исследования и накопленных знаний.



С философской точки зрения, предпринимательство может быть охарактеризовано как особый психотип души, как форма деловой романтики, как средство реализации человеком присущих ему потенций<sup>14</sup>. Однако этого определения явно недостаточно для полного понимания данного феномена<sup>15</sup>.

Современные филологи трактуют его очень просто: «Предпринимательство – деятельность предпринимателя»<sup>16</sup>.

Историки определяют его как «индивидуальное или коллективное занятие каким-либо видом экономической деятельности (торговлей, ремесленным и более крупным промышленным производством, строительством, добычей полезных ископаемых, транспортом, товарным земледелием и скотоводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, кредитованием, изобретательством, особенно в период промышленного переворота и т.д.), направленным не на удовлетворение собственных потребностей, а на рыночный сбыт, извлечение прибыли»<sup>17</sup>.

«Современный экономический словарь» утверждает, что предпринимательство – это «инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Предпринимательство преследует также цель повышения имиджа, статуса предпринимателя»<sup>18</sup>.

Близким по значению к данному понятию является и термин, который дает электронная «Большая Российская Энциклопедия»: «Предпринимательская деятельность – по законодательству РФ – самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность граждан и их объединений, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке», предприниматель, согласно данной энциклопедии, – это тип руководителя, который: стремится изменить динамику развития деятельности и активно ищет новые направления деятельности и возможности расширения номенклатуры продукции<sup>19</sup>.

В 1983 г. специалист теории бизнеса Г. Шиллот разделил понятия интрапренер – это предприниматель, работающий в условиях уже действующего предприятия, как правило, крупных фирм, антрепренер – это предприниматель, заново создающий предприятие<sup>20</sup>. В оборот вошло уже понятие «предпринимательское управление», его автор Г. Стивенсон выделяет определенные черты предпринимательского управления, противопоставляя его администрированию. По критерию стратегической ориентации предприниматель движим восприятием возможностей, а не наличием

ресурсов; не относительно к самим возможностям он настроен революционно; учитывая многостадийность процесса, он не задерживается на каждой стадии полотгу; ориентирован на лизинг или эпизодическое использование ресурсов, а не на владения ими; предпочитает неформальные сети связей формализованным иерархиям; в возниах разделении основывается скорее на коллективистских ценностях и стимулах, чем на индивидуальной карьере<sup>21</sup>.

Используя в повседневном и научном языке русский термин «предпринимательство», нельзя не затронуть проблему его соотношения с английским словом «бизнес» – business, который стал очень распространенным в современном русском языке. Последний, по нашему мнению, значительно шире, чем русское понятие «предпринимательство». «Оксфордский толковый иллюстрированный словарь английского языка» предлагает следующие значения термина «business»: деятельность, приносящая доход в результате продажи товаров или оказания услуг; любой вид деятельности, приносящий заработок; бизнес – как частная деятельность индивидуума; бизнес – как деятельность вообще<sup>22</sup>.

Таким образом, мы видим, что существует специфическое поле значений понятия «предпринимательство» в англоязычных странах, как и национальные традиции в представлении о предпринимательстве вообще. В Америке предпринимателем считается человек, открывающий свой собственный новый мелкий бизнес. Но не каждый новый бизнес можно назвать предпринимательством. Наличие своей собственности – это один из компонентов предпринимательства, но не единственный. Настоящая предпринимательская структура всегда пытается создать что-то новое и отличное от уже имеющегося, изменяет и преобразовывает существующие ценностные установки.

Проанализировав статьи этимологических, толковых, экономических, энциклопедических русских и иностранных словарей, а также их электронные версии, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, термин «предпринимательство» существует во французском языке с XII в., в английском – с XV в. (существовал данный термин и в латинском языке, но родственные связи его с романскими языками не прослеживаются).

Во-вторых, термин «предпринимательство» («предпринимательница») впервые вводится в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, т.е. до выхода этого словаря слова «предпринимательство» практически не было.

В-третьих, предпринимательство уже определялось законодательством как корпоративное.

В-четвертых, значение термина «предпринимательство» менялось в русском языке в течение XX века. В словарях, изданных в со-



ветский период, оно практически отсутствует, что объясняется официальным запрещением предпринимательской частной деятельности. В современном разговорном языке (а иногда и в научном) происходит подмена термина «предпринимательство» термином «бизнес», кроме того, в современном языке существуют слова «менеджер», «внутрипренер» и «внтрпренер». Как будет идти процесс «приживания» этих терминов, покажет время.

В-пятых, в настоящее время термин «предпринимательство» многозначен. На наш взгляд, с содержательной стороны данное явление может включать: метод хозяйствования, тип экономического мышления и поведения, профессию, инструмент социальных преобразований и, наконец, то, что определяется в социологии индустриализма как «предпринимательский дух».

Часть ученых связывают предпринимательство с инновационным типом личности и поведения<sup>23</sup>, другие – акцентирующие внимание на предпринимательстве как элементе социальной структуры общества, трактуют новаторство более широко, отмечая системообразующий, социально-новаторский характер деятельности<sup>24</sup>. В самом общем виде можно выделить несколько подходов к определению предпринимательства: первый связан с рассмотрением предпринимательства как специфического типа деятельности, с инновациями и риском; второй базируется на понимании этого явления как экономического и социокультурного феномена. В рамках третьего подхода предприниматель рассматривается как активный субъект. В этом контексте предпринимательство, с одной стороны, представляет собой тип экономической деятельности, с другой – социальный слой, реализующий этот вид деятельности.

Общепринятым в мировой практике является понятие предпринимательства как деятельности, не связанной с какой-либо определенной формой собственности или размерами производства. В законодательстве большинства стран СНГ в качестве ключевой характеристики предпринимательства принято прежде всего получение прибыли или дохода, и в этом смысле понятие предпринимательства фактически совпадает с понятием коммерческой деятельности. Нельзя не согласиться с суждением Е.Е. Румянцевой, что главной характеристикой предпринимательства является инновация<sup>25</sup>. С этой точки зрения по-разному можно оценивать размах предпринимательской деятельности для конкретного периода или региона. «Коммерческий» подход, обычно используемый в российской статистике, оперирует объемами продукции, показателями прибыли и даже уровнем занятости. «Инновационный» подход предполагает определение иных показателей, не всегда очевидных.

Кроме того, предпринимательство обладает практически всеми необходимыми чертами идеологии как системного мировоззрения. Оно

содержит набор рационализирующих схем, относящихся как к индивидуальному действию, так и к общественному развитию, поведению фирмы и кругу обороту национального капитала. Предпринимательство предлагает относительно замкнутую систему ценностных ориентиров, таких как независимость, самореализация, стремление к индивидуальному успеху в осязаемых материальных формах. Предпринимательская идеология нацеливает на отвоевывание индивидуального жизненного пространства «если угодно», при любых правилах и независимо от этих правил. Этим обусловлено повышенное внимание ученых к «предпринимательскому мифу» в странах Европы и США; по оценке ряда авторов, оно связано с попыткой отстоять либеральные, индивидуалистические ценности как оплот западного мировоззрения, перед лицом наступающей корпоративности, в том числе корпоративности чуждой, восточной, азиатской. Для России возможность использовать ценности предпринимательства в качестве кристаллизующих инициативу важно в двух аспектах: с учетом выявленного С. Прейсом, П. Джонсоном, А. Дарнеллом кризисного характера предпринимательской активности (доля малого бизнеса в занятости и объемах производства негативно связана с устойчивым экономическим ростом и позитивно коррелирует с уровнем безработицы) и в отношении поиска новой модели идентичности.

Существует множество характеристик предпринимательской деятельности, однако единства по вопросу о том, что составляет сущность предпринимательства, нет. Тем не менее в работах А. Агеева, В. Верховина, В. Радаева дается достаточно полная и обоснованная его характеристика. Данные авторы полагают, что можно выделять необходимые (базовые) и возможные (вторичные) свойства предпринимательства. К первым можно отнести организационно-хозяйственные инновации и экономическую свободу хозяйствующего субъекта. Кроме них есть и другие признаки (владение ресурсами, принятие решений, несение риска, лидерство и т.д.), которые выступают либо производными от базовых, либо дополняющими и раскрывающими их суть. Наиболее важным базовым свойством является экономическая свобода хозяйствующего субъекта, а ее ограничениями должны выступать лишь непосягаемость на чужую собственность, соблюдение законов и выполнение договорных обязательств.

Исходя из позиций Й. Шумпетера, о чем в наиболее авторитетных исследованиях проблемы В.В. Радаев понимает под предпринимательством «осушествление организационной инновации в целях извлечения прибыли (другого дополнительного дохода)»<sup>26</sup>. Этот подход базируется на социальных факторах развитой рыночной экономики.

Еще одно определение предпринимательства дает А.М. Гусев: предпринимательство есть



особый вид человеческой деятельности, отличающийся творческим, инновационным характером, ориентированной на получение прибыли, заключающейся в рискованном создании новых предприятий и управлении ими и обеспечивающей занятость, социальную мобильность и благосостояние общества<sup>27</sup>.

Переходный характер российского общества и экономики, по мнению В.Е. Гимпельсона, обуславливает специфику российского современного предпринимательства, экономическая функция которого «опосредуется и сопровождается социальным действием, направленным на изменение социальных отношений»<sup>28</sup>. Иными словами, предпринимательство объективно нагружается социальными аспектами.

Еще одной особенностью российского предпринимательства исследователи видят в том, что инверсионный тип стратификации российского общества обуславливает стремление субъектов предпринимательства к достижению максимальной власти, которая и является решающим условием максимизации прибыли<sup>29</sup>. Отсюда вытекает необычная для развитых стран важность взаимодействия предпринимательства с властными структурами.

Кроме того, отрицательное отношение большинства населения к предпринимателям также побуждает последних обращаться к власти за поддержкой. Таким образом, взаимодействие с властными структурами приобретает для предпринимательства стратегическое значение.

По мнению Ю.Л. Казанова, попытки операционализировать рабочие понятия предпринимательства несут нередко значительную долю субъективизма конкретных социологов<sup>30</sup>. Исследователи единодушны в одном: предпринимательство является новым элементом социальной структуры российского общества, обладающим значительной социальной энергией, а также – предпринимчивостью. Еще один признак предпринимательства – наличие «идеологии как системного мировоззрения», позволяющей инициировать как действия отдельных индивидов, так и всего общества<sup>31</sup>.

Наличие идеологии предпринимательства вызвало в обществе мнение о том, что в связи с совпадением вектора развития российской экономики с интересами предпринимателей, для придания реформам необратимого характера и четкой направленности необходимо выполнить два условия: не следует конструировать новую идеологию, а следует просто заимствовать и адаптировать к отечественным реалиям идеологию предпринимательства; необходимо включить крупнейших российских предпринимателей в элиту общества<sup>32</sup>.

Вместе с тем хорошо известно, что ни в одной из развитых стран мира (за исключением США) идеология предпринимательства так и не стала господствующей в обществе. Более того,

исследователи отмечают маргинальное положение предпринимательского слоя в этих странах. Тем не менее ряд отечественных ученых предлагают по существу, насильно внедрять ценности предпринимательства в современное российское общество.

Следуя за Й. Шумпетером, сформулируем общее определение предпринимательства: это – осуществление организационной инновации в целях извлечения прибыли (другого дополнительного дохода). Предпринимательство, таким образом, конституируют три необходимых элемента:

- организационное действие;
- инициирование изменений;
- денежный доход как цель и критерий успеха<sup>33</sup>.

Существуют еще полтора–два десятка переменных, которые обозначают многообразные видовые различия предпринимательской деятельности. Так, предпринимательство может быть связано или не связано с собственностью на капитал, сопровождаться или не сопровождаться трудовой (управленческой или исполнительской) активностью. Предпринимательские акции могут проводиться сверху, по существующим административным каналам, или инициироваться снизу неформальными лидерами. В качестве предпринимателей могут выступать как специально обученные профессионалы (выпускники элитарных бизнес-школ), так и «любители», не имеющие никакой профессиональной подготовки. Предпринимательские действия могут основываться на дотошных расчетах и на чистой интуиции. Одни из них направлены на эффективное приспособление, имитацию имеющихся образцов организации в новых условиях; другие – на познание скрытых от большинства людей хозяйственных возможностей; третьи – на активное формирование этих новых условий, в том числе изобретение совершенно новых организационных форм.

В одних случаях предпринимательские действия связаны с явным риском (потерей доходов и имущества, статуса и времени); в других – этот риск просчитан, но остается место для неопределенности: в третьих – риска может не существовать и вовсе (кроме, пожалуй, неизбежной при любом исходе потери времени). Характер организационно-хозяйственных действий зависит от размеров вовлеченных ресурсов и сфер (отраслей) их освоения. Эти действия могут выходить за пределы собственного производства, например, в сферы политики, науки, искусства, если они ориентированы на извлечение прибыли. Наконец, предпринимательство может быть индивидуальным или групповым по исполнению, успешным или неуспешным по результату.

Во всех этих случаях сохраняется понимание предпринимательства как функции, которая возникает и исчезает по мере необходимости, может бесконечно дробиться и инстингуироваться. Эта функция присуща любой хозяйственной сис-



теме, но крайней мере, с момента ее вступления в стадию индустриализации. Она вполне может реализовываться и в государственном, и в негосударственном секторах, существовать при самых разных политических режимах.

Завершив анализ предпринимательства как социального феномена, отметим, что широко распространены получили и такие понятия, как «предпринимательское поведение», «предпринимчивость». Не вдаваясь в анализ этих категорий, лишь отметим, что они, конечно, не являются синонимами. Из сказанного выше вполне очевидно вытекает, что предпринимательство – это вид деятельности, это сложное социальное явление, предприниматель – это то лицо, которое занимается предпринимательской деятельностью, а термины «предпринимательское поведение» и «предпринимчивость» отражают характер и специфику деятельности предпринимателя в конкретных социально-экономических, политических и организационных условиях. Вот почему использование всех этих категорий и дает возможность глубокого и всестороннего анализа предпринимательства как такового.

Реальным фактом ныне стало существование множества предпринимательских структур, каждая из которых характеризуется своими чертами. Для того чтобы увидеть различия между разными типами предпринимательства, необходима его классификация. Предпринимательство может осуществляться как в государственном, так и в частном секторе экономики. В соответствии с этим различают государственное и частное предпринимательство. В данном случае за основу классификации принято право собственности на осуществление предпринимательских функций. Каждый из этих видов предпринимательства имеет отличительные признаки, но основные принципы их осуществления во многом совпадают: предполагается инициативность, ответственность, инновационный подход, стремление к максимизации прибыли.

Государственное предпринимательство – это форма осуществления экономической активности от имени предприятий, учреждений. Оно реализуется государственными органами управления или органами местного самоуправления, причем собственность такого рода предприятий – это обособленная часть государственного или муниципального имущества, бюджетных средств и других источников.

Частное предпринимательство – форма осуществления экономической активности от имени предприятия или предпринимателя. Заметим при этом, что государственное предпринимательство менее эффективно, нежели частное, и основная причина заключается в том, что предпринимательские функции всегда осуществляют конкретные личности: в частном предпринимательстве эти функции исполняют талантливые, быстро реагирующие на любые изменения люди, которые

занимаются тем, что привлекательно для них. В государственном же секторе за осуществление предпринимательства отвечают лица назначаемые, формально исполняющие свои обязанности<sup>11</sup>.

Вместе с этим можно вести речь о комплексном, семейном и ином предпринимательстве, которые, в конечном счете, являются производными от двух указанных выше форм. Поэтому важна другая классификация – в зависимости от предпринимательских функций, принятых на себя при вступлении в предпринимательское пространство.

Согласно этой классификации, выделяют производительную и посредническую предпринимательскую деятельность (последняя включает в себя действия посредника, агента, оптовую торговлю, послепродажное посредничество, торговое представительство, коммивояжерство, акционерство, биржевое предпринимательство, фьючерсы, ридторство); предпринимательство в финансовой сфере, которое предполагает финансовые институты, банки, инвестиционные компании и фонды, трастовую предпринимательскую деятельность и аудиторство.

Предпринимательская деятельность в современной России осуществляется в следующих организационно-правовых формах предприятий: юридические лица; товарищества; хозяйственные общества; корпорации; акционерные общества закрытого и открытого типов; холдинговые компании; производственные кооперативы (артели); унитарные предприятия; объединения самостоятельных предприятий и другие формы предпринимательской активности (в частности, участие в соучреждении предприятия, покупка предприятия, выкуп партнерской доли и наследование).

Следует заметить, что в современных условиях предпринимательство имеет место как в городе, так и на селе, в последнем случае речь идет о сельском (аграрном) предпринимательстве.

Каждая из названных классификаций типов предпринимательства имеет свои особенности, но основные принципы их социального взаимодействия совпадают: предпринимательство предполагает деловую активность различной направленности, стремление к максимизации прибыли.

Если за основу классификации бизнеса взять рыночный ресурс, то можно выделить следующие типы предпринимательства: производственное (промышленное, сельскохозяйственное), оказание услуг, посредническое, торговое, финансовое, информационное и силовое предпринимательство. Так, для производственного бизнеса основным ресурсом выступают факторы производства; для торгового – потребительские товары; для финансового – деньги; для информационного – знания; для силового – организованная сила или физическое насилие как реальное, так и потенциальное.





Остановимся на специфике названных выше форм активности в зависимости от рыночного ресурса: начнем с производственного предпринимательства. Роль предпринимателя в этой области многогранна. Предпринимательская деятельность здесь может носить инновационный и традиционный характер. В современном предпринимательстве рационализация и нововведения в области технологии начинают терять свое определяющее значение, и на первый план выступает задача мобилизации личностных, духовных ресурсов, связанных со способностью бизнесмена к инновационным процессам.

Склонность к инновациям выдвигается на первое место по отношению к способности рационализации, а приоритеты количества уступают приоритетам качества (товаров, услуг, отношений между взаимодействующими субъектами). Инновационные изменения в области предпринимательства должны базироваться на таких основных принципах, как простота, автономия деятельности и квалифицированное управление.

Инновационный тип предпринимателя появляется тогда, когда он внутренне осознал и очертил пространство своей самореализации; в его эмоциональных ощущениях превалирует чувство самодостаточности, уверенности в себе; это состоявшийся бизнесмен, собственное дело стало для него смыслом жизни; он стремится к изменению окружающей среды в соответствии со своими взглядами и вкусами.

Инновационный эффект предпринимательского поведения складывается из трех элементов: уникальных личностных качеств и способностей отдельных индивидов; соответствующей рыночной среды; предпринимательской культуры, включающей в себя определенный набор инструментальных и культурных ценностей, стандартов и образцов поведения.

Наличие этих трех составляющих создаст необходимые предпосылки для того, чтобы постоянно возобновлялась в различных комбинациях и сочетаниях социально-экономическая матрица массовых человеческих действий, ориентированных на предпринимательский успех. Постоянный риск неудачи, являющийся уделом значительного большинства предпринимателей, компенсируется появляющимися примерами уникальных результатов и достижений, которые стимулируют экономическую активность многих, не потерявших надежду, неудачников и банкротов<sup>15</sup>.

В этом случае прибыль не цель, а рабочий инструмент, она нужна, чтобы вкладывать средства в освоение новых, перспективных сфер экономики. Предприниматель – своего рода экспериментатор, он берет на себя риск поиска новых возможностей, заражает окружающих азартом и гонимом этого поиска, стремлением к успеху. Это и делает предпринимателя ключевой фигурой рыночной экономики.

Основной вид предпринимательской активности – производство товаров – также невозможен без вспомогательной деятельности (конструкторской, консультационной, инженеринговой и др.), что ведет к углублению специализации и обогащению форм социального взаимодействия.

Логика предпринимательской деятельности по производству товаров сводится к тому, что вместо обращения к изучению рынка и рыночной ситуации предприниматель может получить экспертную оценку предпринимательской идеи, обратившись к посреднику.

Теперь остановимся на специфике посреднической формы предпринимательской деятельности. Рынок, как известно, представляет собой место встречи двух основных субъектов социально-экономических отношений – производителя и потребителя или же их представителей. Лица, представляющие интересы производителя или потребителя, называются посредниками. Предпринимательская активность в сфере посредничества позволяет совместить интересы производителя и потребителя. Посредничество, с точки зрения бизнесмена-производителя, повышает степень эффективности его деятельности, поскольку он получает возможность сосредоточить усилия только на самом производстве. Кроме того, включение посредника в отношения между производителем и потребителем существенно сокращает срок оборачиваемости капитала, а следовательно, повышает прибыльность производства.

Благодаря включению посредника в цепочку социального взаимодействия (производитель – потребитель) обеспечивается широкая доступность товара для всех потребителей. Предпринимателями, оказывающими посреднические услуги, могут выступать брокеры, джобберы, посыльные, торговые представители, комиссионеры, коммивояжеры, дистрибьютеры, дилеры, торговые маклеры и др.

В сегодняшней России развитие получают, в основном, посреднические коммерческие структуры. Предпринимательский капитал формируется во многом благодаря действиям очень близким к понятию «экономическое преступление». Известными становятся не истинные предприниматели, в классическом понимании этого слова, а те, кто умеет делать деньги любыми способами. СМИ пропагандируют в основном имена людей, причастных к сфере бизнеса, но не их деятельность. Разбухшая посредническая структура может привести в будущем к отмиранию некоторых ее составляющих: глядящие вперед предприниматели стремятся концентрировать капиталы в производственной сфере как более стабильной по сравнению с посреднической.

Кроме названных выше форм предпринимательской активности, можно выделить финансовое предпринимательство, которое относится, с одной стороны, к категории посреднической деятельности, а с другой – к оказанию услуг. Поэтому оно является неотъемлемой частью различных типов



предпринимательства. Предпринимательство в финансовой сфере может осуществляться банками и финансистами за счет учреждения и организации деятельности банков, инвестиционных компаний и фондов.

Следует отметить, что эффективность предпринимательской деятельности в финансовой сфере зависит от состояния реального сектора экономики, инвестиционного климата, законодательной базы, политической стабильности в обществе и др. В этом плане ситуация в нашей стране весьма неблагоприятная, что непосредственно сдерживает развитие этой перспективной и интеллектуально емкой формы.

Своеобразной реакцией на кризис и слабость государства, неразвитость рыночной экономики явилось силовое предпринимательство, которое определяется как набор стратегических решений, позволяющих конвертировать организованную силу в денежный доход или иные блага, имеющие рыночную ценность<sup>36</sup>.

Существует несколько видов силового предпринимательства: государственные, но нелегальные подразделения государственных органов правопорядка и безопасности, выступающие как частный субъект; государственные, но легальные (зарегистрированные частные охранные предприятия); частные и нелегальные (бандитские группировки). Силовые предпринимательские структуры различны по размерам, принципам организации и правовому статусу, но сходны по методам предпринимательской деятельности и функциям, выполняемым ими на российском рынке. Их главный ресурс – организованная сила, а основная функция связана с силовым партнерством.

Как специфический социальный институт, силовое партнерство начало формироваться в 1987–1988 гг. в результате превращения эпизодического вымогательства в регулярный racket группировок, начавших извлекать доход из продаж охранных услуг предпринимателям<sup>37</sup>. Есть ряд факторов, обусловивших рождение силового предпринимательства: нелегальное происхождение части капитала, что не позволяло некоторым предпринимателям рассчитывать на защиту правоохранительных органов; высокий риск предпринимательской деятельности, вызванный невозвратом долгов, несоблюдением контрактов, постоянным мошенничеством; относительная дешевизна защиты интересов предпринимателя частными силовыми предприятиями по сравнению с государственными; непригодность государственного арбитража к рынку; слабость судебной системы; неразвитость законодательной базы создавали спрос на охранно-силовые услуги и стимулировали частные охранные ведомства и фирмы.

Развитие силового предпринимательства, таким образом, связано с тем, что Российское государство не в состоянии выполнять ряд своих функций и фактически перекладывает их на неподконтрольные государству структуры.

Как уже отмечалось, предпринимательство бывает крупным, средним и малым. Малое предпринимательство выступает как динамичная форма хозяйствования, для которой характерны гибкость и способность чутко реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. Осуществляя хозяйственную деятельность, субъекты малого предпринимательства ориентируются прежде всего на потребности местного рынка, объем и структуру локального спроса.

Согласно федеральному закону от 14 июня 1995 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», к субъектам малого предпринимательства относятся: коммерческие организации, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов не превышает 25%; доля, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого предпринимательства, не превышает 25%, и в которых средняя численность работников за отчетный период не превышает следующих предельных уровней: в промышленности – 100 человек; в строительстве – 100 человек; на транспорте – 100 человек; в сельском хозяйстве – 60 человек; в научно-технической сфере – 60 человек; в оптовой торговле – 50 человек; в розничной торговле и бытовом обслуживании населения – 30 человек; в остальных отраслях и при осуществлении других видов деятельности – 50 человек; индивидуальные предприниматели без образования юридического лица.

Для оценки текущей ситуации в сфере развития малого предпринимательства обычно используются следующие показатели: прирост/сокращение количества зарегистрированных малых предприятий на 100 тыс. населения за отчетный период; увеличение/сокращение среднесписочной численности занятых на малых предприятиях; рост/спад объема производства продукции (работ, услуг) малыми предприятиями; рост/спад инвестиций в основной капитал, рост/спад поступлений единого налога для субъектов малого предпринимательства, перешедших на упрощенную систему налогообложения, учета и отчетности, и единого налога на вмененный доход для определенных видов деятельности (с учетом всех субъектов малого предпринимательства, уплачивающих эти налоги).

Типология предпринимательской деятельности производится по различным основаниям. Наиболее распространена классификация по размеру бизнеса: выделение малого, среднего и крупного предпринимательства по экономическим отраслям: в машиностроении, легкой промышленности, сельском хозяйстве, секторе торговли, услуг и т.д. Выделяют также предпринимательство различных территорий (регионов). В современной России имеет смысл квалифи-



пировать этот вид деятельности в зависимости от размеров населенного пункта и его статуса: на селе, в мелких и крупных городах, столичное предпринимательство. Существенные различия имеют также индивидуальное и коллективное (корпоративное) предпринимательство.

Возможен и иной подход к структуре предпринимательства, на основании процессов хозяйственной деятельности: создание фирм (хозяйствующих организаций); изменение маркетинговой политики, освоение новых рынков при неизменных характеристиках товара; освоение новых рынков на основе изменения свойств товара – цены или качества; освоение новых рынков на основе производства новых видов товара; интенсификация трудовых отношений с помощью применения новых технологических схем и оптимизации организационной структуры; оптимизация отношений с контрагентами (деловыми партнерами) на основе повышения доверия и увеличения количества потенциальных контрагентов. Создание новых фирм (как акт предпринимательства) включает в себя освоение рынка, возникновение трудовых отношений и организационной структуры, отношений с контрагентами.

Рассмотренная выше структура предпринимательства в России находится в динамике, подвергается изменениям в зависимости от многих (не только экономических) факторов, и поэтому возможно появление новых видов и форм предпринимательства, которые могут стать предметом исследования в будущем.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 3. С. 388
- <sup>2</sup> Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. С. 615
- <sup>3</sup> Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон: В 82 т. СПб., 1898. Т. (49) XXV. С. 126.
- <sup>4</sup> Там же. С. 129.
- <sup>5</sup> Там же. С. 130.
- <sup>6</sup> Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers: En 28 vol. P., sans date. Vol. 5. P. 332-333.
- <sup>7</sup> Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert. P., 1968. P. 591.
- <sup>8</sup> Grande dictionnaire universelle du XIXe siècle... par Pierre Larousse: En 17 vol. P., sans date. Vol. 7. P. 658.
- <sup>9</sup> Nouveau dictionnaire étymologique et historique du français par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. P., 1971. P.26, 128, 388, 899.
- <sup>10</sup> <http://MerriamWebster.Online.com>
- <sup>11</sup> <http://Britanica.com>
- <sup>12</sup> Мануйлова Н.В., Жданов И.Э. Предпринимательство и формирование работника нового типа. Саратов, 2000. С.5
- <sup>13</sup> Рошаль Р. Entrepreneurship. Dover, 1984. P.7.
- <sup>14</sup> См.: Бурцева Т.В. Философский анализ предпринимательской деятельности (социально-психологический аспект). Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2005.

- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складчиковского. СПб., 1998. С.498.
- <sup>17</sup> История предпринимательства в России: В 2 кн. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С.5.
- <sup>18</sup> Современный экономический словарь. С. 537 // <http://books.abia.ru>
- <sup>19</sup> Большая Российская энциклопедия // <http://www.encycl.assoopa.ru>
- <sup>20</sup> Электронные средства информации трактуют его как «интрапредпринимательство» – предпринимательская деятельность, проводимая внутри крупного предприятия // <http://webadmin@glossary.ru>
- <sup>21</sup> См.: Stevenson H.A. Paradigm of Entrepreneurship. Harvard, 1989. P.25.
- <sup>22</sup> Рю А. Оксфордский толковый иллюстрированный словарь английского языка. М., 2001. С.64.
- <sup>23</sup> Смольков В.Г. Предпринимательство как особый вид деятельности // Социс. 1994. №1; Фетисов Э.Н., Яковлев И.Г. О социальных аспектах предпринимательства // Социс. 1993. № 1.
- <sup>24</sup> Чепуренко А.Ю. Предпринимательский класс в возрождающейся России // Мир России. 1993. № 1. С.78.
- <sup>25</sup> <http://www.ecfor.ru>
- <sup>26</sup> Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1997. С.96.
- <sup>27</sup> См.: Гусев А.М. Малое предпринимательство как объект социологического исследования: региональный аспект. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2002.
- <sup>28</sup> Гилпельсон В.Е. Новое предпринимательство: источники формирования и стратегии социального действия // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 6. С.37.
- <sup>29</sup> См.: Дряхлов Н.И., Давыденко В.А. Предпринимательство как объект и субъект управления: методологические подходы // Социс. 1996. № 6. С.125.
- <sup>30</sup> См.: Качапов Ю.А. Социологический casus: «социальная группа предпринимателей» // Социс. 1999. № 9. С.33.
- <sup>31</sup> См.: Радаев В. Предпринимательство как новый российский миф // Знание – сила. 1996. № 4. С. 12.
- <sup>32</sup> См.: Гурова Т., Фадеев В. Зачем России капитал? // Эксперт. 1996. № 18. С. 20.
- <sup>33</sup> Организационная инновация может реализовываться как путем создания совершенно новых, так и путем качественного преобразования существующих предприятий – их дробления и слияния; переформирования собственности; коренного изменения организационной структуры. Осуществление подобных инноваций отличает предпринимателя от «чистого» рантье или «чистого» спекулянта-доверителя.
- <sup>34</sup> См.: Бусыгин А.В. Предпринимательство. М., 2000. С. 170-171.
- <sup>35</sup> См.: Верховин В.И. Экономическая социология. М., 1998. С.385.
- <sup>36</sup> См.: Волков В.В. Сильное предпринимательство в современной России // Социс. 1999. № 1. С.56.
- <sup>37</sup> См.: Социс. 1995. № 3. С.115-121.

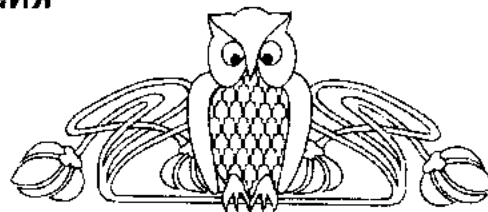


УДК 316.334.22:316.334.52

## СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЕГО ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ

А.А. Ильютенко

Саратовский государственный университет,  
кафедра социологии регионов  
E-mail: BegilinaJA@info.sgu.ru



В статье выделены направления реализации социального потенциала инновационного трудового поведения в регионе: воздействие предпринимательского поведения на решение таких общественно значимых проблем, как безработица, насыщение рынка товарами и услугами, преобразование сознания людей и развитие их предпринимательской культуры.

### Social Potential of Innovative Labor Behavior and Ways of its Implementation in the Region

A.A. Il'yutenko

Possible ways of the social potential implementation of innovative labor behavior in the region are listed, with due account of the influence of employer's behavior on the solution of such socially significant problems as unemployment, market saturation with goods and services, people's consciousness transformation and business culture development.

Распространение и упрочение инновационного трудового поведения имеет решающее значение для жизнедеятельности всего общественного организма, особенно в транзитивный период. Выделим лишь некоторые направления данного процесса, имея в виду воздействие предпринимательского поведения на решение таких общественно значимых проблем, как снижение уровня безработицы, насыщение рынка товарами и услугами, преобразование сознания людей и развитие их предпринимательской культуры. В условиях переходной экономики и общеэкономического кризиса развитие малого бизнеса является тем социальным и экономическим амортизатором, без которого существующие проблемы стали бы еще острее. Этот сектор отчасти снимает проблему безработицы, быстро осваивает наиболее перспективные с точки зрения рынка ниши, принося доходы в бюджет, позволяет гражданам реализовывать и развивать предпринимательские навыки, в конечном итоге, формирует тот самый «средний» класс, без которого невозможна политическая стабильность. Приоритетность поддержки малого предпринимательства - аксиома как в развитых западных странах, так и в России.

Развитие малого предпринимательства является одним из главных направлений преобразований, происходящих в российской экономике, ее разгосударствления и формирования новых экономических структур в условиях рынка и

конкуренции. Малое предпринимательство оказывает положительное воздействие на продвижение реформ, их целостность и результативность, на преодоление кризисных явлений, решение социальных проблем. Ведущая роль в становлении малого бизнеса принадлежит муниципальным образованиям. В первую очередь, муниципальные образования заинтересованы в развитии малого предпринимательства, поскольку эта сфера способна приносить значительный доход в местный бюджет и может оказать положительное влияние на повышение уровня жизни населения.

У трудоспособного населения многих районов области - небольшой выбор видов и места работы, и малые предприятия способны обеспечить рабочие места и повысить уровень жизни.

Постепенное снижение потребительского спроса в районах области создает условия, при которых работа малых предприятий для удовлетворения нужд населения становится малоодоходной, создает негативные предпосылки для развития застойных или, возможно, кризисных явлений в данной сфере.

Пути преодоления негативных предпосылок, которые наметились в развитии малого предпринимательства области, избираются муниципальными образованиями самостоятельно, исходя из местных условий и особенностей развития малого бизнеса в районе, хотя необходимо предпринять ряд общих мер: важно обратить внимание на финансовые и иные причины, способствующие прекращению существования реально действующих малых предприятий, особенно предприятий - производителей продукции, и начать работу по их устранению. Также следует помогать предприятиям, привлекающим к работе на временной (договорной) основе учащуюся молодежь, домохозяйки, пенсионеров и других лиц с ограниченной возможностью трудиться; необходимо оказывать малым предприятиям разумный протекционизм, особенно предприятиям - производителям продукции в сельских районах; необходимо также упростить и облегчить районную систему административных разрешений (лицензии, сертификаты и т.п.), контроля (налогового, санитарно-эпидемиологического, пожарного и т.п.).

Одним из важнейших направлений развития предпринимательской активности выступает



распространение культуры вообще, и предпринимательской в частности. Бесспорно, что успешность работы в области предпринимательства во многом зависит от личностных качеств самого человека. Индивидуальные предпосылки, будь то от природы унаследованные задатки или темперамент, сами по себе не предрешают развития способностей и характера. Если индивид не будет вовлечен в соответствующую его природным задаткам деятельность, то они останутся не реализованными.

Предпринимчивому руководителю присущи, как правило, высокая гражданственность, профессионализм, коммуникабельность, обостренное чувство нового и умение мыслить категориями эффективности, тяга к поиску неординарных альтернативных решений традиционных задач, энергия и настойчивость в их реализации, готовность идти на риск с сознанием личной ответственности за последствия своих действий. Если это так, то очевидно, что реализация идей, на которых зиждется реформа хозяйственного механизма, возможна лишь усилиями предприимчивых людей<sup>1</sup>.

Исследования личностно-деловых качеств современных российских предпринимателей показали, что для их деятельности характерно множество противоречий: между необходимостью работать по-новому и сложившимися старыми стереотипами и социальными установками, между желанием работать эффективно и несовершенством законодательной системы, давлением коррумпированной бюрократии и многим другим.

Ценности и мотивы предпринимательской деятельности должны быть достоянием всего общества. Если в обществе культивируется представление о том, что создание собственной фирмы – дело престижное и достойное, а на человека, создавшего собственное дело, смотрят с одобрением, желающих последовать его примеру найдется немало. Государство, принявшее на себя труд развивать предпринимательскую культуру, способно через средства массовой информации, искусство и другие каналы воздействия наглядно рекламировать предпринимательство как благо для общества.

Действительно, предпринимательство в различных его видах – индивидуальном или коллективном – оказывается наиболее мощным фактором преобразования сознания людей. Предпринимательское творчество как усилитель инновационного процесса наиболее адекватно проявляет себя в раскрепощении творческой личности. В этом находит воплощение и присущая предпринимательству запрограммированность на нововведения. Отсюда взяли свое начало многие достижения человеческого разума, начиная от нововведений в области техники и технологии, организации производства и кончая социальной инновацией, то есть раскрепощением личности в творчестве<sup>2</sup>.

В процессе формирования предпринимательской культуры особое место принадлежит развитию экономического сознания. И хотя, по нашему мнению, это предмет специального исследования, но вполне очевидно, что экономическое сознание выступает своеобразной предпосылкой предпринимательства. Мы уже отмечали, что развертывание предпринимательской активности возможно лишь при условии, что массовое сознание «расстанется» с прежними представлениями и взглядами на труд, собственность, благосостояние, равенство и повернется к новым экономическим реалиям, складывающимся в нашем обществе. При этом очевидно, что новое экономическое сознание нужно активно формировать, воспитывать и это становится делом, обязанностью общества, его органов и институтов.

Наиболее благоприятной ситуацией для предпринимательства является, конечно, экономическая и политическая стабильность в обществе; развитие различных форм собственности, их равенство друг перед другом; сокращение до возможного минимума экономических функций государства, о чем писал еще П.Сорокин в 1920-х годах: чем меньше государственное влияние на частную сферу, тем лучше<sup>3</sup>.

Бесспорно, важнейшим условием, предпосылкой эффективного развития предпринимательства, повышением его социальной роли является стабильное законодательство, касающееся его сферы. За последние годы принято несколько десятков законодательных и нормативных актов, призванных создать правовые условия для успешного становления рыночной экономики. Среди них законы о собственности, предприятиях и предпринимательской деятельности, земельное и налоговое законодательство и т.д. Многие законы в силу того что они принимались в разные периоды, вступают в противоречие друг с другом, ряд положений недостаточно обоснованы теоретически.

Необходимо упрощение правил регистрации предпринимательских структур, сокращение различных форм отчетности. В настоящее время для создания своего дела людям требуется немало материальных средств и большие затраты нервной энергии при хождении по различным кабинетам местной администрации.

Можно бесконечно долго говорить об необъявленной войне против предпринимателей любого ранга на территории нашей страны, причем Саратов занимает здесь далеко не последнее место. Но не меньший урон развитию предпринимательства наносит коррумпированность чиновников, когда заниматься бизнесом, не нарушая законодательства, практически невозможно (имеются в виду взятки государственным чиновникам, работникам контрольных органов, суда, прокуратуры и т.д.)<sup>4</sup>.

Ну а как просто выжить (не говоря уже о развитии) мелкому и среднему предпринимательству



в условиях сверхконцентрации производства, наличия большой доли крупных хозяйственных структур в общей численности предпринимательских предприятий и организаций?

Вот почему и в данном случае необходима активная деятельность государства по разработке, принятию и реализации эффективной программы (политики) экономической защищенности, что явится основой процветания и предпринимательства. Решить лишь частную задачу – обеспечить безопасность предпринимателя и его предприятия без решения обеспечения безопасности общества в целом – практически не представляется возможным.

В регионах ведется работа по созданию правового пространства деятельности предпринимателей. Сошлемся опять на опыт Саратовской области. В Саратовской области сформировано правовое поле для привлечения инвестиций. В соответствии с законом «О гарантиях частных инвестиций в Саратовской области» область выступает основным гарантом перед частным инвестором, обязуясь возместить ему возможные потери из конкретных бюджетных и внебюджетных источников. Кроме того, инвестору предоставляется возможность получить землю, на которой находится объект инвестирования, в собственность или аренду на 49 лет – по выбору инвестора. Одним из важнейших обязательств, принятых на себя правительством области, является нераспространение на инвестора законов, прямо или косвенно ухудшающих его положение, в течение трех лет. Для развития данного закона был принят пакет документов, направленных на формирование благоприятного инвестиционного климата в Саратовской области.

В городе представлены практически все звенья инфраструктуры, необходимой для развития малого бизнеса. Ряд организаций проводит обучение и переподготовку кадров по современным специальностям и консультирование (Саратовское

региональное агентство поддержки малого и среднего бизнеса, Саратовский центр делового развития и др.).

Наиболее адаптированной к требованиям малого предпринимательства является деятельность бизнес-инкубатора областного бизнес-центра Поволжского межрегионального учебного центра. Представляемая здесь тематика занятий ориентирована именно на перспективные специальности (в том числе компьютерные технологии, бытовое обслуживание) и составлена по результатам проведенного здесь маркетингового исследования наиболее дефицитных специальностей.

Сложнейшие экономические, социальные, политические, социокультурные факторы становления гражданского общества и формирования правового государства в России сдерживают нормальное развитие предпринимательства и проявления инновационного трудового поведения населения. Но и в этих кризисных ситуациях предпринимательство оказывает благоприятное воздействие на развитие многих сторон общественной жизни. Для осуществления нормальной его деятельности необходимо преодоление различного рода препятствий и преград экономического, правового, организационного и социокультурного характера.

#### Примечания

- <sup>1</sup> См.: *Кравцова А.И.* Предпринимательская культура в современном российском обществе: социологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999.
- <sup>2</sup> См.: *Социс.* 1996. №6. С.22.
- <sup>3</sup> См.: *Сорокин П.А.* Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства // *Социс.* 1994. № 2. С. 7-8.
- <sup>4</sup> См.: *Сматьков В.Г.* Предпринимательство как особый вид деятельности // *Социс.* 1994. №2. С.18.



УДК 316.334.5 (470.4)

## РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

М.В. Калининкова

Саратовский государственный университет,  
кафедра социологии регионов  
E-mail: BogininaJA@info.sgu.ru

В статье рассматривается экологическая социология как новая научно-исследовательская дисциплина, формирующаяся в современном обществе, с присущими ей определенными признаками и подходами. Определяются этапы и сущность процесса вхождения этой науки в систему социологического знания. На основе анализа эколого-социальной системы даются рекомендации по улучшению качества жизни населения в изучаемом регионе.

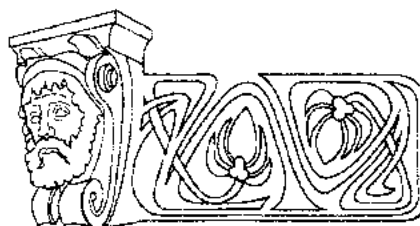
### Regional Aspects of the Formation of Environmental Sociology

M.V. Kalinnikova

The paper considers environmental sociology as a novel scientific discipline being formed in the modern society, with its own distinctive features and approaches. Stages and essence this science's introduction into the sociological knowledge system are discussed. From analysis of an ecologo-social system, recommendation can be given how to improve people's life in a certain region.

Одной из ключевых проблем, существующих в современном обществе, является неустраняемая и возрастающая зависимость человека и общества от биосферы, от биофизических условий ее существования. Ибо, как известно, угроза нарушения экологического равновесия возникает не только как конфликт индивида или группы с его природной средой, но и как результат сложного взаимоотношения трёх совокупных систем: природной, техногенной и социальной. Стремление познать и глубже познать отношения этих систем привело к необходимости их рассмотрения с позиций экологической социологии, молодой научно-исследовательской дисциплины.

В самом общем виде предмет экологической социологии – это структуры и процессы, включая социальные изменения и конфликты, возникающие в ходе все более масштабной и глубокой «социализации природы»<sup>1</sup>. Социально-средовые отношения являются фундаментальной проблемой экологической социологии. Однако решение подобных проблем невозможно без создания моделей оптимальных взаимодействий элементов системы «общество-природа» на региональном (локальном) уровне. В таком качестве экологическая социология выступает не как обособленная социологическая дисциплина, но как «альтернативная социология», предлагающая строить общую и частные социологические теории с учетом «средового императива»<sup>2</sup>.



Экологическая социология в России получила «права гражданства» в рамках социологических наук в конце XX века. Ее фундаментальной основой являются теории, изучающие закономерности и формы взаимодействия социальных образований со средой обитания. К таким теориям прежде всего относится инвайронментализм<sup>3</sup>. Наиболее полное концептуальное развитие его идеи получили в рамках Чикагской социологической школы (Р.Парк, Э.Берджесс, Р.Маккензи и др.). Ее представители пытались изучать социологические аспекты жизни города, опираясь на понятийный аппарат, разработанный в биоэкологии, для анализа особенностей функционирования популяции, взаимосвязей элементов в экосистеме.

После Чикагской школы социально-экологический подход к познанию взаимоотношений человека и его экосистемы был предпринят Л.Виргом, М.Алиханом, А.Хоули, О.Дунканом, Л.Шноре и др. Содержание теории эти исследователи связывали с более точным и корректным использованием в ней биологических аналогий, с исходным понятием сообщества как сформированном симбиотическим процессом. «Сообщество» воспринимается ими не столько как «глубоко биологический феномен», организм и носитель субсоциальных сил, сколько как функциональная единица, способная взаимодействовать со средой. К примеру, А. Хоули определяет сообщество как территориально-локальную систему (экосистему) взаимосвязей между функционально дифференцированными частями<sup>4</sup>. Сообщество интегрируется в единое целое общими реакциями на среду и на действия других сообществ. Среда же выступает как нечто внешнее, обеспечивающее жизнеспособность популяции и вместе с тем угрожающее равновесию социальной организации.

Наряду с концепцией «экологического сообщества» А.Хоули, наиболее известной теоретической моделью, строящейся на основе социально-экологического подхода, является концепция «экологического комплекса» О.Дункана и Л.Шнора<sup>5</sup>.

В «экологическом комплексе» О.Дункан и Л.Шноре выделяют четыре компонента: население (популяция), среда, технология (овеществленные средства взаимодействия со средой и культура в целом) и организация, сокращенно – РОЕТ. Объектом внимания в экологическом



комплексе является социальная организация как коллективная адаптация популяции к среде во времени и пространстве. Она рассматривается как зависимая переменная, наряду с независимыми переменными комплекса (РЕТ). Таким образом, с позиций данной концепции, для объяснения социальных явлений необходимо выйти за рамки самой социальной организации, включив ее в систему более высокого порядка, каковой и является «экологический комплекс» в понимании О. Дункана и Л. Шноре.

В систематическом обзоре, выполненном С. Баньковской<sup>6</sup>, отмечается, что функционалистский вариант социальной экологии А. Хоули и «экологический комплекс» Дункана-Шноре, отстаивая дисциплинарную самостоятельность социальной экологии в рамках социологии, во многом способствовали и ее «социологизации», подчеркивая «реалистическую трактовку» социальной организации, значение «социальной среды», функциональное единство культурного, социального и личностного уровней социальной организации, дифференциации ее функций и т.п. При этом социально-экологический подход сохранил эволюционную, натуралистическую направленность, используя в своих построениях аналогии из экологии животных и растений.

Итак, с 70-х гг. XX в. складывается социальная экология, изучающая закономерности взаимодействия общества и окружающей среды, а также практические проблемы охраны окружающей среды. Новая дисциплина включает в себя различные философские, социологические, экономические, географические и другие аспекты. В этом смысле можно говорить об «экологизации» современной социологической науки<sup>7</sup>.

Социальная экология, в отличие от общей экологии, ориентирована на углубленное осмысление проблем взаимоотношения человека, социальных общностей и среды обитания. Социальная экология есть теория формирования ноосферы и одновременно наука о конструировании оптимальных отношений между обществом, человеком и природой. Она формирует интерактивный уровень знания, синтезирующий достижения различных естественно-научных, технических и гуманитарных дисциплин, нацеливает на поиски способов усиления жизнеспособности социально-экологических систем.

Главной целью социальной экологии является выявление путей преодоления социально-экологических противоречий на основе новых ценностей и ориентаций человека. Исходными методологическими принципами здесь выступают: представление о едином мировом процессе самоорганизации; коэволюция во взаимоотношениях человека со средой обитания; стратегия устойчивого развития общества. Тем самым осуществляется взаимопроникновение естественно-научных представлений о современном этапе взаимодействия природы и общества и

инвайронментальных проблем социального развития.

Индикатором превращения социологии экологических проблем в экологическую социологию является наличие у нее теоретического ядра — экологической концепции общественного развития<sup>8</sup>. Экосоциология формировалась прежде всего как субдисциплина социологии города, а также социальной психологии, изучавшей сознание и поведение людей в урбанизированной среде, созданной тоталитарным режимом (массовая индустриальная жилая среда, отсутствие возможности выбора места жительства, невозможность участия в принятии решений). Воздействие на человека этой среды, физической (природной и искусственной) и социальной (специфических городских групп и сообществ), все более осознавалось<sup>9</sup>. Трудями Б. Докторовой<sup>10</sup>, В. Сафронова, Б. Фирсова, М. Лаурстин<sup>11</sup> экологическая социология стала обретать статус особого исследовательского направления. Ее развитие ускоряется с созданием в 1992 г. Исследовательского комитета «Среда и общество» в Международной социологической ассоциации. Тем самым было признано существование экологической социологии как отрасли знания, созданы предпосылки для ее более быстрого развития и более четкого определения ее предмета.

Эколого-социальный подход в современном виде характеризуется следующими методологическими особенностями:

- 1) исследованием проблем на уровне человеческой популяции, поскольку в центре внимания стоят те закономерности, которые могут проявляться не только на макроуровне, но и на уровне отдельных индивидов;
- 2) использованием социальных категориальных аналогов экологических понятий, что позволяет по-новому подойти к описанию и объяснению различных социальных феноменов;
- 3) ориентацией на изучение функциональных, а не причинно-следственных связей в экосистеме человека, поскольку такой подход позволяет дать общее объяснение для переменных, тесно коррелирующих, но логически не связанных.

Задачей эколого-социального подхода, как отмечают С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин, является анализ функционирования человеческой популяции в экосистеме<sup>12</sup>.

Сегодня экологическая социология признана как академическая дисциплина, а ее развитие стимулируется потребностью в развитии экологического сознания и научного управления развитием окружающей среды, необходимостью ее защиты от разрушений. Несомненно, развитие этого направления тесно связано с переходным периодом в отношении российского общества к окружающей среде: обострение глобальных проблем, структурные сдвиги в экономике, возрастание роли экологических движений и





значения не материальных, а общечеловеческих ценностей.

Исследования показывают<sup>13</sup>, что общий уровень обеспокоенности населения России состоянием среды в течение 1980–90-х гг. постоянно возрастал. Пик этой обеспокоенности пришёлся на 1989 г., совпав с резкой общей политизацией массового сознания, а затем начал постепенно снижаться. По данным А. Баранова, Б. Докторовой, В. Сафронова наиболее обеспокоенным слоем населения является интеллигенция и в целом лица с высшим образованием, а также большинство пенсионеров, молодых матерей и других категорий мобильных групп населения<sup>14</sup>. Наименее обеспокоенные – это люди, утратившие свои социальные и культурные корни, а также занятые в сфере услуг. Относительно более озабочены состоянием среды жители больших городов западных областей России, относительно менее – жители малых городов и поселков и бывших республик Средней Азии. Однако, как отмечают исследователями, лишь возраст и уровень образования являются сильными дифференцирующими признаками.

По степени обеспокоенности состоянием среды выявлено четыре типа носителей экологического сознания<sup>15</sup>. Первый, «экологист», очень сильно встревожен экологической ситуацией любых масштабов, беспокоится о дальнейшей деградации среды, поддерживает любые действия в её защиту, готов платить за высокое качество среды. Второй, «пассивный пессимист», разделяя озабоченность первого, тем не менее платит из собственного кармана за экологические мероприятия не согласен. Третий, «пассивный оптимист», хотя также встревожен состоянием среды, полагает, что в перспективе ситуация может измениться к лучшему, поэтому он согласен жертвовать качеством среды ради решения экономических проблем и отказывается платить. Четвертый, «необеспокоенный», проявляет умеренную или низкую степень озабоченности состоянием среды и поэтому не имеет твердого мнения по поводу соотношения экономического и экологического приоритетов в политике государства.

По мнению ученых, состояние общественно-го мнения, касающегося экологических вопросов в России соответствует стадии открытия, вызывающего тревогу, и энтузиазма, выражающегося в поддержке общественным мнением экологических инициатив и требований<sup>16</sup>. В итоге, как пишет О. Яницкий, Россия ещё долго не достигнет уровня экологической озабоченности, необходимого для обретения экосоциологией статуса фундаментальной социологической дисциплины<sup>17</sup>.

Вместе с тем экологическая социология, объединяющая несколько автономных исследовательских полей: проблем городской среды, экологического сознания, инвайронментальных движений и экологической политики, исходит из всевозрастающей зависимости человека от биотехносферы, учитывает специфику жизни человека. При

таком подходе она исследует влияние не только окружающей среды на человека, но и условия её сохранения. Другими словами, экологическая социология должна заниматься познанием основных закономерностей взаимодействия в системе «общество – природа» и определять возможности создания модели оптимального взаимодействия элементов в ней.

Вот почему ученые считают приоритетной научной задачей разработку эколого-социальной системы, которая позволит дать прогноз качества жизни населения в зависимости от степени экологической напряженности в изучаемом районе<sup>18</sup>.

Вся территория региона рассматривается вначале как сложная природная система, включающая геоморфоструктуры земной коры (наиболее жесткий и массивный «каркас», фундамент), почвенно-растительного покрова, животного мира, поверхностных и подземных вод и приземного слоя воздуха. Между элементами природной системы – морфогеоструктурами и биогеоценозами, а также воздушными и водными потоками – устанавливаются определенные разновременные и разноскоростные связи-отношения<sup>19</sup>.

Затем строятся аналитические и синтетические модели, отражающие особенности социально-экономической подсистемы региона. Они также содержат комплексы и элементы различного характера и содержания, системы хозяйства (промузлы, транспортные системы, агропромышленные комплексы), системы расселения (сельские и городские населенные пункты), демопопуляционные характеристики и пр. Синтез природных и социально-экономических систем позволяет выделить интегративные структуры «тотального» порядка – природно-хозяйственные районы различного таксономического ранга. К примеру, в пределах Поволжья учеными выделено три крупных геоэкологических района: Волгоградско-Самарский, Заволжско-Прикаспийский и Пензенско-Ульяновский<sup>20</sup>.

Важно отметить, что оценка характера природно-ресурсного потенциала и экологической емкости районов, степени их техногенной нагрузки и глубины антропогенной трансформации природы позволяет перейти к оценочно-прогнозному этапу исследования эколого-социальных систем, что в свою очередь позволит сделать обоснованные рекомендации по их оптимизации.

Таким образом, существующая на региональном уровне эколого-социальная картина порождает комплекс проблем, решение которых требует межотраслевого взаимодействия с целью поэтапного повышения качества жизни населения региона.

#### Примечания

<sup>1</sup> Яницкий О.Н. Индустриализм и инвайронментализм: Россия на рубеже культуры // Социс. 1994. №3:



- Яницкий О.Н. Экологическое движение в России: Критический анализ. М., 1996.
- <sup>2</sup> См. подробнее: Комаров В.Д. Социальная экология. М., 1990.
  - <sup>3</sup> Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. Рига, 1991.
  - <sup>4</sup> Hawley A. Human ecology // International encyclopedia of the social sciences. 1968. Vol. 4. P.328-337.
  - <sup>5</sup> Duncan O.D., Schnore L.F. Cultural, behavioral and ecological perspectives in the study of social organization // Amer. J. Sociology. 1969. Vol. 65. P. 132-136.
  - <sup>6</sup> Баньковская С.П. Указ. соч.
  - <sup>7</sup> Марков Ю. Социальная экология. Новосибирск, 1986; Комаров В.Д. Социальная экология. Л., 1990; Марквич Д. Социальная экология. М., 1997.
  - <sup>8</sup> Яницкий О.Н. Индустриализм и инвайронментализм. Россия на рубеже культур // Социс. 1994. №3; Яницкий О.Н. Экологическое движение в России: Критический анализ. М., 1996.
  - <sup>9</sup> Ахизер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2; Коган Л.Б. Урбанизация — общество — микрорайон // Архитектура СССР. 1967. № 4; Коган Л.Б., Листенгурт Ф.М. Урбанизация и природа // Природа. 1975. №3.
  - <sup>10</sup> Докторов Б., Сафронов В. Экологическое сознание, социальная коммуникация и ситуация в обществе: Закономерности связи и развития // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны / Отв.ред. Б.Фирсов. М., 1990. Ч.1.
  - <sup>11</sup> Lawistin M. Public participation as an educational process: An East European view // Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow, 1991. P.117-131.
  - <sup>12</sup> Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая психодиагностика. Даугавпилс, 1994; Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Природа: объект или субъект отношений личности. М., 1995. С.81-92.
  - <sup>13</sup> См., Яницкий О. Экологическая социология // Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. М., 2002.
  - <sup>14</sup> Баранов А.В. Восприятие загрязнения городской среды населением города // Бюллетень Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. 1983. №3-4.
  - <sup>15</sup> Докторов Б., Сафронов В. Экологическое сознание, социальная коммуникация и ситуация в обществе: закономерности связи и развития // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны / Отв.ред. Б.Фирсов. М., 1990. Ч.1.
  - <sup>16</sup> Докторов Б., Сафронов В. Экологическое общественное мнение: состояние, дифференцирующие факторы и концепция // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны: Информационные материалы / Отв.ред. Б.Фирсов. М., 1990. Ч. II.
  - <sup>17</sup> Яницкий О. Экологическая социология // Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
  - <sup>18</sup> Дихолетов С.М. Проблемы оценки экологической напряженности и управления экологическим риском // Поволжский экологический вестник. Волгоград, 1997. Вып. 4. С. 42-45.
  - <sup>19</sup> Макаров В.З., Пролеткин И.В., Чулаченко А.Н. Опыт геоэкологического районирования территории Поволжского региона // Проблема экологической безопасности Нижнего Поволжья в связи с разработкой и эксплуатацией нефтегазовых месторождений с высоким содержанием сероводорода: Материалы науч.-техн. конф. Саратов, 1998. С. 34-38.
  - <sup>20</sup> Макаров В.З. Ландшафтно-экологический анализ крупного промышленного города. Саратов, 2001.



УДК [316.334.2+316.444](100)

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЫНКА ТРУДА КАК СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПРОЦЕССАМИ МИГРАЦИИ

Е.Е. Немерюк

Саратовский государственный университет,  
кафедра социологии коммуникаций  
E-mail: Nemeruk@yandex.ru

В статье рассматривается проблема, близко связанная с темой исследования рынка труда как социальной структуры в его взаимодействии с процессами миграции. В рамках социологии занятости одной из важнейших задач является изучение циркуляционных процессов в социальной структуре общества. Трудовая мобильность является исключительно важной составляющей функционирования рынка труда, от нее зависит эффективность перераспределения трудовых ресурсов. Особое внимание уделяется анализу методологических подходов к исследованию процессов миграции населения и ее роли в формировании рынка труда.

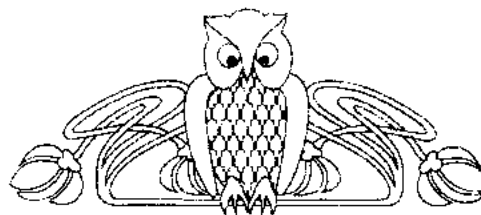
### Theoretical Approaches to Research of a Labor Market as Social Structure in its Relations with Processes of Migration

E.E. Nemeruk

In the article the problem which is close connected with a theme of research of a labor market as social structure in its interaction with processes of migration is examined. Within the sociology of employment it is one of the major problems – studying of circulating processes in social structure of a society. Labor mobility is exclusively important component of functioning of a labor market; efficiency of redistribution of manpower depends on it. The special attention is paid to the analysis of methodological approaches of research processes of population shift and its role in formation of a labor market.

В соответствии с положением о том, что комплексный подход, под которым понимается всестороннее рассмотрение проблемы и определение ее места и значения в соответствующей системе знаний, является одним из основополагающих методологических принципов научного исследования, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть рынок труда и влияние миграционных процессов на его формирование с более общих позиций: с точки зрения экономической теории, общей системы знаний о народонаселении и его социальных перемещениях.

Рынок в современном обществе представляет собой один из наиболее важных экономических институтов. Под «институтом» некоторые теоретики понимают «правила игры», процедуры, определяющие порядок коллективного принятия решений, те пределы, в рамках которых исходит проявление и разрешенные конфликты. Социальные институты в жизни общества – явление далеко не случайное. Р. Арон отмечал в этой связи, что сами институты – не случайное наложение практических действий,



Всякому политическому режиму присущи, хотя бы в минимальной степени, единство и смысл<sup>1</sup>. Но это только одна сторона проблемы, другая заключается в том, что каждый социальный институт имеет свою цель (шире – функцию), т. е. определенный круг вопросов, которые он охватывает своей деятельностью<sup>2</sup>. Институты – это такие «приспособления», с помощью которых и через которые достигаются не только соглашения, но и определенные цели<sup>3</sup>.

Не является исключением в этом плане и институт рынка. Рассматривая институт рынка, необходимо учитывать и те общественные условия, при которых, собственно, и осуществляется его регулирующая роль и передача социального опыта, так как и социальный контекст, и история обуславливают эффективность социальных институтов и их возможности влиять на политическую и социальную практику.

Под рынком понимают сферу товарного обмена; в политико-экономическом значении – предложение и спрос на товары в масштабе мирового хозяйства (мировой, внешний рынок), страны (национальный, внутренний рынок) и ее отдельного района (местный рынок). Рынком также называют определенное место, где происходит торговля<sup>4</sup>.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегов предлагает два толкования понятия рынка: во-первых, под рынком понимают место розничной торговли под открытым небом или в торговых рядах; и, во-вторых, сферу товарного обращения, товарооборота<sup>5</sup>. Последнее значение наиболее приемлемо для анализа рассматриваемой проблемы.

Одним из рассеянных рынков, по мнению Ф. Броделя, можно считать рынок труда. Т. Гоббс выдвинул идею о том, что «мощь всякого индивида есть товар», вещь, которая предлагается к обмену в рамках рыночной конкуренции<sup>6</sup>. Д. Рикардо отмечал, что «труд, как и любые вещи, кои можно купить или продать...»<sup>7</sup>.

Таким образом, рынок труда – это такой рынок, где человек, лишенный своих традиционных «средств производства», предлагает свою «рабочую силу» и умение. В данном случае, по мнению Ф. Броделя, «человек, который таким способом занимается или продает себя, проходит



сквозь узкую щель рынка и выходит за пределы традиционной экономики»<sup>8</sup>.

Современный рынок труда представляет собой сложную, многоплановую, неоднородную, динамичную и гибкую систему социально-экономических отношений. Поскольку исследование рынка труда носит междисциплинарный характер, то следует отметить, что в настоящее время существует множество определений его понятия, встречающихся в экономической, социологической, географической литературе. Содержание понятия «рынок труда» можно трактовать как в узком, так и в широком смысле.

В узком смысле слова рынок труда представляет собой совокупность социально-трудовых отношений по поводу условий занятости, использования работников в общественном производстве. Такой подход ограничивает его трудоспособными лицами, в той или иной момент свободными от занятости, от работы – безработными, ищущими другое место работы, впервые вступающими в трудовую деятельность или ищущими занятости после перерыва в работе<sup>9</sup>.

Под рынком в широком смысле слова понимают качественную характеристику всей совокупности отношений по поводу рабочей силы на всех стадиях ее функционирования, во всех ситуациях, которые могут возникнуть в социально-экономической системе. Следовательно, рынок труда целесообразно рассматривать не только и не столько как исключительно экономическую категорию, но и как сложный социум, состоящий из многих групп и подгрупп<sup>10</sup>.

Рынок труда представляет собой только те товарно-денежные отношения, которые связаны, во-первых, со спросом на рабочую силу, определяемым спросом на товар в обществе; во-вторых, с использованием профессиональных востребованных способностей и их вознаграждением; в-третьих, со временем использования рабочей силы<sup>11</sup>.

Ряд исследователей делает акцент на различных сторонах этого понятия. Рынок труда – это социально-экономическая категория, включающая в себя исторически сложившийся специфический общественный механизм, реализующий определенный комплекс социально-трудовых отношений, способствующий установлению и соблюдению баланса интересов между трудящимися, предпринимателями и государством<sup>12</sup>.

Рынок труда – это динамическая система, включающая в себя комплекс социально-трудовых отношений по поводу условий найма, использования и обмена рабочей силы на жизненные средства, и механизм его самореализации, механизм спроса и предложения, функционирующий на основе информации, поступающей в виде измененной цены труда (заработной платы)<sup>13</sup>.

Рынок труда – баланс интересов между присутствующими на рынке субъектами<sup>14</sup>, система общественных отношений, социальных норм и

институтов, обеспечивающих процесс купли-продажи труда по цене, определяемой соотношением спроса и предложения<sup>15</sup>.

Рынок труда – это соотношение спроса на рабочую силу (со стороны работодателей) и ее предложения (со стороны трудоспособного населения). Соотношение спроса и предложения определяется, прежде всего, ценой рабочей силы: если она низкая, то работодатель желает набрать больше работников, а население, наоборот, не стремится на низкооплачиваемую работу. В результате возникают незанятые рабочие места, т.е. налицо дефицит работников. Если же рабочая сила дорогая, то работодатели стремятся сэкономить на ней, привлечь как можно меньше работников (и сокращать число рабочих мест), а т.е. напротив, хотят получить высокооплачиваемую работу<sup>16</sup>.

Надо отметить, что проблемы занятости и безработицы, наиболее полно отражающие анализируемый объект, являются наиболее актуальными и в связи с этим именно на них делается акцент выдающимися экономистами разных эпох и разных направлений. В связи с этим необходимо проследить генезис теоретических взглядов на содержание понятия «рынок» в целом, и «рынок труда» в частности.

Термин «рынок» появился в XII в. в английском языке и означал «торговлю» или «место для торговли». Уже в XVI в. под рынком понимают «покупку и продажу в целом»; «продажу, контролирующую посредством спроса и предложения»<sup>17</sup>. Рынок зачастую обозначает довольно широкую форму обмена, называемую также рыночной экономикой<sup>18</sup>.

Основы теоретического осмысления содержания рынка труда прослеживаются в трудах А. Смита, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сая, К. Маркса. Следует отметить, что классические экономисты рассматривали рынок как синоним месторасположения рынка или географического пространства. В отличие от современных экономистов рынок представлялся им чем-то конкретным. Главенствующую роль, в их понимании, занимало производство продукции, обмену отводилась второстепенная роль. Ценообразование осуществлялось не через взаимодействие спроса и предложения, а напрямую зависело от количества труда, вложенного в производство продукции.

Неоклассическая школа представлена трудами А. Маршалла, А.С. Пигу, Л. Вальраса, У.С. Девонса, К. Менгера, Д. Гиллера, А. Лаффера, М. Фелдтайна, Р. Холла и др. В отличие от концепций классических политических экономистов под рынком, «совершенным рынком», понимается абстрактная концепция, характеризующая совершенной конкуренцией и полной информацией, делается акцент на анализе ценообразующего и ресурсоразмещающего механизма. Рынок, по их мнению, является центральным механизмом размещения экономики. Представители данного направления понимали под рынком внутренне пе-



однородную и чрезвычайно динамичную систему, где уровень заработной платы и занятости определяется взаимодействием спроса и предложения, которые имеют место в условиях совершенной конкуренции. А. Маршалл создал вичапляющую программу исследования «организации рынков». Рынки, согласно А. Маршаллу, можно анализировать в соответствии с такими критериями, как пространство, формальная организация, неформальная организация и наличие или отсутствие социальных связей между покупателями и продавцами.

Д. М. Кейнс – выдающийся теоретик и основоположник экономической теории регулируемого капитализма и занятости – рассматривал рынок труда как инертную, статическую систему, где цена рабочей силы, или, другими словами, заработная плата, достаточно жестко фиксирована, в связи с чем имеет место вынужденная безработица. Работы в рамках неоклассического синтеза, являющиеся производными от кейнсианства, представляют макроэкономическое объяснение диспропорций, связанных с недостаточной согласованностью действий субъектов рынка.

Можно выделить еще одно направление изучения рынка – теории индустриальной организации; они были предназначены, во-первых, для организации введения новой концепции рынка, в которой рынок определялся как индустрия, а во-вторых, для формирования установки на эмпирические исследования рынков в целом. В 1933 г. Э. Чемберлингом была опубликована «Теория монополистической конкуренции», в которой были рассмотрены перспективы развития рынков, заключающиеся в том, что в результате чистой конкуренции происходит слияние рынков соперников, однако каждый из них в определенной степени изолирован, ввиду этого целое представляет собой сеть рынков, где все связано друг с другом. Э. Чемберлингом сосредоточил внимание на дифференциации товаров (и, следовательно, рынков) посредством введения патентов, торговых марок, репутации продавца и т.п. В 1939 г. Э. Мейсон предложил исследовать политику цен корпораций через классификацию эмпирического материала в терминах «рыночных структур». Идея Э. Мейсона породила множество эмпирических исследований и вскоре были сформированы в виде парадигмы «Структура – Управление – Исполнение». Согласно этому подходу рынок рассматривается как органично присущий промышленности. «Рыночная структура» связывается с такими факторами, как барьеры вхождения в состав и концентрации продавцов. «Управление рынком» означает политику, регулиющую соперничество и установление цен. «Исполнение» в рамках рынка соотносится с оценочными вопросами реализации той или иной политики, например с вопросами справедливости тех или иных действий<sup>19</sup>.

После Второй мировой войны наибольшее развитие получило понимание рынков как цено-

образующих механизмов. Это было характерным как для исследования рынков в целом, так и для изучения таких специальных как рынки труда и финансовые.

Однако следует, на наш взгляд, отметить тот факт, что при рассмотрении рынков как социальных структур некоторые из наиболее современных теорий не способны объяснить ряд явлений. Например, абстрактная модель рынка, разработанная в контексте генеральной теории равновесия, не позволяет решить вопросы, связанные с управлением занятости, неполной занятости и безработицы. Что касается теории игр, то большинство исследований также абстрактны и часто терпят неудачу в объяснении социальных явлений. Чикагские экономисты добились, с одной стороны, успехов в изучении таких тем, как «скрытые рынки», правовая рыночная система, общественная регуляция рынка, взаимосвязь свободы и рынка. С другой стороны, они априорно воспринимают рынок как положительное явление и отождествляют с ним экономическую жизнь в целом.

Несмотря на вышеуказанные недостатки, все больше исследователей проявляют интерес к теории рынков как специфическому типу социальных структур. Примером тому служат работы Д. Карлтона, О. Вильямсона, Р. Коуза, Д. Норта, Р. Сведберга. В данном случае под социальной структурой понимается «определенный вид текущих и стандартных отношений между агентами, которые поддерживаются через санкции». Идея прав собственности заключается в том, что экономические институты могут быть концептуализированы не только в стандартных экономических терминах, но также в терминах юридических прав. Издержки на поиск партнеров заключаются в том или ином размещении потенциальных покупателей и продавцов, тогда как издержки внешнеэкономического характера исходят из факта, что обмен влечет за собой затраты, необходимые для поддержания закона и порядка в рамках рынка и вне его. Издержки на измерение стоимости товаров – это издержки, вытекающие из исследования покупательского спроса на товары того или иного качества<sup>20</sup>.

Д. Карлтоном была выдвинута идея комбинирования ценообразующего механизма с другими механизмами, социальными по своей природе. Д. Норт трактовал рынок как смешение институтов, одни из которых повышают свою эффективность, а другие понижают ее. В конце 1980-х гг. Р. Коуз намечает основные программные положения теории рынка как института. По его мнению, экономисты слишком часто уравнивают рынок с определением рыночных цен, что ведет к ситуации, в которой «дискуссия о самом рынке полностью исчезает». Он также поджарает критику положения о рыночной структуре, обосновывая это тем, что многие исследователи рыночных структур рассматривают такие факторы, как число



фирм и различие товаров, но забывают анализировать рынок как таковой. Р. Коузом было предложено рассматривать рынок как «социальный институт, который содействует обмену».

Необходимо обратить внимание на то, что исследование рынка труда осуществляется также через призму социально-экономических отношений. Данный подход нашел свое отражение в рамках новой институциональной экономики в контексте институционально-социологической школы (Т. Веблен, Дж. Данлоп, Дж. Гэлбрейт, Л. Ульман, Д. Норд, Л. Дэвис), опирающейся на методологию социологического, политологического и даже психологического анализа. Следует отметить, что центральную роль в области направленности и принятия экономических решений при этом играют институты. Применительно к анализу социально-экономического содержания рынка труда это находит выражение, во-первых, в теории синдикализма Дж. Данлопа и А.М. Росса<sup>21</sup>, во-вторых, в теории сегментации рынка труда П. Дорингера и М. Пайора<sup>22</sup>.

Поскольку нас интересуют социологические аспекты, имеет смысл рассмотреть способы, с помощью которых был проанализирован рынок в социологической теории. Следует отметить, что социологи уделяли рынку гораздо меньше внимания, чем экономисты, социологическая и экономическая теории развивались более или менее независимо друг от друга, ввиду чего проявляется одно из нежелательных последствий – весьма малая способность их взаимопроникновения.

Социологический подход к рынку труда основан на изучении, во-первых, процессов инвестиций предприятий в образование и повышение квалификации своих служащих, что делает уход работника более дорогостоящим, и, во-вторых, зависимости производительности труда работника от его ощущения собственной значимости в глазах работодателя. Такая трактовка подтверждает существование корпоративного поведения и сотрудничества фирмы и ее служащих, хотя значительно изменяет представление о сущности конфликтов интересов, которые существуют внутри социально-трудовых отношений. В социологии осуществлялись попытки анализировать рынки как комплексные социальные феномены с собственным правом на существование.

Из социологов, ранее других заинтересовавшихся рынками, хотелось бы отметить М. Вебера, который считал, что экономика должна быть широкой наукой, включающей такие темы, как «социология рынка». М. Вебер определяет рынок следующим образом: «О рынке можно судить по наличию в нем конкуренции в случаях взаимобмена между множеством потенциальных групп. Их физическое собрание в одном месте, например на местной рыночной площади, ярмарке («продолжительный рынок») или обмен («рынок торговцев»), лишь констатирует наиболее последовательный вид рыночной формации.

Вместе с тем только физическое собрание людей на рыночной площади способствует первому проявлению наиболее отчетливых особенностей рынка»<sup>23</sup>. Следует также отметить, что М. Вебер интересовался вопросами взаимодействия между рынком и остальным обществом: анализируя рыночные отношения, рассматривает роль роли утилиты в сфере рынка. М. Вебер подчеркивал роль, которую конфликты и социальная регуляция играют в структурировании рынков. Однако даже при наличии значительного прогресса в понимании социальной структуры рынков пока еще существует очень сильная тенденция анализа рынков, единственно как механизмов обмена. Это касается как социологов, так и экономистов и создает препятствие появлению полноценной теории рынков. Концепция рынков как явления конкуренции в случаях обмена становится более интересной, если она включает в себя все, что происходит вне рынка, но в связи с ним: как конкуренцию производства, так и конкуренцию обмена. Конкуренция, возникающая в случаях обмена, начинает пронизывать все общество за пределами непосредственного рынка, который благодаря рыночному прогрессу превращается из нединамичной в динамичную силу общества. Таким образом, конкуренция, возникающая в случаях обмена, ощущается во всем обществе и характеризует современное капиталистическое общество в целом»<sup>24</sup>.

Непосредственно в социологических изысканиях рассматривали вопросы, затрагивающие рынок. Г. Зиммель, акцентировавший внимание на доминирующей роли денег в современном обществе, и Э. Дюркгейм, анализирующий воздействие безнормности (аномии) на поведение людей в разных сферах, включая экономику. Целесообразно обратить внимание на предложенную Г. Зиммелем интерпретацию конкуренции, которую он характеризовал как форму «косвенного конфликта», отличающуюся от обычных форм конфликта тем, что она не оказывает непосредственного влияния на оппонента, а, скорее, содержит «параллельное усилие». В результате реализуется сверхэнергия, а общество выигрывает в конечном итоге значительно больше, нежели при победе. Процесс конкуренции отображает то, что А. Смит называл «невидимой рукой рынка», и свидетельствует о том, что «основная цель для индивида» оказывается «средством для социальной группы или сообщества»<sup>25</sup>.

Однако, несмотря на то что социологи в начале XX в. обладали солидным фундаментом для исследования рыночных отношений – следует отметить, что идея социологии рынков в то время еще не вызрела. Об этом свидетельствует тот факт, что в течение 1920 и 1930-х гг. исследования в этом направлении почти не проводились. Попытка «оживить социальный анализ рынка» была предпринята в 1950-х гг. такими исследователями, как Т. Парсонс, П. Смелзер, К. Поланси в «Экономике и обществе»<sup>26</sup>.



Рассматривая исследования рынка в трудах К. Поланьи, следует обратить внимание на тот факт, что представленный им анализ рынка достаточно спорен. Свою задачу он видел в развитии нового типа экономического учения, в котором экономика рассматривалась бы как один из компонентов общества. Отвергая прежние подходы, К. Поланьи утверждал, что в возникновении рыночной экономики сыграло свою роль государство, а также радикальная элиминация всех рыночных регуляций в Англии в середине XIX века. Согласно его концепции, представленной в эссе «Экономика как институциональный процесс», экономика организуется только через рыночный обмен: уравнивание торговли с рынками, а денег с обменом считается ошибочным.

К сожалению, на развитие социологии рынков идеи К. Поланьи не оказали существенного влияния, и в период 1950–70-х гг. практически не было социологических работ, посвященных анализу рыночных отношений. В работах С. Азариядиса, М. Бейли, Д. Гордона<sup>27</sup> была изложена теория имплицитных или подразумеваемых контрактов, у О. Харта<sup>28</sup>, О. Бланшара и Л. Саммерса<sup>29</sup> – теоретические модели контрактов в условиях асимметричной информации. В 1950-х гг. появились работы Д. Акерлофа, О. Бланшара, Г. Менкью, Дж. Стиглица и др., связанные с разработкой концепции эффективной заработной платы и низких издержек.

В середине 60-х гг. минувшего века американскими экономистами М. Найором и П. Дорринджером была предложена теория дуальности рынка труда. Согласно разработанной модели, рынок труда разделен на два сектора: первичный, который характеризуется высокой заработной платой, стабильной занятостью, достойными условиями труда и предусмотренными перспективами профессионального роста каждого работника; вторичный, в котором, наоборот, заработная плата низкая, условия труда плохие, возможность профессионального роста близки к нулю. В связи с тем, что доступ в первичный сектор возможен лишь отчасти при наличии формальных характеристик работника, но, как правило, на основе личных связей, циркуляция рабочей силы между двумя секторами затруднена. Среди основных элементов механизма формирования заработной платы и занятости в первичном секторе можно отметить такие как учет сложившихся традиций, оценка индивидуальных качеств работников. Ввиду указанных обстоятельств в этом сегменте заработная плата выше равновесного уровня и заставляет работника более ответственно относиться к своим обязанностям. Условие равновесного рынка характеризует вторичный рынок труда, для которого спрос и предложение рабочей силы не представляют особой ценности, так как здесь имеет место купля-продажа трудовых услуг однородно низкого качества, а число независимых продавцов и покупателей достаточно велико. В

этом секторе высокая текучесть рабочей силы. Как правило, значительную долю занятых во вторичном секторе экономики составляют национальные меньшинства, иностранцы, работники.

Особое внимание необходимо обратить на такую социологическую теорию рынка, как структурный подход, который представляет наиболее удачную попытку создания социологической теории рынков и привлекает ряд весьма компетентных последователей, среди которых выделяются Х. Уайт, Р. Бёрт и В. Бейкер. Основными моментами в структурной социологии можно считать фокусирование внимания на социальной структуре, попытку описывать структуру в очень конкретной манере (обычно через сети рыночных отношений) и глубокое недоверие к психологическим и культурологическим объяснениям. Сторонники структурного подхода считали, что ценности, идеи и культура не являются центральными в социологическом анализе, что вызывало определенные дебаты.

В исследованиях рынков Р. Бёрт использовал особый тип представления данных – в виде таблиц затрат и дохода в мануфактурной промышленности США. На базе этих данных он развивал новую концепцию, описывающую структуру рынка – «структурную автономию». Р. Бёртом была выявлена следующая зависимость: чем выше степень структурной автономии фирмы, тем больше ее доход. Его исследование показало, что фирмы, имеющие высокую степень рыночного ограничения, пытаются увеличивать свою выгоду различными методами, включая объединение директоров.

Структурный подход к анализу рынков получил свое развитие также в трудах В. Бейкера (например, в работе «Рынки и сети», 1981). Им была представлена теоретическая аргументация развития социологической теории рынка и ее конкретный эмпирический анализ<sup>30</sup>.

Среди социологов, которые в 1970-е гг. вновь стали проявлять интерес к изучению феномена рынка, хотелось бы отметить Б. Барбера, К. Хейнеманна, И. Валлерстейна, М. Грановеттера. Они считали своей первоочередной задачей обоснование того, что рынки не просто состоят из гомогенных пространств, где покупатели и продавцы вступают в обмен друг с другом, но что рынки представляют собой особые сети взаимодействия. Появилось также несколько социологических исследований, затрагивающих различные аспекты рыночных отношений. В одном из них М. Грановеттер явился пионером сетевого подхода к анализу рынков, обратив внимание на роль знакомств и друзей в поисках работы индивидом. Сетевой анализ можно считать сравнительно новым инструментом изучения социальной реальности, несмотря на тот факт, что на протяжении длительного времени понятие «социальной сети» использовалось в понятийном инструментарии отечественных социологов. Социальные сети



в современных исследованиях изучаются при помощи методологии активно развивающегося сегодня теоретического направления, известного как «новая экономическая социология». В рассматриваемом случае основным понятием является «вложенность» экономического действия в социальную структуру. На эмпирическом уровне она трактуется как социальные сети, формирующиеся в результате взаимодействия индивидов.

Следующее социологическое исследование было предпринято И. Валлерстейном, который представил теорию «современной мировой системы», в которой торговля и международные рынки играют ключевую роль. Интерес к рынкам обнаружился и в русле теории организаций.

Остановимся более подробно на одном из наиболее ярких примеров приложения социологической теории к исследованию феноменов рынка труда – подходе, основанном на концепции «включенности» экономического действия в сеть социальных отношений, предложенном М. Грановеттером.

Такой элемент поведения людей на рынке труда, как поиск работы, рассматривается в контексте межинституциональных сетей, под которыми следует понимать систему взаимосвязей между субъектами рынка труда и системой образования или формальными посредниками на рынке труда, способствующими трудоустройству, и межличностных, когда к поиску работы подключаются родственники, друзья, соседи, коллеги, т. е. все те люди, контакты с которыми и формируют социальные сети. При достаточно развитых межинституциональных сетях происходит координация системой образования спроса и предложения рабочей силы на рынке труда. Следует отметить, что в российской действительности использование межличностных сетей является приоритетным, а эффективность данных сетей в поиске работы оценивается людьми выше, чем использование институциональных каналов<sup>31</sup>.

В центре научных интересов Грановеттера – стратификация и неравенство. Ученого интересовало, почему в рамках одной экономической системы у людей разные доходы (имеются в виду доходы в форме заработка). В поисках ответа он классифицировал факторы, которые, по его мнению, влияют на доход. Исследователь предположил, что это может быть сама характеристика работы и работодателя, характеристика индивида и, собственно, процесс устройства на работу. При этом он считал, что фактор, связанный с устройством на работу, является наиболее важным для понимания неравенства.

Грановеттер доказал, что в реальной жизни получение информации о вакансиях совсем необязательно происходит в процессе целенаправленного поиска и влечет за собой определенные затраты. Информация передается по сетям персональных контактов и является продуктом социально-структурных процессов и взаимодей-

ствий, не связанных напрямую с рынком труда. Для изучения социально-структурных процессов Грановеттер разрабатывает собственный метод анализа сетей социальных связей<sup>32</sup>. Сетевой анализ процесса устройства на работу позволяет ему сформулировать выводы о том, как формируются паттерны<sup>33</sup> социального неравенства в процессе взаимодействия в социальных сетях.

Исследование процесса подбора работы позволило Грановеттеру использовать концепцию «включенности» для анализа экономического поведения и экономических институтов. Он дает социологическую интерпретацию таких феноменов, как дифференциация доходов, трудовая мобильность, внутренние рынки труда, карьерное продвижение, ценообразование на рынке труда.

Само существование иерархии профессий или классовой иерархии, на которое указывает функциональная или марксистская модель, еще не объясняет, почему конкретные люди занимают верхние или нижние ступени этой иерархии. Любая иерархия, по существу, есть плод научного творчества преследующего свои цели ученого. Естественно поэтому, что, признавая неравенство в уровне образования или неравенство способностей, мы не можем утверждать, что более способным и образованным гарантировано рабочее место, располагающееся на более высоких ступенях в иерархии работ. Работники с их личными характеристиками составляют всего лишь предложение на рынке труда. Корреляция же между такими переменными, как образование и доход, не может нам дать точного представления о преобразовании «ресурсов» в деньги. Это сложный процесс, для понимания которого необходимо ответить на вопрос, как индивиды, обладающие определенными характеристиками, устраиваются на работу определенного типа<sup>34</sup>.

Рынок всегда представляет определенное количество вакантных мест. Здесь, прежде всего, важен сам процесс оценки и выбора вакансий. Важно верно оценить предлагаемую работу, поскольку ошибки, как правило, приводят к негативным последствиям. Мы уже упоминали, что отдельный индивид ограничен временем и ресурсами, поэтому соберет лишь небольшую часть информации о вакансиях, которые ему подходят. Существуют различные институты, облегчающие задачу, например объявления в средствах массовой информации или биржи труда. Таким образом, информацию о работе или работнике нельзя рассматривать как полученную лишь в результате поиска. Часто информация является побочным продуктом социальных процессов, не связанных непосредственно с рынком труда.

Социальные ресурсы, а именно богатство, статус, авторитет, власть и социальные связи всех тех, с кем прямо или косвенно связан индивид, на протяжении всей жизни играют важную роль в движении индивида от первоначального статуса, обусловленного семейным положением, к достиг-





нумому профессиональному статусу. И в то же самое время социальное положение человека не является строго детерминированным.

С одной стороны, трудовая мобильность, по мнению экономистов, является исключительно важной составляющей функционирования рынка труда, от нее зависит эффективность перераспределения трудовых ресурсов. С другой стороны, чрезмерная трудовая мобильность создает проблему текучести кадров на уровне отдельной организации, повышая затраты. И в том и в другом случае экономистов интересует проблема управления трудовой мобильностью, поэтому вопрос о том, как происходит смена работы, является одним из центральных вопросов экономики труда. Интересует он и социологов, но с иной точки зрения. В центре внимания последних оказывается жизненная карьера на рынке труда и те шансы, которые ее определяют.

Для понимания процесса трудовой мобильности на больших временных отрезках рассмотрим модель добровольной трудовой мобильности работников, предложенную представителями экономической теории. Согласно эмпирическим наблюдениям, те работники, которые уже не раз испытали опыт смены работы, с большей вероятностью, чем другие, повторяют этот опыт. Иными словами, одни работники более мобильны, чем другие. В рамках экономической теории этот феномен объясняется либо личной склонностью к мобильности (теория гетерогенности), либо зависимостью от состояния (когда текущее состояние прямо влияет на вероятность оказаться в этом состоянии в будущем).

В модели трудовой мобильности, основанной на концепции человеческого капитала, мобильность зависит от величины заработной платы, которая, в свою очередь, определяется наличием или отсутствием специфических вложений в человеческий капитал.

Таким образом, трудовая мобильность является самогенерирующейся: продолжительное пребывание в одной должности на внутреннем рынке труда сокращает мобильность, а работник, проработавший много лет в одной фирме, практикующий долгосрочную занятость, оказывается в очень невыгодном положении на рынке труда, даже если он хороший специалист. О его профессиональных качествах знает лишь узкий круг коллег, а так как они также включены в систему долгосрочной занятости, эта информация не покидает пределов фирмы и им неоткуда ждать помощи в трудоустройстве за пределами фирмы. Ситуация безработицы также может самогенерироваться. Так, тому, кто остался без работы, труднее найти новую, если у него нет необходимых контактов. Оставаясь же продолжительное время без работы, человек не может завести профессиональные контакты. Получается замкнутый круг. Именно эта причина, а не отсутствие у работника способностей, может служить, по мнению Грановскера,

объяснением случаев длительной безработицы<sup>35</sup>. Пребывание на вторичном рынке труда также может носить самогенерирующийся характер. Отсутствие необходимых профессиональных контактов, а не низкая квалификация, алкоголизм, недисциплинированность, как часто принято считать, ограничивает вертикальную мобильность работников вторичного рынка, желающих выйти на первичный рынок.

Сетевой анализ является наиболее эффективным инструментом при анализе поведения человека на рынке труда. Благодаря этому подходу имеется возможность в анализ экономического поведения человека ввести такие социальные переменные, как межинституциональные и социальные сети. Необходимо использовать сетевой анализ при исследовании профессиональной деятельности человека, это связано с тем, что профессиональный рост человека, его трудовой путь зависят от интенсивности социальных связей внутри организации.

Необходимо, на наш взгляд, отметить и то обстоятельство, что при изучении рынка труда используют модель сегментированного рынка труда, которая представляет собой дальнейшее развитие концепции дуального рынка труда. Согласно указанной модели, в структуре первичного и вторичного секторов выделяются сегменты. Для первичного сектора характерно наличие двух основных сегментов: верхнего (преимущественно управленцы и специалисты) и нижнего (преимущественно работники умственного труда и «синие воротнички»).

Обращает на себя внимание то, что рынок трудовых мигрантов также дифференцирован. Их деятельность на рынке труда Г.А. Резник и А.И. Маскаева подразделяют на три основных сегмента:

- 1) рынок квалифицированных и высококвалифицированных специалистов и ученых. Предлагаемые здесь рабочие места высокооплачиваемы, а труд содержателен и интересен.
- 2) рынок малоквалифицированных рабочих и работников сферы услуг. В данном сегменте трудятся работники массовых профессий, в том числе сферы услуг, строительства, транспорта и других трудоемких малопrestижных отраслей.
- 3) нелегальный рынок труда. Данный сегмент состоит из дешевой и абсолютно бесправной рабочей силы<sup>36</sup>.

Такая многосегментная структура рынка труда типична для большинства развитых индустриальных стран, которых можно отнести к странам-донорам рабочей силы. Дуальный рынок труда характерен и для российской действительности, в которой выделяются те же сегменты, где задействованы трудовые мигранты, за исключением первого сегмента.

Положительным моментом в развитии исследований рынка труда как с позиции



современной экономики, так и социологии, по нашему мнению, является замещение традиционного подхода к рынку как механизму обмена рассмотрением рынка как сложного социального феномена с правом на собственное существование. Основная задача состоит в развитии аналитически интересной модели, которая может быть эффективно использована в эмпирических исследованиях. Предложение М. Вебера относительно того, что можно рассматривать рынок как форму взаимодействия конкуренции и обмена, является одним из способов выполнения этой задачи. Пока еще проблема понимания рынков как особых социальных структур не имеет адекватных средств своего решения. В связи с этим, несомненно, изучение обозначенной проблемы должно быть одним из наиболее важных как в экономической теории, так и экономической социологии.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно утверждать, что попытки подхода к исследованию рынков как социальных феноменов, с их правом на собственное существование не только как ценнообразующих механизмов, предпринимались как в экономической теории, так и в социологии. Многие из рассмотренных нами направлений в развитии теории рынков, как, например, идея издержек внешнеэкономического (принудительного) характера и издержек на измерение стоимости товаров – могут быть легко включены в веберовскую теорию рынка как конкуренции в процессе обмена. И с помощью этой последней теории возможно развивать различные типологии рынков как социальных структур. Для представления полной картины социальной структуры рассматривается количество покупателей и продавцов, а также уровень их организованности (индивиды, организации) (таблица).

Социальная структура идеального типа рынка труда<sup>37</sup>

| Конкуренция   | Обмен   |
|---|---|
| Много продавцов (индивидов) против немногочисленных и полновластных покупателей (организаций) | Децентрализованный обмен (высокие издержки на поиск партнеров)  |
| Конкуренция регулируется организациями работодателей, профсоюзами и законодательством         | Малая сфера живой торговли благодаря профсоюзам, организациям работодателей и нормам справедливости       |
| Недостаток мобильности между продавцами часто делает конкуренцию локальной                    | Проблемы измерения стоимости рабочей силы решаются посредством передачи связанных с этим прав организации |

Из всего многообразия проблем изучения миграции важнейшей выступает проблема влияния миграции на состояние занятости населения и рынка труда, исследования которой получили свое начало в период становления и развития рыночной экономики – в 90 гг. XX в., в новых условиях социально-экономического и демографического развития страны. Следует отметить, что до этого времени изучение взаимосвязи миграции с занятостью населения проводилось в рамках изучения трудовых ресурсов. Анализ исследований в области изучения миграции населения и трудовых ресурсов показал, что в нормальной ситуации рынок труда воздействует на миграцию непосредственно – через региональные различия в балансе труда и косвенно – через различия в заработной плате или доходах.

Как и другие социальные явления, миграция в современных условиях формируется под влиянием процесса становления рыночной экономики. Наличие существенных экономических и политических различий между регионами России и государствами – республиками бывшего СССР – является необходимым основанием существования ненулевого миграционного обмена между ними. При этом экономические факторы в современной России выступают основными детерминантами миграционных процессов. Так рост безработицы,

инфляция и падение уровня жизни в регионах вызывает резкое снижение привлекательности России для потоков мигрантов, в первую очередь трудовой, как внутренней, так и внешней. В то же время это способствует эмиграции за рубеж наиболее квалифицированных кадров по причине их неустойчивости в стране.

Методологическую базу для расширения исследовательского поля и развития большинства современных, в том числе социологических, теорий рынка труда заложило появление концепции «человеческого капитала» (Г. Беккер, Я. Минсер, Т. Шульц). Благодаря данной теории произошло серьезное переосмысление механизма функционирования рынка труда. В соответствии с этой концепцией работник пытается максимизировать свои доходы за весь жизненный цикл, решая вопрос об инвестировании времени и средств в повышение собственных производительных возможностей путем получения образования<sup>38</sup>. В России применение концепции человеческого капитала при исследовании миграционных процессов стало необходимым ввиду появления новых принципов формирования рынка труда, новых экономических механизмов, существенной либерализации в отношении территориальной подвижности населения, в частности внешней миграции и т.д.



На концепции человеческого капитала основаны выводы российских ученых в области экономики труда Т.О. Разумовой и С.Ю. Рощина о взаимосвязи потоков миграции и заработной платы, а также влияния миграции на рынок труда отправившей и принимающей стран. В результате своего исследования данные авторы выявили последствия миграции для рынков квалифицированного и неквалифицированного труда. Сделанный ими вывод представляется нам наиболее важным для изучения и понимания специфики российского рынка труда и влияния на него миграционных процессов. Мы согласны с мнением Т.О. Разумовой и С.Ю. Рощина, которые полагают, что приток квалифицированных мигрантов способствует снижению заработной платы и росту общей занятости, в то же время занятость местного населения должна сократиться. Поскольку составляющими частями труда являются квалифицированный и неквалифицированный, вполне логично было предположить, что увеличение занятости специалистов одновременно приведет к увеличению спроса на неквалифицированных работников.

Необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на тот факт, что применение концепции человеческого капитала возможно только при исследовании добровольной миграции. К одним из сложных и спорных вопросов можно отнести определение в этом процессе степени вынужденности и добровольности. Следует также отметить, что экономическая мотивация является доминирующей только для определенной части мигрантов.

С классической теорией структурных миграционных построений, теорией «притяжения-выталкивания» схожими чертами в теоретическом плане обладает теория миграции высококвалифицированных кадров. Она представляет интерес в связи с рассмотрением взаимодействия миграции населения с рынком труда. Указанная теория строится в рамках двух основных концепций: во-первых, обмен знаниями и опытом, включая «приток умов» и «утечку умов». Сущность данного подхода заключается в поиске нового рабочего места, учитывая имеющиеся профессию и квалификацию. Обмен знаниями и опытом предполагает наличие двустороннего обмена информацией о положении двух стран. Данная теория характерна для экономик всех стран, а информация включает в себя сведения не только о рынке труда, но и о финансах, товарных рынках, уровнях жизни. Во-вторых, рассматривается «растрата умов». В рамках данной концепции отток высококвалифицированных кадров трактуется как потеря для совокупной рабочей силы страны-экспортера, вследствие чего в ней снижается уровень жизни и потенциальные способности к развитию<sup>31</sup>.

Современный рынок труда представляет собой структурно сложный, неоднородный орга-

низм. Теория сегментирования и, в первую очередь, двойственности рынка труда позволяет более обстоятельно исследовать структуру занятости и влияние индивидуального поведения на определение политики фирмы. Вследствие указанных причин рынок труда необходимо рассматривать не только и не столько как исключительно экономическую категорию, но как сложный социум, состоящий из многих групп и подгрупп. Каждая группа этого социума имеет свои специфические потребности, интересы, ценностные ориентиры, поведение как на микро-, так и на макроуровнях в условиях рыночной конъюнктуры. При этом рынок труда — это не только система социально-экономических отношений. Он включает в себя исторически сложившийся специфический механизм саморегулирования, посредством которого через спрос и предложение происходит согласование и установление баланса интересов между работниками, работодателями и государством. Следовательно, развитие рынка труда отражает социальный процесс, движимый активностью функционирующих в нем социальных субъектов, интересами, поведением и взаимодействием социальных групп и слоев.

Таким образом, обобщая опыт зарубежных и российских исследований миграции населения и ее роли в формировании рынка труда можно сделать вывод о том, что миграция населения как процесс перемещения людей между различными населенными пунктами, завершающийся изменением их местопроживания применительно к ситуации на рынке труда, может быть рассмотрена как двухстороннее явление: во-первых, как фактор формирования количественных и качественных параметров рынка труда, поскольку приток в регион или отток из него населения с определенными социально-демографическими, социальными и профессиональными характеристиками неизбежно отражается на численности и составе всего населения и соответственно на показателях предложения рабочей силы; во-вторых, как эффективный практический инструмент регулирования рынка труда и регионального, и общегосударственного, способствующих достижению сбалансированности между спросом и предложением рабочей силы за счет стимулирования территориальной мобильности населения в необходимом, с позиций обеспечения рациональной занятости, направлении<sup>32</sup>. Анализ методологических подходов к исследованию процессов миграции населения и рынка труда постоянно требует применения новых исследовательских теорий, а также методов и приемов, благодаря которым дальнейшее исследование миграционных и рыночных отношений в области труда позволяет углубить теоретические представления о миграции и рынке труда, а в некоторых случаях — и принять практических решений в этой области.



**Примечания**

- См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 47.
2. См.: Шенвальский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 98.
3. См.: Пастиги Р. Чтобы демократия работала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 20.
4. См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 1165.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 599.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.: В 3 т. Т. 2. Изменяющийся. М., 1988. С. 37.
7. Ricardo D. Principes de l'économie politique. 1970. P. 67 (цит. по: Бродель Ф. Материальная цивилизация... С. 37).
8. Бродель Ф. Указ. соч. С. 37.
9. См.: Дятлов С.А. Рабочая сила в системе рыночных отношений. СПб., 1992. С. 69; Наемный труд на переломных этапах развития экономики. М., 1999. С. 29; Рынок труда и доходы населения. М., 1999. С. 9.
10. Голуб О.Ю. Социальные механизмы адаптации на российском рынке труда. Саратов, 2002. С. 10–11.
11. Рынок труда / Под ред. проф. В.С. Буланова, проф. Н.А. Волгина. М., 2000. С. 31.
12. Там же. С. 34.
13. Там же.
14. Хабибуллин И.А. Рынок труда Астраханской области: столкновение интересов и пути их разрешения. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2003. С. 11.
15. Фирстова О.А. Региональная диагностика рынка труда субъекта РФ: Омская область. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2004. С. 6.
16. Экономическая и социальная география / Под ред. проф. А.Т. Хрущева. М., 2001. С. 69.
17. Рынок труда. С. 201–202.
18. Бродель Ф. Указ. соч. С. 214.
19. Сведберг Р. Рынки как социальные структуры (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 1–2 (11–12). С. 208.
20. См.: Swedberg R. Markets as Social Structures // The Handbook of Economic Sociology / Eds. N. Smelser, R. Swedberg. N.Y., 1994. P. 255–260, 261–274; Сведберг Р. Указ. соч. С. 201, 209–211.
21. Dunlop J. Wage Determination Under Trade Unions. N.Y., 1944. P. 64–65; Ross A.M. Trade Union Wage Policy. Berkeley; Los Angeles. 1940. P. 99–103.
22. Doeringer P. Piore M. Internal Labor Markets and Manpower Analysis. Lexington (Mass.). 1971. P. 13–28.
23. См.: Вебер М. Город. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 210.
24. Сведберг Р. Указ. соч. С. 219–220.
25. Там же.
26. Там же. С. 213–214.
27. Ichniowski C. Implicit Contracts and Underemployment Equilibria // J. of Economic Theory. 1975. P. 1183–1202.
28. Hart O. Optimal Labour Contracts Under Asymmetric Information: An Introduction // Review of Economic Studies. 1983. Vol. 160. P. 3–36.
29. Blanchard O., Summers L. Hysteresis and the European Unemployment Problem // NBER Annual Report. 1986. Vol. 1. P. 15–19.
30. Сведберг Р. Указ. соч. С. 218.
31. Резник А.В., Мисюкова Е.А. Сетевой анализ как инструмент исследования поведения на рынке труда // Российское общество и социология в XXI веке: социальное вызовы и альтернативы: Гез. докл. и выступлений на II Всерос. социол. конгр.: В 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 376–378.
32. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // Amer. J. of Sociol. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1378.
33. Паттерн (англ. pattern от лат. *patronus* – модель, образец для подражания, шаблон, стиль, узор, выкройка) в современной методологии социогуманитарного знания – термин, близкий по содержательным и смысловым характеристикам к понятию «концепция» и трактуемый как коннотативный к таким концептам, как «строение», «базовая интуиция», «умозрительное видение».
34. Granovetter M. Toward a Sociological Theory of Income Differences // Sociological Perspectives on Labor Markets / Ed. J. Berg. N.Y., 1981. P. 11–42.
35. Granovetter M. The Sociological and Economic Approaches to Labor Market Analysis: A Social Structural View // Industries, Firms and Jobs: Sociological and Economic Approaches / Eds. G. Farkas, P. England. N.Y., 1988. P. 196.
36. Резник Г.А., Мисюкова А.И. Методологические подходы к исследованию миграции населения // Социальная политика в проблемном регионе: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2004. С. 12.
37. Сведберг Р. Указ. соч. С. 221.
38. Becker G.S. The Human Capital. Chicago, 1964. P. 153.
39. Резник Г.А., Мисюкова А.И. Указ. соч. С. 12.
40. Парфентьева О.А. Влияние миграции населения на рынок труда РФ: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2000. С. 19.



УДК 316.334.22:316.334.52

## РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

И.С. Панин

Саратовский государственный университет,  
кафедра социологии регионов  
E-mail: VedininaJA@info.sgu.ru

В статье анализируется взаимосвязь изменений трудовой ориентации молодежи и проблем воспроизводства кадрового потенциала в региональной экономике, раскрываются возможные пути их разрешения, в том числе необходимости сокращения дисбаланса между рынком труда и рынком образовательных услуг.

### Regional Problems of Personnel Potential Development

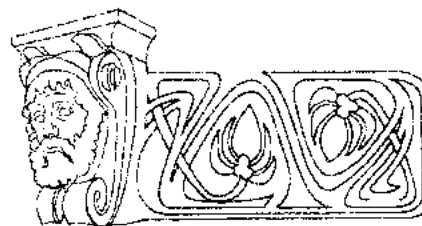
I.S. Panin

The paper analyzes the correlation between young people's labor orientation changes and personnel potential reproduction problems in the regional economy, possible ways of solving these problems are proposed, including the necessity to reduce the existing unbalance between the labor market and educational service market.

Успешность реформирования общества в значительной мере зависит от того, насколько безболезненно население адаптируется к новым социально-экономическим условиям. Известно, что успешная трансформация всех сфер жизнедеятельности российского общества в связи с рыночными отношениями не ускорила социально-экономического развития, а наоборот, отбросила страну далеко назад, сделала её зависимой от мировых цен на нефть, кредитов международных финансовых организаций. Результаты десятилетних реформ, как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин летом 2000 г., подвели Россию к такой черте, когда во весь рост встал вопрос: «Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов от благосклонности лидеров мировой экономики?»

В этих условиях для России приобретают особую значимость проблемы рационального и эффективного использования имеющихся ресурсов и, в первую очередь, трудовых ресурсов, духовного и интеллектуального потенциала. Труд для всех слоев населения был и остается как первоосновой жизнедеятельности человека, так и благосостояния, независимости и безопасности страны. Именно в сфере труда человек реализуется как личность, идентифицируется в социальные группы, слои и общности, проявляет свои способности, талант, навыки и умение. Труд определяет общественное положение и статус человека в обществе.

Особо важное значение имеет трудовая деятельность в общественном материальном и духовном



производстве для молодежи, в её самоопределении и социализации. Специфика функционирования этой социально-демографической группы населения состоит в том, что она переживает процесс перехода от мира детства к миру взрослости, т.е. от безролевого и безстатусного состояния к самостоятельности и ответственности за своё поведение и действия. Трудовая деятельность ускоряет процесс взросления молодежи и формирования у неё качеств самостоятельного и деятельного субъекта социального взаимодействия. А если учесть, что эта категория населения, возрастные границы которой сегодня определяются с 12–14 лет до 25–29 лет, олицетворяет облик будущего любого общества, то станет ясно, как важно, чтобы современная молодежь была активным участником и творцом обустройства и обновления этого общества. Кроме того, молодежь обладает такими значимыми, характерными только для неё, социальными качествами, которых нет у взрослых слоев населения, а именно это – одна из самых многочисленных (1/5 часть населения России), трудоспособная и образованная часть общества. Она обладает таким качеством, как известный максимализм, который свидетельствует о её стремлении к самостоятельности и ответственности. Молодежь не обременена грузом прошлого, и поэтому она более восприимчива к новому, не боится ошибиться, так как постоянно находится в поиске. Понять, оценить и использовать эти качества на благо общественного прогресса – долг старших поколений.

Этот элемент социальной структуры общества, как и любой другой, неоднороден в своем составе. Он имеет свою дифференциацию по возрастным, социально-статусным, стратификационным и другим критериям. Процессы ломки старой и формирования новой рыночной социальной структуры российского общества не обошли и современную молодежь России и каждого её региона. В социальной структуре России появились новые слои и группы, предпринимателей и банкиров, мелких торговцев и «челноков», безработных, «новых русских» и «новых бедных». Возникли новые тенденции, связанные с отношением к той или иной форме собственности – государственной, частной, кооперативной, совместной, акционерной и т.д. Ещё один фактор дифференциации – это процесс маргинализации российского общества. И в каждой страте, социальной группе и в большей или меньшей степени присутствует молодежь (рабочие, фермеры и безработные, предприниматели, интеллигенты и



т.д.). Кроме того, критериями социальной дифференциации юношества выступают социальное происхождение и собственное социальное положение. Они различаются по материальным возможностям, ценностным ориентациям, образу и стилю жизни. Анализ показывает, что важнейшей характеристикой современной российской молодежи является возросшее расслоение по социально-экономическим показателям.

Перемены в экономических и политических отношениях российского общества, особенно на начальной стадии, нарушили всю систему социальных ожиданий, породили в обществе состояние неопределённости, подчас – растерянности и фрустрации со всеми её последствиями – депрессией, пассивностью, агрессивностью и т.п. В период перехода к новой модели общества особенно трудно приходится молодежи. Это связано с тем, что их представления о морали, праве в силу целого ряда причин, в том числе и юного возраста, находятся на вербальном уровне, не стали ещё осознанными, тем более – автоматическими регуляторами их поведения.

Если сравнивать нынешнее социальное положение молодежи с положением в 1990 г., то наиболее радикальные изменения обнаруживаются в труде, образовании, материальном положении и досуге, ибо нарушилась естественная для любого общества связь между этими сферами жизни молодого поколения. Образование, включая профессиональное, остается невостребованным в сфере труда. Квалифицированный труд перестает обеспечивать соответствующий жизненный уровень.

Невостребованность трудового потенциала молодежи сказывается на уровне ее профессиональной социализации. Система оплаты труда пока далека от рыночного регулирования, как и сам российский рынок далек от современного цивилизованного.

Разбалансированность уровня доходов и уровня потребления приводит к деформации интересов у этого социального слоя как в сфере потребления, так и в сфере труда, ограничивая их сферой потребления. В результате, наблюдается процесс его ухода из сферы материального производства в сферу распределения и обращения.

За последние годы численность молодых людей, включенных в эти сферы, увеличилась многократно. Опасность видится не только в пагубных последствиях ухода молодой рабочей силы из основных отраслей производства, но и в моральных издержках. Трудовая мотивация вытесняется спекулятивно-стяжательской. Поредко молодые люди одобрительно относятся к стремлению своих сверстников «делать деньги» любой ценой, даже в обход закона. А если учесть, что само общество в лице печатных и электронных СМИ нередко рекламирует облегченные способы удовлетворения интересов и потребностей молодежи через разного рода широчные шоу, тем самым девальвируется ценность труда как источника не

только удовлетворения потребностей, но и как агента социализации.

Все это обостряет проблемы в сфере воспроизводства кадрового потенциала и повышения качества рабочей силы как в российском объединении в целом, так и в отдельных регионах. Например, по данным Управления федеральной государственной службы занятости населения по Саратовской области, за период с 2006 по 2015 г. трудоспособное население области уменьшится на 182 тыс. человек, или на 11 % к уровню 2003 года. На протяжении последних лет заметна тенденция ухудшения качественного состава работающих, в частности увеличивается средний возраст занятых в экономике лиц. В 2003 г. в промышленности он составлял по возрастам от 47 до 55 лет. В сельскохозяйственном производстве численность специалистов в возрасте до 30 лет составляет лишь 7%. Почти четверть работающих из предприятий области не имеют профессионального образования.

В Саратовской области растет потребность отраслей материального производства и бюджетной сферы в высококвалифицированных специалистах, а их нехватка превращается в ощутимый ограничитель экономического роста. Потребности в квалифицированных рабочих в промышленности составляет 29 %, транспорте и связи – 15 %, сельском хозяйстве – 12 %, строительстве и ЖКХ – по 7 %.

Становление рыночных отношений вызывает необходимость введения новых требований к процессу подготовки и формирования потенциала работника на всех уровнях системы образования. Повышаются требования не только к качеству профессиональной, но и к психологической, социальной и личностной готовности персонала работать в новых условиях. В ближайшие пять лет экономика нашей области будет нуждаться дополнительно в 67 тыс. специалистов, из которых наибольший спрос будет на специалистов с начальным (61,6 %) профессиональным образованием, средним – 15,7 %, высшим – 22,7 %.

Однако номенклатура профессий и специальностей региональной системы профессионального образования и соотношение числа выпускников разных уровней не всегда соответствует структуре спроса на рынке труда.

Вовлечение молодежи как основного источника воспроизводства и развития кадрового потенциала области требует создания эффективной системы управления этим процессом, преодоления межведомственной разобщенности в решении проблем занятости и регулирования рынка труда, учета всех факторов (экономических, социальных, демографических) в сокращении дисбаланса между рынком труда и рынком образовательных услуг.

К сожалению, в последние годы расходы предприятий и организаций на обучение и подготовку персонала в среднем по области не превышают 0,7 % от объема их прибыли, тогда как в развитых странах этот показатель составляет до



10 %. Аггустация и работа с кадровым резервом проводится в основном на крупных предприятиях и в организациях, средние и малые не имеют даже специалистов и служб для этой работы.

Для обеспечения устойчивой работы предприятий, организаций и учреждений в рыночных условиях, эффективного функционирования и дальнейшего развития экономики необходима активная и научно обоснованная региональная политика в сфере функционирования трудовых ресурсов, государственного регулирования рынков труда и образовательных услуг.

Рыночные отношения объективно диктуют необходимость не только иметь активную кадровую политику, но и развивать собственную систему подготовки кадров на предприятиях и в организациях, усиливать связи работодателей с профессиональными учебными заведениями области, пропагандировать труд как основной источник жизнедеятельности человека и общества.

Саратовская область располагает для молодежи широкой сетью учреждений начального и высшего профессионального образования с большим набором разнообразных профессий и специальностей.

Объективно образование и человеческая жизнедеятельность неразрывно взаимосвязаны тем, что содержание образования, его направленность и сущностная характеристика есть плод и результат человеческой деятельности в конкретной исторической эпохе или этапа развития общества. Субъективно образование воплощает себя и материализуется в типах человеческой активности, в типе личности. Образование все активнее втягивает людей в орбиту разнообразной деятельности. Сейчас трудно найти сферу и вид приложения человеческих сил, где был бы совершенно безразличен фактор образованности, воспитанности и культуры человека.

Традиционная точка зрения, что образование подготавливает молодое поколение к активной деятельности (интеллектуально, профессионально и психологически) в настоящее время является, на наш взгляд, недостаточно верным и полным. Известно, что обучение охватывает сегодня большие периоды жизни человека, поглотив его продуктивные и творческие годы. Молодой человек, претендуя на средний уровень квалификации, должен учиться не менее тринадцати лет, а для профессии высшей квалификации срок обучения доходит до двадцати лет. Все ниже становится и возрастная граница включения человека в систематическое обучение, образование начинается в ранний детский возраст, порой не располагая четким представлением о психофизиологических и социальных последствиях такого вторжения. Наиболее ответственные фазы обучения выпадают на период социального самоутверждения человека — профессионального, семейного, гражданского. Затянувшееся обучение, в котором человеку, как правило, отводится пассивная роль восприимчивика культуры и социального опыта,

нередко дает плоды инфантильности. Отчасти из-за этого молодые люди все чаще оказываются в стрессовых ситуациях, поглотивая криминальную среду.

Сегодня очевидно, что образование неразрывно связано с жизнедеятельностью личности на всех этапах ее становления и развития. При этом на одних этапах образовательная деятельность является ведущей деятельностью человека вообще (в частности, период обучения), на других — выполняет подчиненную роль (при основной профессиональной деятельности), на третьих — роль стимулятора, когда посредством образования ставятся и достигаются новые жизненные цели, повышается социальное положение, статус и т.д. Следовательно, типичной тенденцией современной социальной реальности является то, что образование становится непрерывным, сопровождающим человека всю жизнь. Образование не просто сочетается с человеческой деятельностью, но и оказывается с неприменной принадлежностью физической и духовной жизни человека.

Основной целью анализа взаимозависимости социально-экономической деятельности современного человека и системы образования является поиск ответа на вопрос: что и как можно сделать по формированию современного рыночного самосознания и саморегуляции молодого поколения в процессе образования? Во-первых, речь идет об установлении оптимального режима, при котором система образования и деятельность по преобразованию экономической сферы российского общества взаимодействовали бы наиболее активно и продуктивно. Во-вторых, сосредоточить внимание на поиске более эффективных путей, форм, способов целенаправленной деятельности в сфере образования не только по совершенствованию современных качеств личности, но и ее адаптации к рыночным условиям.

К сожалению, в настоящее время сложившиеся формы образования не гарантируют удовлетворения потребностей человека в труде как основы удовлетворения всех других потребностей (естественных, социальных, духовных и т.п.). Образование не должно сводиться исключительно к передаче знаний, оно должно формировать новые личностные качества человека, способного быть конкурентоспособным на рынке труда.

Для того чтобы свести к минимуму опасность «образовательного брака» на всех ступенях как ныне действующей, так и формирующейся системы непрерывного образования и обеспечить действительную включенность индивидов (особенно молодого поколения) в процесс постоянного обновления и расширения знаний, навыков и умений самостоятельно ориентироваться на рынке труда, необходимо, чтобы сами обучающиеся испытывали в этом потребность. Формирование, развитие и удовлетворение такой потребности — в этом, по существу, и состоит важнейшая задача учебных заведений, их вклад в сферу воспроизводства и обновления кадрового потенциала российского общества.



УДК 316.344.42:32+929 Сорокин

## ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. СОРОКИНА

Д.В. Покатов

Саратовский государственный университет,  
кафедра прикладной социологии  
E-mail: BegininaJA@info.sgu.ru

В статье анализируются особенности изучения П.А.Сорокиным политической элиты. Выявляется его вклад в рассмотрение данной проблемы с неопозитивистских позиций, дается сравнительный анализ его взглядов и теорий социологов-позитивистов А.И.Стронина и Я.А.Новикова.

### Problem of Political Elite in P.A. Sorokin's Works

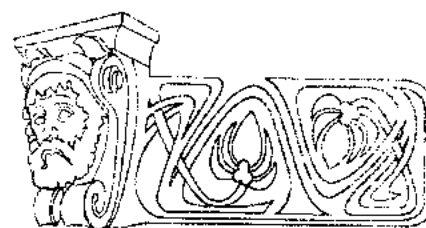
D.V. Pokatov

The paper analyzes features of P.A. Sorokin's studies of the political elite. His contribution to the consideration of this problem from a position of neopositivism is revealed, a comparative analysis of his views and the theories sociologists-positivists as A.I. Stronin and Ya.A. Novikov is carried out.

На протяжении уже более ста лет с момента введения В.Парето в научный оборот понятия «элита», данная социальная группа остается предметом исследования ученых, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, что, конечно, не является случайным.

Элита в целом, как и политическая элита в частности, продолжают играть значительную роль в развитии общества. Само их назначение напрямую связано с реализацией ряда важнейших общественных потребностей, в том числе в сохранении стабильности общества, эффективном управлении и рациональной организации управленческого процесса. Для их осуществления политическая элита стремится сконцентрировать в своих руках важнейшие ресурсы, которые направляются, в частности, на создание новых управленческих парадигм и моделей общественного устройства, а также поиск механизмов их претворения в жизнь. Все это способствует закреплению ведущего общественного статуса элиты, от функционирования которой во многом зависит не только повышение результативности работы всей системы управления, но и сохранение стабильности, и прогресс всего общества и составляющих его подсистем.

Ведущие позиции, занимаемые элитой в обществе, во многом детерминировали научный интерес к ней со стороны исследователей, принадлежащих к различным школам и направлениям. Несмотря на явный приоритет западной социологии в изучении элиты, что выразилось, в частности, в разработке известным итальянским социологом Г.Моска теории правящего класса и введении В.Парето в научный оборот категории



«элита». Нельзя, на наш взгляд, отрицать и достижений отечественных социологов, их вклад в разработку данной проблематики.

Одними из первых обратились к анализу различных элитных групп представители позитивистского направления, которое, по словам П.И.Кареева, вошло «в русский умственный обиход» в конце 60-х гг. XIX века<sup>1</sup>. Как справедливо отмечается в ряде исследований по истории социологии, появление позитивизма на российской почве можно рассматривать как своеобразный протест против господствовавших в то время в российском обществе архаических традиций и стремление к ориентации на новые и передовые идеи. Позитивизм «давал право своим adeptам одинаково отрицательно относиться и к догматически-религиозному мирозерцанию, державшему так долго в оковах русскую мысль, и к идеалистической философии»<sup>2</sup>.

С момента своего зарождения позитивизм был достаточно многогранен и стремился проанализировать различные процессы и явления общественной жизни. Не являлись здесь исключением теоретические проблемы государства и управления, демократии, самоуправления и т.д. В той или иной форме рассматривались и субъекты государственного управления и политической жизни, прежде всего элитные группы.

Свой вклад в разработку «элитной» проблематики в разные годы внесли представители различных течений позитивизма – от наиболее ранних, органических и эволюционистских, представленных теориями А.И.Стронина и Я.А.Новикова, до неопозитивистских, нашедших свое выражение, в том числе в концепции П.А.Сорокина. При этом теорию П.А.Сорокина можно рассматривать как своеобразный завершающий этап в развитии позитивистских представлений о политической элите. Нельзя не согласиться здесь с мнением известного отечественного социолога И.А.Голосенко, отмечавшего, что при изучении различных явлений и процессов П.А.Сорокин пытался соединить в единое целое сильные, на его взгляд, «стороны позитивизма, антипозитивизма и неопозитивизма, что придавало его теориям определенную системность и оригинальность»<sup>3</sup>. Однако это стало возможным не в последнюю очередь, благодаря предшествующему развитию российской позитивистской социологии.





При этом следует особо отметить вклад равных социологов-позитивистов – А.И. Стронина, являвшегося представителем органической теории, и Я.А.Новикова, одного из идеологов эволюционистской биоорганической теории.

Как и многие первые социологические произведения, появившиеся в России, труды А.И.Стронина и Я.А.Новикова, в которых затрагивалась элитная проблематика, несли в себе черты публицистики – образность, описательность и некоторую упрощенность. Объяснялось это во многом тем, что именно публицистика была наиболее понятна широкому слою общества, не искушенным в сложных и порой достаточно запутанных социально-политических проблемах, и способствовала тем самым пропаганде и популяризации социологической науки. Но справедливому замечанию Д.И.Писарева, популяризация науки составляла важную, всемирную задачу, поскольку хороший популяризатор, особенно в России, может принести обществу гораздо больше пользы, чем даровитый исследователь. В его представлении «в высших сферах умственной аристократии лежит огромная масса идей: надо теперь все эти идеи сдвинуть с места. ... разменять на мелкую монету и пустить их в обращение. Тогда только и можно будет оценить в полном объеме, с одной стороны, глубину, красоту и практическую силу научных идей, а с другой стороны, гибкость и плодотворность человеческого ума, который тогда впервые отдаст себе отчет в своих собственных подвигах»<sup>4</sup>.

Несмотря на некоторую упрощенность и образность, свойственную публицистике, произведения как А.И.Стронина, так и Я.А.Новикова содержали значительный фактический материал, оригинальную интерпретацию и оценку места и роли в жизни общества элитных слоев. Хотя само понятие элиты в их работах еще не употреблялось, оба мыслителя отмечали неизбежность деления общества на правящее меньшинство и неорганизованное, политически пассивное меньшинство, что объяснялось ими действием ряда факторов<sup>5</sup>.

Наиболее «аристократичной» была теория представителя органицизма А.И.Стронина, долгие годы проработавшего в министерстве путей сообщения. Само название данная концепция получила вследствие проводимых А.И.Строниным аналогий между развитием общества и организма. Структура общества представлялась мыслителю в виде социальной пирамиды, складывающейся под влиянием физических причин. Вертикальный разрез образует треугольник, который делится двумя параллельными основанию линиями на три уровня (яруса): верхний, средний и нижний. Верхний – представлен аристократией, средний – слоем буржуа, а нижний – большинством работников. Каждый из уровней дифференцируется на ряд составляющих. Верхний, привилегированный, слой включает законодателей, судей и администрацию. Сюда же относится и интеллигенция, определя-

емая им как «активный и инициативный политический класс» и «проводник внешнего мира во внутренний». Средний слой подразделяется им на арендаторов, мануфактуристов и банкиров, а нижний – на земледельцев, ремесленников и торговцев<sup>6</sup>.

Из всех слоев, по мнению А.И.Стронина, только представители правящего, высшего и среднего слоев обладали «политически производительной силой» – волей и разумом, позволяющей им воздействовать на общество. Обладая ей, они были способны к политическому творчеству, которое может приобретать разное выражение. У представителей правящего класса (правительства) оно будет выражаться в претворении; главными политическими продуктами здесь выступают права, а у интеллигенции как «наиболее активного, инициативного и преимущественно политического класса» – «в творчестве в тесном смысле», связанном с формированием идей. Выработанные интеллигенцией идеи, в представлении мыслителя, «с правительства обращаются в права, у гражданства – в нравы»<sup>7</sup>. Таким образом, интеллигенция, фактически, исполняет роль контроллиты, которая имеет все необходимые показатели правящей элиты, но не участвует напрямую в управлении обществом, хотя в дальнейшем и может претендовать на лидерство.

Размышляя о параметрах и качественных характеристиках высшего слоя общества, к которому помимо интеллигенции относится правительство, мыслитель приходит к выводу о значимости знания как потенциального источника власти. При этом он отмечает, что «как знания начинаются с богатства, так и власть начинается со знания». Здесь очень четко проявляется предвосхищение ученым идеи о наличии у политической элиты такого важного признака, как профессионализм.

В целом, несмотря на некоторую упрощенность, проведенный А.И.Строниным анализ структуры общества и её составляющих оказал существенное влияние на развитие элитной проблематики в рамках позитивизма в целом и формирование основ неопозитивистского подхода, идеи которого активно развивал в дальнейшем П.А.Сорокин.

Прежде чем перейти к рассмотрению взглядов П.А.Сорокина на сущность и роль политической элиты, необходимо сказать также о вкладе одного из идеологов эволюционистской биоорганической теории Я.А.Новикова в её изучение с позиций позитивизма.

В своих произведениях «Сущность прогресса» и «Социальный дарвинизм» он затрагивает некоторые аспекты элитной проблематики. Так же, как и А.И.Стронин, он отмечает неизбежность деления общества на управляющих и управляемых. При этом он утверждал, что с политической точки зрения наиболее совершенной организацией является та, которая может обеспечить наибольшую



степень безопасности как в отношениях граждан между собой, так и в отношениях между управляющими и управляемыми».

При анализе управляющих мыслитель использует преимущественно биологический подход, отождествляя элиту с нервной системой, отвечающей за реакции организма и выполняющей функцию контроля и управления.

Не считая общество статичным организмом, социолог постоянно подчеркивал необходимость в нем изменений, открытий и изобретений. Он считал вполне возможным применять понятие изобретения и к отдельным общественным процессам, в частности политическим реформам. Претворять их в жизнь призван, по его мнению, слой «изобретателей», которые должны убедить других в необходимости принять «изобретение» и разработать механизм его исполнения<sup>9</sup>.

В целом достаточно важная идея социальной динамики в теории Я.А.Повикова используется только в общем плане и не получает всестороннего анализа. Но несмотря на это, она, без сомнения, стала своеобразной основой для более широких обобщений, применяемых П.А.Сорокиным для анализа места и роли политической элиты в структуре общества.

Таким образом, несомненной заслугой социологов, представивших органические и эволюционистские концепции, являлось то, что они одними из первых в российской социологии обратили внимание на важность изучения общества как особой системы, отметили необходимость анализа его структурных компонентов и определения их статуса и роли в единой общественной системе. Впоследствии проблема социальной структуры, наряду с рассмотрением социального порядка и социального поведения, оказалась в центре внимания социологов неопозитивистского направления, одним из наиболее ярких представителей которого был выдающийся русско-американский социолог П.А.Сорокин.

С именем П.А. Сорокина, как известно, связано введение в научный оборот ряда основополагающих социологических категорий, в том числе «социальное пространство», «социальная мобильность», «социальная стратификация», «статус» и др. Значительную часть своей жизни, после изгнания в 1922 г. из СССР, он провел в США, где создал ряд фундаментальных трудов.

К ним в первую очередь следует отнести монографию «Социальная мобильность», впервые увидевшую свет в 1927 г. в Нью-Йорке. Именно в ней в наиболее полной форме нашли свое выражение его взгляды на сущность и роль в обществе политической элиты.

В отличие от представителей раннего позитивизма, П.А.Сорокин в своем труде использует понятия «элита» и «политическая элита». Мыслитель рассматривал политическую элиту как особую социальную группу, входящую в высший слой общества и состоящую из инд. обладающих

высоким интеллектом, сильными амбициями, предприимчивым и авантюрным характером, изобретательным умом, жесткой и несентиментальной натурой, своеобразным цинизмом и, наконец, волей к власти и господству<sup>10</sup>.

Главную функцию элиты П.А.Сорокин видел в творческом преобразовании общества<sup>11</sup>. Для ее реализации, по его мнению, политическая элита должна обладать комплексом физиологических и психологических черт, а также целым рядом специфических способностей (называемых им «способностями особого рода»). К первой группе он относил высокий интеллект, большую внешнюю привлекательность, высокий рост, отсутствие серьезных и физических аномалий и дефектов внешности. Среди всех перечисленных качеств и черт особо выделялись им интеллектуальные показатели. Проведенное им исследование показало, что в большинстве случаев представители политической элиты и других слоев, составляющих высший уровень социальной структуры общества, в целом намного интеллектуальнее, чем социальные группы, принадлежащие к низшему её уровню. В частности, он отмечал, что в британском правящем классе находятся 18,5 % от общего числа британских гениев, в то время как в низшей прослойке неквалифицированных рабочих их насчитывалось только 2,5 %<sup>12</sup>.

Помимо интеллекта исследователь обращает внимание и на такие важные показатели политической элиты, как имидж (выступающий у него в виде внешней привлекательности) и возраст. При этом данные показатели анализируются не только как атрибуты политической элиты, но и как факторы, способствующие социальному восхождению. Таким образом, теория элиты рассматривается в контексте теории социальной стратификации и мобильности. Проводя изучение имиджа известных политических деятелей, П.А.Сорокин пришел к выводу, что относительная физическая слабость способствует социальному «спуску» индивидов и их размещению в низших социальных прослойках. В то же время привлекательная внешность, красота, «благородное телосложение» и т. д. во многом способствуют продвижению в высшие слои, в том числе и в политическую элиту. В своем труде «Социальная мобильность» мыслитель приводит наблюдение одного из родоначальников теории элиты Р.Михельса по поводу «физического типа многих лидеров современных демократических движений», которые поднялись с низшего уровня социальной структуры общества на вершину социальной пирамиды. В представлении Р.Михельса все они (в том числе Ж.Жорес, Ж.Гед, К.Маркс, А.Бebel, Р.Макдональд и др.) обладали «очень приятной наружностью». В Италии некоторые лидеры социалистических партий также представляли собой прекрасные образцы человеческого рода. Из 33 депутатов-социалистов в парламенте 1902 г. 16 по своей внешности превосходили средний уровень<sup>13</sup>.



Наряду с имиджем среди внешних показателей политической элиты важную роль играет и возраст: от которого во многом зависит результативность функционирования данной социальной группы. И.А.Сорокин проанализировал его и пришел к выводу, что средний возраст представителей высшего слоя (включая политическую элиту) выше, чем у представителей средних и низших слоев. Так, у французских и немецких президентов он равен 59, а у американских президентов – 55 годам (в то время как у преподавателей колледжей в США он составляет 30 лет, а у фермеров – 26,5)<sup>14</sup>.

Говоря о возрастном показателе, исследователь отметил значительную его вариативность, зависящую от некоторых внешних факторов, в том числе формы правления и связанного с ней механизма передачи власти. В частности, в монархических странах представители политической элиты моложе, так как сохранившаяся в них процедура наследования социального статуса позволяет занимать высокое социальное положение в более раннем возрасте. В современных же индустриальных обществах, с демократическими формами правления и выборностью власти, политические деятели достигают своего положения после многих лет работы и в относительно зрелом возрасте. Как показывает исторический опыт развития многих стран, в том числе и России, полученные И.А.Сорокиным данные не устарели и являются весьма актуальными и сегодня.

Проведенные в дальнейшем исследования показали, что средний возраст высшего руководства СССР в начале 1980-х гг. прошлого века составлял 61,8 года. Средний возраст команды, начавшей перестройку, равнялся 68,5 годам<sup>15</sup>. Хотя, как отмечают О.В. Крыштановская и Ю.В. Хуторянский, ЦК КПСС и требовал от всех структур власти отчетов о представительстве молодежи в органах власти, это не приводило к желаемым результатам. Молодежь привлекалась лишь в наименее значимые органы – как правило в декоративные парламенты, профсоюзы и т.д. Благодаря вмененным квотам средний возраст Верховного Совета СССР был на 20 лет меньше, чем средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС и составлял 40 с небольшим лет<sup>16</sup>. Но это, конечно, не меняло общей тенденции постарения советской элиты, приводившей к консерватизму и застою всей системы управления.

В целом хотя все отмеченные выше физиологические и психологические характеристики и были важны, однако, по мнению исследователя, не совсем достаточны для целостного анализа элиты. Вследствие этого необходимо было учитывать и «способности особого рода», включающие «военный и полководческий талант, таланты научные, художественные, литературные и организационные». Их развитию, как отмечал ученый, способствуют прежде всего склонности и черты характера. И.А.Сорокин справедливо утверждал,

что «человек без упорного характера, несмотря на свой талант, не может стать ни великим ученым, ни изобретателем, ни лидером вообще». Продолжая свои размышления, он подчеркнул, что «действуя или предаваясь теоретическим размышлениям, он должен быть озабочен поиском новых путей и должен продвигаться по ним, несмотря ни на какие трудности и препятствия. В этом плане он должен быть авантюристом. <...> личностью, свободной от сентиментальности, которая препятствует политическому продвижению и удержанию власти»<sup>17</sup>.

Как видно из сказанного выше, данные постулаты более всего созвучны взглядам представителей макиавеллистического направления в изучении политической элиты (прежде всего Г.Моска, В.Парето и Р.Михельсу), которые утверждают, что в составе элиты могут находиться как индивиды, добивающиеся общественного признания легитимными средствами, так и деятели, чей «общественный капитал» был создан не вполне законными путями<sup>18</sup>.

Помимо индивидуальных факторов на формирование «способностей особого рода» влияют и объективные обстоятельства, прежде всего деятельность таких социальных институтов, как семья, школа и Церковь, выполняющих роль своеобразного «социального фильтра». Особое значение, по его мнению, имеет деятельность институтов образования. И.А.Сорокин отмечал, что «любой социальный реформатор должен уделять пристальное внимание всем этим инстанциям не только как институтам образования и воспитания, но, особенно, как тестирующему и отборочному механизму».

От эффективного функционирования данных институтов, как справедливо полагал исследователь, зависит качество самой политической элиты. Слишком легкая проверка и отбор, производимый данными инстанциями, ведет к перепроизводству элиты, следствием чего могут быть социальная нестабильность, беспорядки и революции. Наоборот, слишком жесткая система отбора (при низкой рождаемости среди представителей высших слоев общества) приводит к «недопроизводству элиты» и необходимости её заполнения лицами, не прошедшими системы социального отбора. При этом могут быть созданы искусственные преграды для пополнения состава политической элиты наиболее талантливыми выходцами из среднего класса и низов общества. В конечном итоге, результатом этого может стать социальная стагнация<sup>19</sup>. Отсюда, в его представлении, вытекает необходимость правильной организации качественной и количественной стороны «социальных фильтров».

Размышления о качественной стороне организации тестирующих, отборочных и распределяющих инстанций в формировании типа людей, находящихся в верхних и нижних прослойках общества, привели И.А.Сорокина к постановке вопроса о количественной стороне, т.е. доле



элиты в социальной структуре общества, что, по его мнению, являлось немаловажным обстоятельством для эффективного функционирования всего общества.

Как известно, и до, и после него в социологии и политологии высказывались различные мнения о количественном составе элитных слоев. Так, один из создателей теории элит Г. Моска отмечал, что «чем больше политическое сообщество, тем пропорционально меньше правящее меньшинство по сравнению с управляемым большинством». Исходя из этого, он определял правящий класс как менее многочисленный слой общества, выполняющий все политические функции, монополизирующий власть и наслаждающийся теми преимуществами, которые она дает<sup>20</sup>. В отличие от Г. Моска значительно расширили границы данного слоя В. Парето, Ч.Р. Милле и М.С. Восленский. В представлении В. Парето, «элита – класс людей, имеющих высший показатель в своей сфере деятельности»<sup>21</sup>. Ч.Р. Милле определял «властвующую элиту» как совокупность индивидов, «занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения». Как считал исследователь, такие индивиды до прихода в состав «властвующей элиты» управляли «важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества»<sup>22</sup>.

Достаточно оригинальную трактовку правящего класса, определяемого как «номенклатура», дал известный отечественный исследователь М.С. Восленский. Он рассматривал «номенклатуру», правящий класс советского общества, как «большую группу людей, отличающуюся от других групп по своему – господствующему – месту в исторически определенной системе общественного производства, тем самым по отношению к средствам производства, по своей – организующей – роли в общественной организации труда, а следовательно, по способу получения и размерам той – непомерной – доли общественного богатства, которой она располагает»<sup>23</sup>. Исходя из достаточно широкого толкования сущности данного понятия, М.С. Восленский доводил число номенклатурных работников в бывшем СССР до 750 000<sup>24</sup>.

При этом он включал в их число представителей высшего звена номенклатуры, к которому он относил руководителей партийных, общественных, государственных органов в масштабе страны, союзных и автономных республик, краев, областей, округов и больших городов. Их численность составляла около 100 000 человек. Второй важнейший уровень номенклатуры – низший, представленный руководителями партийных и советских органов в масштабе районов и городов с населением до полумиллиона жителей. Численность данного уровня, по его мнению, составляла около 150 000 человек. И, наконец, к номенклатуре, по мнению исследователя, необходимо

было отнести 30 000 руководителей предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства, а также свыше 150 000 руководителей научных учреждений и учебных заведений<sup>25</sup>.

Такая достаточно широкая трактовка номенклатурного слоя вызывает ныне заслуженную критику. С позиции непосредственного участия в принятии управленческих решений к правящему слою вряд ли можно относить руководителей предприятий промышленности, строительства, науки и образования. Более того, даже некоторых представителей центральных органов власти и управления (не говоря уже о низовых) также трудно считать причастными к осуществлению важнейших политических решений. Напрямую это относится к депутатам различных Советов народных депутатов. Как показала исследования, проводившиеся еще в 70–80 гг. XX столетия, по причинам отсутствия реальных полномочий и формализма лишь незначительная их часть уделяла своим обязанностям достаточное время. Так, из опрошенных в начале 70-х гг. прошлого века 4320 депутатов 41,8% отводили на депутатскую работу в среднем только от 1 до 5 часов в месяц, 29,5% – от 6 до 10 часов. Только 69 человек занимались депутатскими делами более 400 часов в месяц<sup>26</sup>.

Таким образом, не совсем оправданным является расширение границ советского правящего класса и отождествление его с номенклатурой. По различным оценкам, советский правящий класс, включавший незначительный слой высших партийных функционеров, насчитывал не более 2000 человек<sup>27</sup>. При этом в конце 1980-х гг. аппарат ЦК КПСС насчитывал 1940 ответственных и 1275 технических работников<sup>28</sup>. Естественно, что не все они непосредственно участвовали в принятии важнейших управленческих решений. Как правило, за них несли ответственность Политбюро ЦК КПСС, а также Совет Министров СССР. Роль высшего представительного органа отводилась Верховному Совету СССР. Из всех перечисленных выше органов ведущую роль играли именно партийные, опирающиеся на разветвленный партийный аппарат, работники которого и формировали номенклатуру.

В целом ни достаточно широкое, ни ограниченное понимание границ политической элиты не находило поддержки у П.А. Сорокина, отмечавшего, что «верхние этажи здания должны быть пропорциональны его нижним этажам: они не должны быть ни слишком тяжелыми, ни слишком громоздкими <...> если они таковыми становятся, то социальное здание рухнет»<sup>29</sup>.

Он справедливо замечал, что «общество не может существовать благополучно, если его верхний слой составляет, скажем, 50% от всего населения»<sup>30</sup>. Но, критикуя сторонников увеличения количественного состава элиты, он вместе с тем не соглашался с теми авторами, которые



предлагали рассматривать элиту как относительно небольшую в количественном отношении группу. При этом он констатировал, что «очевидно также и то, что все правительство страны со 100-миллионным населением не может состоять из 50 человек». Вследствие этого, по его мнению, для любого процветающего общества существует оптимальная пропорция верхних слоев по отношению ко всему обществу. Отклонение в любую сторону будет нести катастрофические последствия, поскольку способствует либо перепроизводству, либо, наоборот, недопроизводству кандидатов в верхние социальные слои<sup>31</sup>.

Рассматривая вопрос о составе и границах верхнего слоя вообще и политической элиты в частности, П.А.Сорокин пришел к выводу о том, что они подвергаются постоянным изменениям, связанным с приходом в их состав новых лиц, принадлежащих в том числе к средним и нижним слоям. Данные процессы предотвращают развитие внутри общества и элитных групп стагнации и связанных с ней разрушительных и деформирующих тенденций.

В эпохи стабильного развития общества, как правило, наблюдается постепенный характер политической циркуляции. Основными критериями отбора в этом случае являются, по мнению социолога, социальное происхождение, принадлежность к социальным и политическим организациям, прежде всего - политическим партиям. В представлении П.А.Сорокина, в демократических странах, пользуясь этим каналом, сделали себе карьеру большинство тех, кто сумел подняться к вершинам власти. Этот вид деятельности, по его убеждению, сопровождается в большинстве случаев работой в журналистских кругах, а отчасти - в области юриспруденции и науки<sup>32</sup>.

Следует сказать о том, что П.А.Сорокин не был одинок в оценке роли политических партий как одного из каналов рекрутирования политических деятелей в состав элиты. Позднее известный американский социолог Ч.Р.Миллис, развивая эту тему в своем фундаментальном труде «Властвующая элита», даст подробную характеристику двум наиболее часто встречающимся способам «политического восхождения» представителей политической элиты: партийной работе и административной деятельности. При этом и политиков, прошедших школу партийной работы, и руководителей, выдвинувшихся из чиновно-бюрократической среды, Ч.Р.Миллис относил к профессиональным политическим деятелям, считая, что их деятельность проходит в число политической сферы. Политиков-профессионалов он противопоставляет «политическим аутсайдерам» - деятелям, которые большую часть своей жизни провели вне чисто политических организаций и которые - смотря по обстоятельствам - непреднамеренно вовлекаются в них либо попадают туда случайно и на короткое время<sup>33</sup>.

Здесь уместно будет вспомнить состав современной российской политической элиты, большинство представителей которой является профессионалами-практиками, имеющими значительный опыт административной или партийной работы. В последние годы административно-хозяйственная деятельность постепенно становится одним из важнейших каналов, способствующих продвижению политиков в состав элиты. Так, в составе современной российской политической элиты только 14,5 % политиков имеют значительный опыт партийной работы, в то время как 60 % относятся к административно-управленческой прослойке и имеют богатый опыт административной деятельности<sup>34</sup>. На региональном уровне число политиков, пришедших в состав политической элиты после длительной работы на различных административных должностях, значительно выше. В частности, в Саратовской области в 1996 г. в политической элите административно-хозяйственные работники составляли 52,6 %<sup>35</sup>. После выборов в Областную думу, прошедших в 2002 г., и прихода к руководству областью губернатора П.Л.Инатова их численность увеличилась до 66 %<sup>36</sup>.

В целом, как показывает опыт развития различных стран, стабильность не всегда является их неотъемлемым признаком. Зачастую периоды стабильного развития сменяются социальными катаклизмами, такими как войны, революции и великие реформистские движения. Именно в такие периоды, как справедливо отмечал П.А.Сорокин, прежние каналы рекрутирования приходят в упадок и заменяются новыми. Сам состав политической элиты радикально преобразуется, что связано, в первую очередь, с процессами восходящей и нисходящей мобильности, приводящими к уходу прежних политиков и восхождению новых, представляющих различные слои общества, среди которых он называет интеллигенцию, мелких торговцев, фабрично-заводских рабочих и крестьян.

Будучи принципиальным противником радикальных общественных перемен, мыслитель в то же время не только не отрицал, но даже подчеркивал их неизбежность. Однако, по его мнению, необходимо, чтобы они шли в определенном, позитивном направлении. Применительно к политической элите в ряде своих произведений он справедливо писал, что в будущем она «будет нуждаться в том, чтобы каждый научный администратор успешно выполнял задачу интеграции узкого знания во взаимодействие с учеными и мудрецами, и одновременно будет нуждаться также в моральных руководителях, чтобы вести правительство в их служении только к целям добра, а не зла»<sup>37</sup>. Это свидетельствует, на наш взгляд, о желании исследователя интегрировать уже сформировавшиеся к тому времени ценностные и позиционные теории. Однако предпочитая



им попытка синтеза, к сожалению, не получила развития, что, конечно, не уменьшает заслуг автора.

Созданная П.А.Сорокиным теория является несомненным шагом вперед по сравнению с ранними позитивистскими концепциями. Она не только рассмотрела её сущность и роль в обществе, дал подробную характеристику качеств лиц, входящих в состав элиты, но и показал особенности их трансформации в условиях процесса социальной мобильности.

### Примечания

- 1 Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С.56.
- 2 Социологическая мысль в России: Под ред. Б.А. Чагина. Л., 1978. С.18.
- 3 Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избр. соч.: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 1. С. 126.
- 4 См.: Писарев Д.И. Литературная критика: В 3 т. Л., 1981. Т.2. С.22, 32-33.
- 5 Стронин А.И. Политика как наука // Антология политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 4; Новиков Я.А. Сущность прогресса // Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Вып. 3. С. 62-63.
- 6 Стронин А.И. Указ. соч. С.120.
- 7 Там же. С. 120-121
- 8 Новиков Я.А. Сущность прогресса // Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Вып.3. С. 62.
- 9 Новиков Я.А. Социальный дарвинизм // Социология в России XIX-XX веков. История социологии. Социологическое образование: Тексты // Под ред. В.И. Добрецькова. М., 1997. Вып. 11. С.304.
- 10 Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005. С. 282-283, 445.
- 11 Там же. С.279.
- 12 Там же. С. 254-257.
- 13 Там же. С.230-232.

- 14 Там же. С. 418.
- 15 Крыжовникова О.В., Устираницкий Ю.В. Элита и возмездие: путь кверху // Социол. 2002. №4. С. 51.
- 16 Там же.
- 17 Сорокин П.А. Указ. соч. С. 282-283.
- 18 См.: Милле Г. Прямой класс // Социол. 1994. № 10. С. 130; Милле В. Демократия и железный закон олигархии // Диалог. 1991. № 3. С. 45; Парето В. Трактат по общей социологии // Осипова Г.В. Социология Вильфредо Парето. СПб., 2004. С.131.
- 19 Сорокин П.А. Указ. соч. С. 180-186.
- 20 Милле Г. Указ. соч.
- 21 Парето В. Трактат по общей социологии // Осипова Г.В. Социология Вильфредо Парето. СПб., 2004. С. 132.
- 22 Милле Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 23.
- 23 Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 34.
- 24 Там же. С. 153.
- 25 Там же.
- 26 Управление. Социология. Право. М., 1971. С. 181.
- 27 Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу // СПб., 2004. С. 463.
- 28 Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 86.
- 29 Сорокин П.А. Указ. соч. С.182-183.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Сорокин П.А. Указ. соч. С. 449.
- 33 Милле Ч.Р. Указ. соч. С. 312.
- 34 Подсчитано автором по опубликованным биографиям: всего было проанализировано 645 биографий (см.: Коммерсантъ-Власть. 2002. № 7. С. 29-51; Коммерсантъ-Власть. 2004. № 2. С. 59-86; Федеральная и региональная элита России. 2004: Кто есть кто в политике и экономике: Ежегодный биографический справочник // Гл. ред.-сост. А.А. Мухин. М., 2004.
- 35 Саратовские вести. 1996. 26 сент.
- 36 Кто есть кто. 2003. Саратов. 2003. С.4-29; Саратов. 2005. 7 апр.
- 37 См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1993. С. 380.



УДК 316.343.6(470)

## ОСНОВНЫЕ МАРКЕРЫ СТАТУСНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ПЕРЕХОДНЫХ УСЛОВИЯХ (по результатам социологического опроса в Саратовской области)

Н.В. Шахматова

Саратовский государственный университет,  
кафедра прикладной социологии  
E-mail: ShakhmatovaNV@info.sgu.ru

В статье анализируется специфика и процедуры измерения социальной идентификации населения трансформирующегося российского общества на примере Саратовского региона, обозначены критерии выделения среднего класса и дается его характеристика.

### The Main Criteria of Status Differentiation in the Transitional Conditions (on Social Canvass Results in Saratov Region)

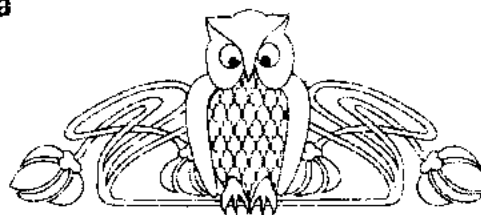
N.V. Shakhmatova

The paper analyzes specific features and survey procedures of social identification of the population of the transforming Russian society (with the Saratov region as an example), criteria of resolving the middle class are proposed. its characteristics are given.

В ходе изучения дифференциации социального пространства региона<sup>1</sup> был выявлен ряд моментов, сходных с общими тенденциями в динамике социальной стратификации в России. Наиболее значимой характеристикой стало то, что более 50% населения региона считает себя средним классом. С другой стороны, уровень и качество жизни населения в регионе обратно пропорциональности удаленности от областного центра. Исследование подтвердило, что (как и во всей России) наиболее острые проблемы социальной сферы переместились в районные центры, ставшие сосредоточием транзитивной многоукладности, а также выявило процессы архаизации в сельской местности.

При этом если во всей России социальная структура имеет пирамидальный характер, то в Саратовской области эта пирамида имеет «приплюснутый» вид, так как только около 8% населения имеют собственное дело, предприятие, ферму. Остальные работают по найму или контракту, имея дополнительные источники доходов в различных формах многослойной занятости. Доходная иерархия не подкрепляется часто свободными средствами и не позволяет населению закрепиться на позициях среднего класса.

В ходе исследования были заложены также статусные маркеры, как характер труда, основной источник дохода, род занятий, материальный уровень, субъективная самоидентификация с социальной группой с одним из слов «сред-



По роду занятий среди опрошенных оказались представители всех основных категорий населения: неквалифицированных рабочих – 14%, квалифицированных рабочих – 19%, наемных сельскохозяйственных работников – 2%, самостоятельных работников в сельском хозяйстве – 1%, предпринимателей (вне сельского хозяйства) – 5%, работников сферы услуг – 6%, служащих без специального образования – 12%, специалистов с дипломом (не занимающих руководящей должности) – 33%, руководителей предприятий, подразделений – 7%, пенсионеров – 10%. У рабочих были выявлены такие маркеры, как отраслевая принадлежность (преимущественно промышленность, сельское хозяйство), невысокий уровень образования (как правило, преобладает среднее специальное), профессионально-должностные позиции (отнесение себя к лицам рабочих профессий), и т.д.

В качестве другого критерия выступал **характер труда**. При этом самой значительной группой оказались наемные рабочие (почти 43% опрошенных). Причем чем меньше поселение, тем больше доля этой категории работников. На втором месте – контрактные работники (почти 32%). Причем они примерно одинаково распределены между областным центром, районными центрами и селами. Владельцев и совладельцев предприятий оказалось чуть более 8% опрошенных, сосредоточенных прямо пропорционально величине поселений.

Третьим традиционно жестким критерием статусных позиций выступал **источник дохода**. Результаты опроса показывают, что почти 63% населения живет на заработную плату. Поэтому объективно более 70% опрошенных можно отнести к категории наемных и контрактных работников. На втором месте по значимости – социальные пособия. На них живет почти каждый пятый опрошенный житель области<sup>2</sup>. Около 5% людей не имеют какого-либо постоянного дохода. Именно они указали на то, что в настоящее время нет группы, к которой они могли бы себя отнести. Можно предположить, что здесь имеет место условно называемая маргинализация населения, обратная пропорциональная величина населения пункта, что безусловно можно определить как



новое исследовательское поле для социологов, занимающихся проблемами дифференциации и социальной стратификации.

В повседневном сознании россиян стали привычными такие понятия, как «средний класс», «элитный слой общества», «элита и т.п. Термин «класс» здесь выступает как метафорический синоним термина «слой» и является результирующей в «взаимодействиях таких критериев, как деньги, власть, культура, личностные характеристики, работа, образование и т.д. В действительности средний класс определяется не сам по себе. На интуитивном уровне существуют образы социальных слоев и им соответствует некоторое содержание, как правило, достаточно размытое. Однако без учета самоопределения населения представить социальную структуру региона не представляется возможным. Исходя из этого, встает необходимость на базе результатов проведенного эмпирического исследования уловить, какой именно смысл вкладывают люди в понятия «среднего» или «высшего» социального слоя и по каким причинам они относят себя к тому или иному общественному слою.

Идентификационный тест со слоем показал, что 50,1% респондентов относят себя к среднему социальному слою, 14,4% ассоциируют свое положение с высшим слоем, 6,9% нашли свое место между средним и высшим слоем, между средним и средним идентифицировались 5,4%, к высшему слою отнесли себя 2,1%, элитой считают себя 0,5%. Иными словами, считают себя принадлежащим к слоям выше среднего около 8 %.

В ходе анализа<sup>3</sup>, с целью упрощения вычислительных операций и разработки логически убедительных наборов признаков того или иного слоя, из 1268 элементов информационной базы было отобрано около 216 переменных, которые были вновь «просеяны» логически и статистически по критерию значимости как характеристики слоя. В результате двух действий были получены 10 основных категорий из 78 переменных:

- 1) **ценность работы** (7 переменных из вопроса «Какое значение для вас в жизни имеет работа?»);
- 2) **образование** (4 переменные: «Какое общее образование вы получили?», «Какое профессиональное образование вы получили?», «Дополнительная профессиональная подготовка» и «Работаете ли вы по специальности, которую вы приобрели во время учебы?»);
- 3) **изменения в уровне жизни** (9 переменных из вопроса «Что и в какой степени, по вашему мнению, изменилось за последний год в уровне вашей жизни?»);
- 4) **причины обогащения** (9 переменных из вопроса «Сейчас появилось много богатых людей, предпринимателей, банкиров, управляющих и т.д. Что, на ваш взгляд, помогло им разбогатеть?»);

5) **причины обезбедения** (10 переменных из вопроса «В настоящее время значительная часть населения стала бедной. Чем, по вашему мнению, это вызвано?»);

6) **причины разделения среди людей** (9 переменных из вопроса «Как вы считаете, что и в какой степени определяет деление людей на различные социальные группы?»);

7) **влияние** (3 переменных из вопроса «Какое влияние, по Вашему мнению, вы можете оказать на...?»);

8) **удовлетворенность** (3 переменные: «Удовлетворены ли вы своей профессией?», «Удовлетворены ли вы своей должностью?» и «В какой степени вы в целом удовлетворены своей работой?»);

9) **характеристики своего социального слоя** («К какому социальному слою Вы отнесли бы себя в настоящее время?» и 14 переменных из вопроса «Как бы вы описали человека, принадлежащего к вашему... слою?»);

10) **материальный уровень** (9 переменных: «Изменилось ли за последние 5 лет ваше материальное положение?», «Как вы определите состояние вашего семейного бюджета в среднем в течение года?», «Насколько вы удовлетворены своим материальным положением?» и 6 переменных из вопроса «Укажите, пожалуйста, виды имеющихся у вас доходов»).

Одномерный дисперсионный анализ и Т-тест в совокупности с методом послэксperimentalного сравнения Стьюдента - Ньюмана - Кулса, а также последующий двухмерный дисперсионный анализ показали, что по совокупности 10 групп признаков (78 переменных) можно четко выделить в социальном расслоении региона три различных статистически обоснованных класса: низший, средний и высший. Одномерный дисперсионный анализ показал, что статистически значимыми для выявления различий между слоями оказались 45 из 78 переменных (58%).

Отметим в качестве замечания, что в целом существуют 720 возможных различных вариантов ответов для 6 слоев самоидентификации. Двадцать четыре из них демонстрируют «работающие» критерии стратификации. В соответствии с этим при случайном распределении можно было ожидать 24/720, или 3% статистически значимых переменных для подтверждения обоснованности используемых критериев. Однако расчеты доказывают, что полученная степень значимости критериев в данном исследовании составляет 91%. Таким образом, этот результат доказывает отсутствие случайности в распределении соотношения данных слоев.

Так, например, если взять средние значения динамики уровня материального благосостояния семьи за последний на момент опроса год, то у представителей элитного, высшего слоев, а также тех, кто расположил себя между высшим и





средним слоями, эти показатели близки (табл. 1). Условно их можно сгруппировать и отнести к элитному слою, присвоив им первый порядковый номер. Близкие показатели у тех, кто охарактеризовал себя как средний слой или обозначив свою позицию между средним и высшим, позволяют отнести их к среднему классу и присвоить им второй порядковый номер. Четко отличается величина показателя тех, кто отнес себя к нижнему слою, это позволяет присвоить им третий порядковый номер (см. табл. 1). Иными словами, здесь мы имеем дело не только с субъективным мнением респондентов, но и с реальной результирующей процесса дифференциации населения региона.

Данные, приведенные в табл. 1, прямо подтверждают, что 1, 2 и 3-й классы самоидентификаций должны быть объединены в одну

обособленную первую (элитную) группу, 4-й и 5-й классы – в другую (среднюю), а третья группа (6-й класс) отличается от первых двух и может быть отнесена к нижнему слою. Группа 1 оказывается на самом вершине социальной лестницы (самые высокие значения средних величин), группа 3 – «на дне» (самые низкие значения средних величин) и группа 2 (средние значения) оказывается «середнячком», находящимся между первыми группами. Интересно отметить, что 3-й класс (между высшим и средним) по многим признакам ближе к первой группе, а 4-й (средний) и 5-й (между средним и нижним) классы объединяются. Этот вывод был подтвержден результатами проведенного одномерного дисперсионного анализа [ $F(5,842) = 25,95$ ;  $\text{знч.} < 0,001$ ], четко определившего границы трех статистически значимых классов.

Таблица 1

Средние значения для характеристики признаков слоя в зависимости от динамики уровня жизни семьи за последний на момент опроса год

| № | Слой (класс)           | Среднее значение | Группа |
|---|------------------------|------------------|--------|
| 1 | Элита                  | 3,17             | 1      |
| 2 | Высший                 | 3,23             | 1      |
| 3 | Между высшим и средним | 3,06             | 1      |
| 4 | Средний                | 2,22             | 2      |
| 5 | Между средним и нижшим | 2,30             | 2      |
| 6 | Нижний                 | 1,51             | 3      |

Аналогичная операция, проведенная по другому признаку – факторам, способствующим обогащению в современной России (табл. 2), также подтвердила наличие четких границ между нижним (14,4%), средним (57,6%) и верхним классом (слоем) – 8% опрошенных. Это совпадает с данными других социологов, определяющих

количественные параметры доли населения, идентифицирующего себя со средним классом. В 1991 г. так самоидентифицировали себя 18% респондентов, в 1996 году – 39%, в 1997 г. – 38%, а в 1998 г. – 42%<sup>1</sup>. По другим данным, доля лиц, отнесших себя к среднему классу, увеличилась с 22% в 1999 г. до 43% в феврале 2004<sup>2</sup>.

Таблица 2

Средние значения для характеристики признаков слоя в зависимости от значимости факторов, способствующих обогащению населения

| № | Слой (класс)           | Среднее значение | Группа |
|---|------------------------|------------------|--------|
| 1 | Элита                  | 4,00             | 1      |
| 2 | Высший                 | 4,32             | 1      |
| 3 | Между высшим и средним | 4,12             | 1      |
| 4 | Средний                | 3,87             | 2      |
| 5 | Между средним и нижним | 3,95             | 2      |
| 6 | Нижний                 | 3,43             | 3      |

Однако 20% респондентов указали на то, что не принадлежат ни к какому социальному слою, что свидетельствует о необходимости постановки новых исследовательских вопросов. Возможно, речь идет о маргинализиции населения.

Однофакторный дисперсионный анализ частных переменных, структурированных и

применительно к различным слоям (по методу Стьюдента-Ньюмена-Кудса), показал, что в 43 из 53 характеристик 1-я и 2-я категории респондентов (элита и высший слой) при ранжировании следовали одна за другой, т.е. имели значительное сходство между собой. В 42 из 53 переменных 4-я и 5-я категории (средний слой, между



средним и низшим) также располагаются рядом. 3-я категория респондентов (между высшим и средним) выказала некоторую неустойчивость. Она много раз появлялась в середине классификационного ряда, то устремляясь к нижнему, высшему слою, то располагаясь ближе к среднему. Таким образом, члены основных двух категорий высшего слоя отличаются похожим поведением, сходными представлениями. Представители основных двух категорий среднего слоя также ведут себя сходным образом. Анализ сложных комбинированных критериев также показал, что в 8-и из 9-и аналитических процедур 4-я и 3-я категории среднего слоя были соотносены друг с другом, а 1-я и 2-я категории высшего слоя были расположены рядом во всех 9-и анализах. Это доказывает эффективность выявленных комбинированных критериев как инструментов статусной дифференциации населения региона.

Статистический анализ подтвердил, что большинство из выделенных слоеобразующих наборов признаков в действительности выступают как основные критерии, формирующие стратификационную структуру населения региона. Так, например, характеристика своей работы разными слоями населения (табл. 3) показывает, что большинство расценивают свою работу в основном как

источник получения средств к существованию. Однако если доля таких в высшем слое почти 49% (то же значение, чем в среднем по массе – 61%), то в среднем и низших больше (67%), чем в среднем по выборке. Среди высшего слоя – самая высокая доля тех, для кого работа – это возможность проявить себя, осуществить свои планы – 48,5% (в среднем по массе – 25%) а также тех, кто ценит работу саму по себе – 28% (в среднем по массе – 19%).

Средний класс больше других ценит свою работу за возможность общения. Так указали 36,5 % (в среднем по массе – 30%). Чуть больше других (но меньше, чем элита) средний класс ценит работу саму по себе как возможность получения общественной поддержки, одобрения, возможности проявить себя, осуществить свои планы, как источник получения средств к существованию, считая, что работа – дело важное, но есть вещи более интересные. Для низшего класса характерны вынужденная занятость, более низкие (ниже чем у рассмотренных слоев и ниже, чем в среднем по массе данных) оценки работы практически по всем критериям. Особенно велик разрыв в оценках работы с позиций общения (23:30) и реализации жизненных планов (10:25), других интересов (8:15) (см. табл. 3).

Таблица 3

Характеристики работы в % к опрошенным по слою

| Социальный слой      | Ценит саму по себе, независимо от оплаты | Дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше | Источник получения средств к существованию | Непримная обязанность, если бы мог, не работал | Возможность общения | Возможность получения общественной поддержки, одобрения | Возможность проявить себя, осуществить свои планы |
|----------------------|--|---|--|--|---------------------|---|---|
| Высший               | 27,72                                    | 18,81   | 48,51                                      | 4,95   | 25,74               | 10,89   | 48,51   |
| Средний              | 21,50                                    | 18,59   | 66,71                                      | 5,13   | 36,48               | 9,15  | 26,91   |
| Низший               | 11,67                                    | 8,33  | 57,22                                      | 8,89   | 22,78               | 4,44  | 10,00   |
| Маргинальный         | 11,95                                    | 9,96  | 52,59                                      | 9,16   | 19,92               | 4,78  | 20,32   |
| В среднем по выборке | 18,68                                    | 15,40   | 61,05                                      | 6,46   | 30,33               | 7,74  | 24,90   |

Данные табл. 4 показывают уровень потенциальной и реальной многослойной занятости, уровень трудовой мобильности различных социальных слоев. При этом чем выше слой в социальной иерархии, тем выше уровень реальной вторичной занятости и тем ниже уровень трудовой мобильности.

Место проживания и тип территориальной общности традиционно считается значимым фактором социального структурирования общества. Однако, как показало исследование (табл. 5), эти параметры сегодня приобрели ярковыраженный статусный характер, что позволяет

характеризовать место проживания в качестве одного из наиболее значимых критериев социальной стратификации социума. При этом чем меньше населенный пункт, тем меньше в нем жителей, считающих себя средним слоем, а также тех, кто располагает себя между средним и низшим слоями. Одновременно чем меньше населенный пункт, тем больше в нем жителей, считающих себя низшим слоем, а также маргиналов (тех, кто не причисляет себя ни к какому слою). Больше всего себя позиционируют как низший слой жители села, где таковым себя считает каждый третий опрошенный.



Таблица 4

Вторичная занятость среди различных социальных слоев населения по уровню прихода домохозяйств, %

| Социальный слой      | Уровень дохода домохозяйства (тысячи руб.) |         |        | Итого  |
|----------------------|--|---------|--------|--------|
|                      | Высший                                     | Средний | Низший |        |
| Высший               | 33,33                                      | 18,57   | 58,10  | 100,00 |
| Средний              | 20,54                                      | 18,39   | 49,58  | 100,00 |
| Низший               | 15,45                                      | 30,49   | 41,34  | 100,00 |
| Маргинальный         | 20,27                                      | 31,97   | 52,25  | 100,00 |
| В среднем по выборке | 20,77                                      | 28,64   | 50,59  | 100,00 |

Таблица 5

Распределение социальных слоев по населенным пунктам региона в зависимости от типа населенного пункта, %

| Социальный слой      | Населенный пункт |                |        | Всего  |
|----------------------|------------------|----------------|--------|--------|
|                      | областной город  | районный центр | село   |        |
| Высший               | 9,28             | 7,83           | 5,26   | 8,07   |
| Средний              | 64,46            | 55,58          | 47,37  | 57,63  |
| Низший               | 11,67            | 15,15          | 16,84  | 14,23  |
| Маргинальный         | 14,59            | 21,44          | 30,53  | 20,06  |
| Итого                | 100,00           | 100,00         | 100,00 | 100,00 |
| В среднем по выборке | 30,14            | 62,27          | 7,59   | 100,00 |

Важными критериями социальной стратификации выступают оценки респондентами изменений материального положения своей семьи, соотношения получаемых доходов и роста цен, экономической ситуации в районе или городе респондента, представления респондентов о «нормальном» уровне месячного душевого дохода, а также виды имеющейся собственности. Критерии имущественной обеспеченности (табл. 6) показывают, что из длинного списка собственности, характеризующего имущественную сторону уровня жизни людей, значимыми для самоидентификации в системе социальных слоев оказываются: собственное предприятие, магазин (палатка), акции и ценные бумаги. Их наличие позволяет людям соотносить себя с высшим классом.

Наличие комбинация: квартира, дача, своя квартира, большой участок земли, машина, собственный дом, акции – позволяют людям относить себя к среднему классу. Эти виды собственности выступают как признаки принадлежности к среднему классу жизни. Их наличие, особенно в совокупности, является важным критерием для самооценки своей жизни. В среднем по выборке 30,14% опрошенных имеют хотя бы один из этих признаков, позволяющих отнести себя к среднему классу. Среди маргиналов и низших слоев населения наиболее значимыми признаками являются: наличие собственного предприятия, акции и ценные бумаги. Их наличие позволяет людям относить себя к высшему классу.

тификации себя со средним классом, похоже, менее значимы. Это далеко не все характеристики автопортрета среднего класса по выделенному комплексу критериев. Более полное описание составляет дальнейшее поле исследовательской деятельности.

Отсутствие почти всего из списка материальных благ дает основания населению идентифицировать себя с низшим или маргинальным слоем. Единственное, что имеют некоторые из них – это дом и приусадебный участок (дачу), которые помогают им в стратегии выживания.

Ничего более четко прослеживается влияние на социальную стратификацию в регионе характере изменений материального положения населения за пять лет (табл. 7).

Большинство тех, кто приложил себя в элите, зафиксировали стабильное повышение своего материального уровня. Пособожье среднего класса или ухудшилось, или осталось без изменений. Для маргинального слоя наиболее характерно, что почти 70% людей отметили изменение своего материального положения. Яркой чертой маргиналов является ухудшение своего положения.

Среди тех, кто в течение пяти лет находился в среднем слое социальной стратификации, 50% отметили, что их материальное положение улучшилось, 30% отметили, что оно ухудшилось, а 20% отметили, что оно осталось без изменений. Среди маргиналов 70% отметили, что их материальное положение ухудшилось, 20% отметили, что оно осталось без изменений, а 10% отметили, что оно улучшилось.



Таблица 6

Виды собственности различных социальных слоев, %

| Вид собственности   | Социальные слои |         |        |              | Всего  | В среднем по выборке |
|---|-----------------|---------|--------|--------------|--------|----------------------|
|   | Высший          | Средний | Низший | Маргинальный |        |                      |
| Дом (собственный)   | 12,37           | 50,26   | 16,75  | 20,62        | 100,00 | 30,97                |
| Дача (с участком)   | 13,27           | 61,95   | 11,80  | 12,98        | 100,00 | 27,06                |
| Квартира (приватизированная)  | 10,38           | 61,59   | 12,80  | 15,22        | 100,00 | 46,13                |
| Небольшой участок земли, огород, сад (до 15 соток)                  | 9,94            | 54,66   | 14,29  | 21,12        | 100,00 | 25,70                |
| Автомобиль легковой   | 12,01           | 65,72   | 9,39   | 12,88        | 100,00 | 36,55                |
| Большой участок земли под сельскохозяйственные работы (от 15 соток) | 11,54           | 57,69   | 11,54  | 19,23        | 100,00 | 2,08                 |
| Предприятие (мастерская, завод, фабрика и т. п.)                    | 60,00           | 35,00   | 0,00   | 5,00         | 100,00 | 1,60                 |
| Магазин (палатка, ларек)  | 38,10           | 57,14   | 0,00   | 4,76         | 100,00 | 3,35                 |
| Ферма, скот   | 12,00           | 72,00   | 8,00   | 8,00         | 100,00 | 3,99                 |
| Технические средства и механизмы (трактор, сеялка, и т. п.)         | 18,92           | 59,46   | 10,81  | 10,81        | 100,00 | 2,95                 |
| Акции, ценные бумаги  | 45,28           | 50,94   | 0,00   | 3,77         | 100,00 | 4,23                 |
| Ничем не владею   | 4,57            | 56,16   | 11,87  | 27,40        | 100,00 | 17,48                |
| В среднем по выборке  | 8,06            | 57,54   | 14,37  | 20,03        | 100,00 | 100,00               |

Таблица 7

Изменение материального положения социальных слоев в течение последних 5 лет по слоевой принадлежности, %

| Социальный слой      | Характер изменения материального положения |                        |            | Итого  |
|----------------------|--|------------------------|------------|--------|
|                      | улучшилось                                 | осталось без изменений | ухудшилось |        |
| Высший               | 65,59                                      | 23,66                  | 10,75      | 100,00 |
| Средний              | 42,43                                      | 44,32                  | 13,25      | 100,00 |
| Низший               | 12,88                                      | 39,88                  | 47,24      | 100,00 |
| Маргинальный         | 20,62                                      | 50,00                  | 29,38      | 100,00 |
| В среднем по выборке | 36,07                                      | 42,99                  | 21,03      | 100,00 |

на четвертом – незаконность действий (0,34), на пятом – образование (0,32), на шестом – профессия (0,31), а далее соответственно – происхождение (0,28), национальность (0,23) и талант (0,20). Таким образом роль приписанных статусных позиций для респондентов оказалась незначи-

тельной, а на первое место вышло отношение к власти. Выдвижение в повседневном мышлении на первое место маркера власти стало отражением усиления роли «административного ресурса» при решении многих злободневных проблем. В то же время другие критерии (образование, про-



фессия, способности, происхождение) оказались в поле неопределенности и, видимо, напрямую не связываются с достижениями высокого положения в обществе. Например, профессиональные характеристики оказались наиболее значимыми для слоев, формирующихся из определенных профессиональных групп – среднего слоя и рабочего класса, а для нижнего слоя более существенным становится критерий отсутствия частной собственности и низкие потребительские возможности. Безусловно, все это последствия неустойчивого социально-экономического положения в стране в целом, а также низкого уровня адаптационных возможностей большинства населения, особенно в малых городах и селах.

#### Примечания

<sup>1</sup> С этой целью проведен опрос сотрудниками ЦРСИ преподавателями и студентами социологического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского в июле – августе

2004 г. Выборочная совокупность исследования составила 1268 респондентов в Саратове, Энгельсе, а также в наиболее типичных районах – Цетраевском, Краснокутском, Красноармейском, Пулаевском, что позволило экстраполировать полученные данные на уровень Саратовского региона.

<sup>2</sup> При таком положении каждый второй отнесет себя к среднему слою. Это противоречие объективных критериев и субъективных маркеров самоидентификации населения Саратовской области заставляет обратить на себя особое внимание.

<sup>3</sup> В статистическом анализе активное участие принимал Стив Бибер (Stephen Bieber), профессор, декан статистического факультета университета штата Вайоминг (США).

<sup>4</sup> *Хахулина Л. А.* Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения. 1999. №2 (40). С. 26.

<sup>5</sup> *Климова С.* Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации // <http://www.fom.ru>

# ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.01

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

В.М. Долгов

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: fgsln@info.sgu.ru

В статье рассматривается почти 15-летний процесс становления политической науки в Саратовском регионе. Раскрываются общероссийские и региональные проблемы формирования этой новой обществоведческой дисциплины, научные и организационные особенности г. Саратова, одного из центров российской политологии.

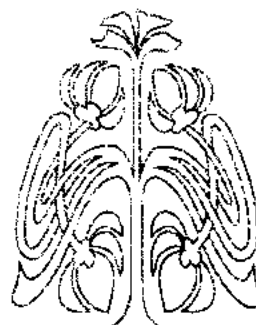
**The political science in Saratov region**

V.M. Dolgov

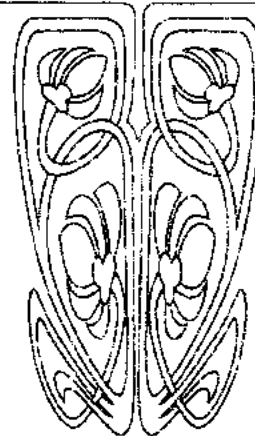
The article considers the problem of political science in Saratov. A various problems of foundation of this new social science in the region were uncovered. Scientific and organization peculiarities of Saratov, one of the Russian centers of politology were also reflected in the article.

Политическая наука начиналась в Саратове, как и в других провинциальных научных центрах, с рубежа 1980–90-х гг. и практически с «нуля». Ни одного профессионального политолога, естественно, в городе не было. Отдельные ученые-обществоведы имели небольшую практику знакомства с трудами, эпизодического использования их в собственных исследованиях. Среди них – философ А.И. Демидов, выпустивший книгу «Политическая деятельность» в 1987 г., историк В.Д. Полищук, исследовавший немарксистские концепции по аграрному вопросу, социолог С.И. Барзилов, защитивший докторскую диссертацию по проблемам взаимодействия социальной и политической систем современного общества. Политическую тематику в той или иной степени разрабатывали юристы В.Т. Кабышев, П.И. Магузов, А.В. Малько, В.Н. Синюков, историки А.Ф. Бичехвост, Ю.Г. Голуб, В.М. Долгов, В.А. Динес, А.А. Кредер, Ю.П. Суслов, философы Г.В. Дыльнов, Н.Г. Козин. Наличие этой группы ученых отражало такую особенность вузов Саратова как богатые традиции исторической, юридической, философской наук, вообще сильное обществоведческое направление, в рамках которого протекало эффективное научное общение, разрабатывались комплексные проблемы теории и общественной практики. Так, один из лидеров саратовского обществоведения 1970–80-х гг. В.Б. Островский успешно занимался историческими, экономическими, социологическими исследованиями. Именно сильная обществоведческая база определила потенциальные возможности развития в Саратове новой науки – политологии.

Серьезной трудностью на пути политической науки было и определенное предубеждение против нее, как и против других общественных наук, сформировавшееся за перестроечные годы у преподавателей-естественников. Многие из них считали, что отрицать прежние науки об обществе целесообразно вводить новые, что для подготовки специалистов достаточно преподавания узкопрофессиональных предметов, а социально-политические знания необходимы. Даже после официального утверждения политологии в системе научных специальностей в 1988 г.<sup>1</sup> и введения ее как учебной дисциплины в структуру вузов-



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





кого образования к 1990 г. распространение ее в саратовских вузах проходило достаточно трудно. Конечно, сказывалось отсутствие подготовленных преподавателей, хороших учебников и учебных программ. Тем не менее определенная работа по распространению политологии в отдельных вузах была проделана уже в 1991–1993 гг. на общей волне гуманитаризации высшего образования.

В этот период вся политологическая работа обеспечивалась интересом и активностью энтузиастов. В вузах вводились спецкурсы по политологии, на историческом факультете госуниверситета с 1992 г. началась политологическая специализация. В том же году учебный курс политологии стал читаться в техникуме транспортного строительства. Новые проблемы, темы, понятия увлекали и преподавателей и студентов, хотя преподаваемый материал имел немного общего с настоящей политической наукой и представлял собой некую компиляцию старых и новых обществоведческих знаний. Какого-либо организованного начала в масштабе города и области этот процесс не имеет, в каждом вузе он протекал своим путем.

Пожалуй, наиболее активно политология распространялась в СГУ. Осенью 1991 г. здесь появилась кафедра политических наук, сосредоточившая преподавание политической истории, политологии и права. В 1992 г. из нее выделилась кафедра политологии и права (зав. кафедрой профессор В. И. Дорофеев), которая самостоятельно существовала два года. Несколько преподавателей университета прошли политологические курсы (В.М. Долгов в МГУ в 1991 г., А.А. Вилков, В.А. Дубровский в РГГУ в 1992 г.), началась методическая работа, на кафедре политических наук была организована секция политологии под руководством профессора В.М. Долгова, в рамках которой разрабатывался курс лекций по политологии<sup>2</sup>, были подотозваны и изданы два выпуска хрестоматии к курсу «Основы политологии» (объемом 14 п.л.), осуществлялась переориентация с исторических на политологические научные исследования. В конце 1993 г. университет подал документы в ВАК РФ на открытие диссертационного совета с двумя специальностями: 07.00.01 – история общественных движений и политических партий (по историческим наукам) и 23.00.02 – политические институты и процессы. В феврале 1994 г. Приказом ВАК такой совет кандидатского уровня был открыт на базе кафедры политических наук.

Этот совет, в котором преобладали ученые-историки, действовал два года, явившись своего рода переходом от партийной истории к политической науке и той научной структурой, где политология получила сильные стимулы и авторитетную поддержку. В некотором смысле открытие совета по политологической специальности оказалось итогом всей работы, проделанной в 1991–93 гг.

Если попытаться как-то систематизировать хронологиче развитие политологии в Саратове, то вторым периодом можно назвать 1994–96 годы. В

этот период происходило последовательное структурирование процесса внедрения политологии в саратовское общество.

Принципиальное место в этом процессе занимал, конечно, диссертационный совет. Он объединил ученых, докторов наук из восьми вузов, тяготеющих к политической науке. Совет во многом стал организующим ядром политологии в г. Саратове, одновременно представляя собой и дискуссионный политический клуб, и гарант легитимности, серьезности новой науки, и центр подготовки кадров, и средство распространения научных знаний в сфере политической науки и самой политики. Глубокие научные размышления на заседаниях совета дополнялись эмоциональными выступлениями на злобу дня и политизированными оценками. Однако рамки научной этики ни разу не были нарушены, даже в самых жарких спорах совет сохранял лицо научной структуры. Помощь московских политологов позволила создать диссертационный совет в Саратовском университете при зачаточном состоянии политической науки и без единого «остепененного» политолога. Во-первых, эта помощь реализовывалась в рациональном управленческом подходе тогдашнего зам. начальника (а затем начальника) управления ВАК по социально-гуманитарным наукам Югодина, точно рассчитавшего политологический потенциал саратовских обществоведов. Во-вторых, в товарищеской поддержке, глубоком понимании смысла и процесса становления новой науки в России, которое без участия провинции невозможно, проявленных известными учеными, стоящими у истоков российской политологии, Р.Ф. Матвеевым и Я.А. Пляйсом. Оба они (сначала Р.Ф. Матвеев, чуть позже – Я.А. Пляйс) вошли в состав совета и все годы его функционирования работают в нем очень эффективно. Их участие стало принципиальным фактором открытия и последующих переутверждений совета, их положение в совете («опцами-основателями» и опекунами дуэтом) весьма ответственно и значимо уже многие годы.

Второй важной структурой явился лицей гуманитарных наук, открытый в 1995 г. Его оригинальность с самого начала состояла в том, что он был организован совместными усилиями кафедры политических наук СГУ и управления образования г. Саратова. ЛГН оказался первым в городе средним учебным заведением гуманитарного профиля, причем из трех нынешних его отделений первым было создано социально-политическое отделение. Тесные связи лицея с кафедрой политологии и факультетом гуманитарных и социальных наук поддерживаются и через специально разработанные учебные программы и планы, и через преподавательскую деятельность в лицее сотрудников кафедры, и через управленческий механизм: ЛГН является лицеем при СГУ, его директор О.В. Су-розова – докторант кафедры политических наук один из завучей, И.А. Кичаньева – доцент, все дел







Проводимая им ежегодная научная конференция школьников «Политика вокруг нас» вышла на межрегиональный уровень и приобрела широкую популярность: в 2000–2005 гг. в ней участвовали по 200–250 старшеклассников из городов и районов области: Москвы, Самары, Ульяновска. Большое количество школьников приобщилось к проблематике новейшего аппарата политической науки. На пяти курсах специальности «политология» обучается сейчас 130 студентов, ежегодный конкурс абитуриентов составляет 3–3,5 человека на место, действует заочное отделение. Сформировался стабильный интерес в обществе к данной специальности. Во всех вузах города появились кафедры с политическим уклоном: в техническом университете – политологии и социологии, в аграрном – политологии, истории и культурологии, в социально-экономическом – философии и политологии, в Академии права – политических наук, в Академии госслужбы – истории и политологии. Круг преподавателей политологии расширился. Это дало основание открыть отделение политологии в Институте дополнительного профессионального образования СГУ и обеспечивать повышение квалификации вузовских преподавателей.

Значительно активизировались и стали привычными политологические научные исследования, повысилась их качественный и формальный уровень. В диссертационном совете успешно были защищены более 50 кандидатских и докторских диссертаций (А.А. Вилковым – «Менталитет крестьянства и российский политический процесс», науч. консультант – проф. В.М. Долгов, 1999 г.; А.Г. Чернышовым – «Регион в системе политических отношений российского общества», науч. консультант – проф. С.И. Барзилов, 2000 г.; Н.И. Шестовым – «Социально-политический миф: теоретико-методологические проблемы», науч. консультант – проф. А.Н. Демидов, 2002 г.), В.С. Слобожниковой – «Политическая мысль России 30–40 гг. XIX века», науч. консультант – проф. В.М. Долгов), близки к завершению еще 3–4 докторские работы. Сложилась группа ученых-политологов, условно говоря, второго поколения. Они защитили диссертации, издали монографии и продолжают научные исследования в спектре политологической тематики. Это – А.А. Вилков, А.Н. Николаев, О.Ю. Рыбаков, В.С. Слобожникова, А.Г. Чернышов, Н.И. Шестов, О.Н. Фомин, Т.Н. Митрохина и др. Рядом с ними активно занимаются наукой большая группа молодых кандидатов и соискателей степени кандидатов политических наук, среди которых немало талантливых ученых, способных в ближайшие 3–5 лет выйти на уровень докторского исследования.

Важной характеристикой развития политологии за последние годы стало расширение научной тематики, приближение ее к общественным актуальностям. Активно разрабатываются такие направления, как теория и практика местного самоуправления, федерализм, региональные

развитие в России, история политической мысли, различные аспекты становления гражданского общества в России, политическое участие, избирательные технологии и выборный процесс в России. Более частный характер носили исследования политической культуры, политической мифологии, этнологии, экологической, образовательной, правовой политики. Получают развитие исследования сравнительного характера. Перспективным научным направлением, оформившимся благодаря ярким научным исследованиям кафедры, является партология регионального, федерального и даже межгосударственного уровня. Получают признания исследования в области политических идеологий. Все эти направления подкрепляются изданиями монографий, сборников научных статей. За четыре последних года саратовскими учеными издано 15 монографий, около 10 сборников статей политологического содержания.

Новый масштаб проводимых исследований, накопление научного потенциала позволили саратовским политологам проводить мероприятия, выходящие за рамки лишь регионального значения. Так, в октябре 1997 г. на базе СГУ было проведено выездное заседание экспертного совета ВАК России по политологическим наукам с участием редакции журнала «Власть»<sup>5</sup>. В сентябре 1998 г. при активном участии саратовских политологов, историков и сотрудников Центра цивилизационных и региональных исследований РАН состоялась международная научная конференция по проблемам регионального развития в современной России<sup>6</sup>. Материалы конференции вызвали большой интерес у обществоведов России. В августе 1999 г. в Саратове был проведен очередной научный семинар Московского общественного научного фонда (МОНФ) при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта на тему: «Регион как субъект политики и общественных отношений», по материалам которого МОНФ выпустил сборник. И на семинаре и среди авторов сборника саратовцы были достаточно широко представлены. Международные и всероссийские научные мероприятия, проводимые коллективом кафедры политических наук и на её научной базе, тематически разнообразны и многочисленны. Можно вспомнить лишь наиболее значимые, например, такие, как Всероссийская научно-практическая конференция «Мифология политической власти», 18–19 ноября 2002 г.; Всероссийская научная конференция «Электоральные процессы и формирование политической власти в современной России: региональная практика», 23–25 декабря 2002 г.; Международная научная конференция «Психология политической власти», 20–23 апреля 2003 г., научный семинар «Теоретические аспекты проблем многопартийности как фактора становления гражданского общества в России», 17–19 июня 2004 г. То же можно сказать и об участии в общих конгрессах политологов России, где саратовская делегация была одной из наиболее представительных региональных групп.



В работе I Всероссийского конгресса политологов (1997 г.) участвовало 7, а в работе II конгресса (2000 г.) – 9 саратовцев. В работе III Всероссийского форума политологов только от кафедры политических наук СГУ приняло участие четыре преподавателя. Вообще, научные контакты саратовских политологов осуществляются сегодня со многими российскими регионами, хотя главное научное тяготение наших ученых все-таки к столичному научному центру.

Большую основательность приобрела и учебно-методическая работа политологов в саратовских вузах, особенно в СГУ и СГАП. В СГУ интенсивно занимались подготовкой новых курсов, ранее никогда не читавшихся в Саратове, для обеспечения учебного процесса по специальности, выпустили более десяти учебных пособий<sup>7</sup>, а также много другой методической литературы, рассчитанной, главным образом, на студентов и аспирантов. Большую пользу в преподавании различных курсов принесли учебно-методические пособия Р.Ф. Матвеева<sup>8</sup> и Я.А. Пляйса<sup>9</sup>, широко используемые политологами СГУ. В Академии права шла подготовка к открытию специальности «Политология» с юридическим уклоном, готовились новые учебные курсы. К данной работе были привлечены ученые-юристы. В результате был подготовлен и издан в Москве оригинальный учебник «Политология для юристов» (1999 г., 48,5 п.л.). Несколько учебников и пособий было написано совместно учеными СГУ и СГАП<sup>10</sup>. Подобное сотрудничество симптоматично, оно подчеркивает момент единения политологов разных вузов города. В 2001 г. в СГАП открылся набор на специальность «Политология». Третий саратовский мини-центр политологии действует в социально-экономическом университете. Усилиями профессоров А.Н. Николаева, Н.Г. Козина здесь поддерживается аспирантура, выпускаются учебные материалы по политологии<sup>11</sup>. В 2004 г. Поволжская академия государственной службы присоединилась к процессу подготовки специалистов-политологов и открыла диссертационный совет соответствующей научной направленности.

Все это, вместе взятое, красноречиво свидетельствует о том, что политология, новое научное направление и новая учебная дисциплина, в Саратове функционирует и развивается. За прошедшие годы в нашем городе сложился один из провинциальных центров политической науки, база для самостоятельной научной школы. Этот факт неоднократно отмечался и руководством ВАК России<sup>12</sup>.

Конечно, у саратовской политологии много проблем, но все они теперь являются проблемами дальнейшего развития наук. Необходимо более активное участие в теоретическом обогащении отечественной политологии: углубление и

расширение масштаба исследований реальных политических процессов в России, особенно на региональном уровне; усиление научного влияния на политическую власть и гражданское общество, на деятельность партий и общественных организаций, т.е. развитие прикладного характера политологии; расширение научных контактов в России и с зарубежными научными центрами. В настоящее время развитие всех этих направлений реально, ибо процесс становления политической науки в Саратове произошел, и в обозримой перспективе она способна решать большие, общественно-значимые задачи, вносить достойный вклад в научное обеспечение общественного развития.

### Примечания

- 1 См.: Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР, 1989, № 3, С. 18.
- 2 В 1992 г. силами секции было выпущено первое пособие: «Основы политологии. Методические материалы к учебному курсу», объемом 3 п.л., тиражом 1 тыс. экз.
- 3 В настоящее время И.Н. Коновалов – доктор исторических наук, А.В. Малько – доктор юридических наук, член Диссертационного Совета по политическим наукам.
- 4 Ныне А.И. Демидов – проректор по научной работе Саратовской государственной Академии права, заместитель председателя Диссертационного Совета по политическим наукам.
- 5 См.: Бюллетень Государственного высшего аттестационного комитета РФ, 1998, №3, С. 56–57.
- 6 См.: Современное Поволжье. Региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. В.М. Долгова. Саратов, 1999.
- 7 См. в частности: Радиальные перспективы в СССР (1985 – 1991 гг.) / Под ред. проф. Ю.П. Суслова. Саратов, 2000; Митрохина Т.Н. Сравнительная политология. Саратов, 2000; Шестов И.И. Политическая мифология России. Саратов, 2000; Вишков А.А. Политическая конфликтология. Саратов, 2000 и др.
- 8 См.: Матвеев Р.А. Теория политических процессов. Саратов, 1996; Он же. Аналитическая политология: В 5 вып. М., 1997; Он же. Политологический и юридический словарь-справочник. М., 1999.
- 9 См.: Пляйс Я.А. Российская государственность на пути реформирования. М., 1999; Он же. Политологическая наука в России от истоков до наших дней. М., 2000.
- 10 См.: Демидов А.И., Долгов В.М., Вишков А.А. Политология. Саратов, 1997; Основы политологии: Учеб.-метод. пособие / Под ред. А.В. Малько. М., 2000 и др.
- 11 См. в частности: Курс лекций по политологии / Под ред. проф. В.Д. Полищука. Саратов, 1999.
- 12 См.: Пляйс Я.А. Политологическая наука России в 1999 г. // Бюллетень Государственного высшего аттестационного комитета РФ. М., 2001, №1, С. 41–43.



УДК 32.01

## ВВЕДЕНИЕ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассматриваются основные факторы транс-формации избирательной системы Российской Федерации и ее возможные позитивные и негативные последствия. Основное внимание уделено взаимосвязям пропорциональной избирательной системы с процессом партогенеза в современной России. Изменение места и роли партий охарактеризовано в контексте их развития в качестве институтов, связывающих гражданское общество и политическую систему. Дана оценка конкретных проблем в этой сфере и рассмотрены основные тенденции политического участия и активности российских граждан в связи с изменениями в системе выборов.

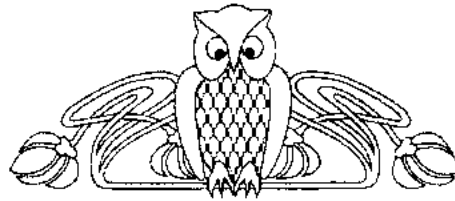
**Introduction of a proportional electoral system and outlook the formation of a civil society in modern Russian Federation**

A. A. Vilkov

The paper discusses main factors of the transformation of the electoral system in Russian Federation and its possible positive and negative consequences. Attention is focused on how the switchover to a proportional electoral system affects the partogenesis in modern Russian Federation.

Changes of the place and role of the parties are characterized in the context of their development as institutions to bind the civil society and political system. Particular problems in this sphere are assessed, main trends in the political participation and activity of Russian citizens in view of the electoral changes are considered.

В марте 2004 г. председатель ЦИК А.А. Вешняков сообщил журналистам о начале дискуссии о переходе к пропорциональной системе выборов только по партийным спискам и ликвидации института одномандатников. При этом А.А. Вешняков заявил, что об этом его попросил В.В. Путин<sup>1</sup>. Тем самым был дан импульс для политиков, журналистов, научной общественности к обсуждению данной проблемы и ее перевода в плоскость практического решения. Трагические события в Беслане стали основанием для озвучивания официальной позиции по этим вопросам самого Президента, который встроил их в более широкий контекст проблемы повышения эффективности управления государством и борьбы с терроризмом<sup>2</sup>. Свое логическое завершение данный политический импульс получил в мае 2005 г. принятием федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Суть изменений избирательной системы



сводится в нем к отмене выборов половины депутатов Государственной Думы по мажоритарной системе в одномандатных округах и переходу к пропорциональной системе формирования всего депутатского корпуса по партийным спискам.

Однако не менее важным политическим последствием данного реформирования станет изменение роли партий в становлении и развитии основ гражданского общества в современной России.

Уже в начале 1990-х гг. в работах отечественных исследователей были охарактеризованы основные концепции гражданского общества, которые к тому времени были представлены в западной науке. Авторы доказывали, что демократические преобразования в России могут быть успешными только в результате становления и развития институтов гражданского общества и были уверены, что для этого созданы все основные предпосылки: введен институт частной собственности, провозглашены права и свободы и т.д.<sup>3</sup>

Однако уже к середине 1990-х гг. практика показала, что становление гражданского общества проходит трудно, болезненно и противоречно, что в России заимствованные западные концепции не приживаются. В результате, в научном сообществе была осознана потребность в критическом анализе существующих на Западе теорий гражданского общества и возможностей их применения в российских условиях<sup>4</sup>.

Обозначились две основные трактовки гражданского общества. В соответствии с первой, гражданское общество - «агрегированное понятие, обозначающее специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются: гражданин со своими гражданскими правами и гражданские организации: ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты»<sup>5</sup>. При такой трактовке гражданское общество идентифицируется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности.

Другие исследователи считают, что, напротив, именно гражданское общество выступает предпосылкой становления правового государства, что оно не только «автономизирует общественную



сферу, но и опосредованно придаст власти новые черты: при всей своей взаимосвязи с политической системой, гражданское общество первоначально отторжение к ней и осуществляет функцию ограничения (определения наиболее разумного соотношения политических и иных начал в жизни общества)<sup>6</sup>.

На наш взгляд, для современной России более адекватным является первое определение, с учетом того, что обе эти трактовки взаимно дополняют друг друга, акцентируя внимание на многовариантности понятия гражданского общества, на его конкретно-исторических особенностях возникновения и развития в различных странах.

Не случайно, что со второй половины 1990-х гг. акцент в исследованиях гражданского общества стал смещаться на анализ особенностей развития России в дореволюционный и советский периоды и их влияния на процесс становления гражданского общества в постсоветский период<sup>7</sup>.

В качестве основных причин трудностей становления гражданского общества в России большинство исследователей выделяют негативные последствия экономических реформ, отсутствие среднего класса; этнические и конфессиональные проблемы; отсутствие соответствующей политической и гражданской культуры, доминирование патерналистских ценностей, низкий уровень социальной активности, разрыв между обществом и властью.

По мнению А.И. Соловьева, становление полноценного гражданского общества во многом зависит от успешного функционирования и взаимодействия основных субъектов социального и политического процессов<sup>8</sup>. Исходя из этой посылки, рассмотрим, каким образом реформирование избирательной системы современной России может повлиять на процесс трансформирования такого связующего элемента гражданского общества и государства, как политические партии.

Очевидно, что смешанная избирательная система выборов депутатов Государственной Думы РФ никогда не удовлетворяла полностью представителей различных политических сил<sup>9</sup>. Опыт показал, что данная система имеет ряд существенных недостатков как общераспространенных, так и специфически российских<sup>10</sup>. Критике подвергалась как мажоритарная составляющая данной системы – так и пропорциональная, особенно со стороны либерально-радикальных политических сил, недовольных уровнем своего представительства в Государственной Думе<sup>11</sup>. Поэтому неудачно, что за 11 лет своего функционирования смешанная избирательная система трижды претерпевала достаточно серьезные изменения (в 1995, 1999 и 2002 гг.). Тем не менее дискуссия и политическая борьба сторонников различных вариантов ее реформирования закончилась тем, что в 2004 г. президент и его сторонники решили отказаться от одной ее составляющей на выборах депутатов Государственной Думы в пользу другой – пропорци-

ональной<sup>12</sup>. Изложим тезисно наиболее сильные и слабые стороны укрепления данной системы в современной России через призму их влияния на развитие гражданского общества.

Главным сбалансированным недостатком мажоритарной системы, заключающемся в следующем: прежде всего имеет место значительная потеря голосов избирателей и, следовательно, недемократичность представительства интересов округа. Возможность выдвижения большого количества кандидатов в одномандатных округах повсеместно приводила к ситуациям, при которых депутатами от данного округа становились кандидаты, набравшие простое большинство в 7–10–15% от числа избирателей, принявших участие в голосовании. Очевидно, что остальные избиратели (представляющие в совокупности абсолютное большинство) отдавали свой голос за других кандидатов, либо голосовали против всех. Тем не менее депутат-одномандатник считался представителем интересов всех жителей округа и с парламентской трибуны говорил от лица в том числе и тех 85–90% активных избирателей, которые фактически сделали другой политический выбор.

Другим недостатком мажоритарной системы чаще всего называют лоббирование региональных интересов в ущерб общенациональным. На наш взгляд, в условиях современной России этот канал выражения и защиты конкретных интересов населения регионов являлся одним из немногих реально действующих механизмов политического лоббирования во взаимоотношениях с центром и вряд ли может рассматриваться как действительный недостаток. Другое дело, что депутаты, избранные от конкретной территории, чаще всего являлись представителями интересов прежде всего губернатора или выдвинувшей их финансово-промышленной группировки, доминирующей в регионе. Но, даже будучи «вынужденными лоббистами», косвенно они неизбежно выражали и интересы всего региона, заботясь о своем имидже в глазах населения своего округа и, соответственно, о своем политическом будущем.

Думается, более серьезные недостатки данной избирательной системы проявляются в повсеместном использовании «серых» и «грязных» технологий в ходе выборов в одномандатных округах, а также в повсеместном использовании пресловутого административного ресурса, больших возможностей для использования популизма и демагогии в ходе избирательных кампаний.

Кроме того, анализ результатов выборов по одномандатным округам свидетельствует, что мажоритарная система не позволяет обеспечить адекватное представительство в Государственной Думе таких важнейших социальных групп, как женщины и молодежь. Причины их низкого представительства разнообразны (хотя и неоднозначны), но для женщин не последнюю роль играют жесткие и зачастую крайне нечестоплотные условия конкуренции в одномандатных округах. Для молодежи



главной проблемой является низкая электоральная активность, которая не позволяет им поддерживать своих представителей в одномандатных округах на уровне, достаточном для победы.

Кроме того, одним из аргументов противников мажоритарной составляющей избирательной системы стал факт, что многие депутаты-одномандатники, шедшие в своем округе на выборы как беспартийные, в Государственной Думе все равно становятся членами какой-либо партийной фракции. Примечательно, что на последних выборах в Государственную Думу, в 2003 г. фракция «Единая Россия» завоевала подавляющее большинство именно благодаря таким примкнувшим одномандатникам, желающим получить доступ к парламентской трибуне и к распределению мест в различных комитетах. Создать самостоятельную фракцию для «неорганизованных» одномандатников весьма проблематично в силу различных причин.

Наличие всех отмеченных моментов, на наш взгляд, вовсе не означает, что мажоритарная система относительного большинства в России исчерпала себя и не имела потенциала для устранения наиболее существенных недостатков. Например, потерю голосов и недемократичность представительств достаточно легко было устранить с помощью введения второго тура голосования между двумя кандидатами, набравшими большинство в первом туре. В этом случае большинство избирателей, проголосовавшие в первом туре за других кандидатов, должны были бы определиться в своем новом выборе во втором туре, проголосовав за одного из оставшихся претендентов, либо против всех.

Не случайно в последние десятилетия многие страны мира перешли на смешанную мажоритарно-пропорциональную избирательную систему, которая позволяет компенсировать недостатки обеих систем. Например, в Мексике, согласно ст. 52 Конституции, «палата депутатов состоит из трехсот депутатов, избираемых по мажоритарной системе относительного большинства по унииональным избирательным округам, и из ста депутатов, избираемых по системе пропорционального представительства, посредством региональных списков, голосование по которым производится по полиномиальным избирательным округам»<sup>13</sup>.

В 1993 г. к смешанной избирательной системе перешла Италия (75% мест в каждой из палат парламента заменяется в одномандатных округах по мажоритарной системе, а 25% - по пропорциональной системе в многомандатных округах)<sup>14</sup>. Смешанные избирательные системы применялись также в 90-е гг. в Албании, Египте, Венгрии. В последнее время наблюдается тенденция расширения географии распространения этой избирательной системы.

Однако выбор про-результатов своего большинства в российском парламенте уже сделан в пользу пропорциональной системы.

Традиционно считается, что ее неоспоримым преимуществом над мажоритарной является большая представленность всего многообразия интересов избирателей. Пропорциональная система позволяет представить в парламенте весь спектр настроений населения, учета всех групп ценностей в обществе, всех мировоззренческих и идеологических позиций. Кроме того, такая избирательная система определенным образом способствует переходу от популистских предвыборных программ к стратегическим.

Главный аргумент сторонников заключается в том, что, вводя пропорциональную избирательную систему, власть объективно стимулирует структуризацию общества и элит и тем самым способствует возникновению элементов гражданского общества. Основным преимуществом пропорциональной системы, в принципе, считается то, что она стимулирует развитие партий, максимально усиливая их политический вес. У тех, кто имеет серьезные интересы в политике, явился реальный мотив выразить их именно через партийную структуру. Такая оценка опирается на многолетний опыт различных западных стран<sup>15</sup>. Однако сразу возникает вопрос: насколько этот вывод справедлив для конкретной политической ситуации в современной России? Думается, что не вполне, в силу ряда причин.

Первая обусловлена тем, что переходное состояние современного российского общества характеризуется как социально-экономической, так и соответственно политической горизонтальной и вертикальной фрагментированностью, неустойчивостью и постоянной изменчивостью. В таких условиях пропорциональная избирательная система, действительно, могла бы способствовать складыванию многопартийной системы, отражающей все многообразие существующих общественных интересов. Но в России эта общемировая тенденция не может быть реализована в силу наличия высокого избирательного порога, который должны преодолевать партии, чтобы участвовать в распределении депутатских мандатов. Таким образом, вместо реального развития партийного плюрализма и общественного представительства произойдет закрепление доминирующей роли партий, имеющих сегодня фракции в парламенте.

Сторонники данного изменения утверждают, что введение пропорциональной избирательной системы целиком укладывается в логику укрепления вертикали власти в России. Эту логику поддержало российское население, как на выборах самого президента, так и в голосовании за «Единую Россию». Поэтому уменьшение числа партий рассматривается как движение России к стабильной двух- (или хотя бы двух с половиной) партийной системе. Однако обязательным условием стабильности такой двухпартийной системы является наличие осознанной поддержки данных партий большинством социальных группами, наличие полностью конкурсу в отноше-



нии тех программ и идеологий, которые партии предлагают. В современной России это условие в значительной степени отсутствует. Об этом свидетельствуют сведения различных опросов и изучения общественного мнения, которые отмечают снижение рейтинга всех без исключения партий. По данным ВЦИОМ сентября 2004 г. более 50% населения не одобряют деятельности партий, а еще 57% негативно относятся к Государственной Думе — органу, непосредственно призванному представлять интересы россиян<sup>6</sup>.

Может ли чиновничья партия власти, искусственно сформированная «сверху», включить в свою программу положения, которые разделяют широкие слои российского общества? Как показал результат выборов 2003 г., несомненно, может<sup>7</sup>. Идея патриотизма, стремления к порядку и стабильности, к сильному государству стали одним из главных факторов успеха единороссов. Вопрос в другом — сможет ли такая партия, представленная в парламенте, руководствоваться разнообразными общественными интересами? Ответ может быть неоднозначным.

Очевидно, что среди всех этих программных идей, ориентированных на общественную поддержку, ключевой была главная — это поддержка действий президента по реализации данных ценностей. Поэтому в декларировании своих ключевых программных положений, системообразующим принципом деятельности партии открыто была заявлена лояльность действующему президенту и обязательность поддержки всех его инициатив, т.е. представительская функция депутатской фракции «Единой России» изначально была отодвинута на второй план. Тем самым был серьезно нарушен принцип разделения властей и ослаблен механизм сдержек и противовесов. В своей законодательной деятельности парламент становится не столько представительным органом, выражающим и защищающим интересы различных социальных групп, сколько проводником воли президента. Соответственно, и партия становится не столько связующим мостом между гражданским обществом и государством, сколько механизмом имитации интересов данного общества для легитимизации власти президента.

Как временная форма, характерная для переходного периода, такая система может стать вполне эффективной. Но вопрос в том — куда нас может повести авторитарная власть президента фактически не ограниченная в своих действиях ни парламентом, ни судебной властью, ни институтами гражданского общества? Тактические преимущества в усилении вертикали власти могут обернуться стратегическим проигрышем, так как даже прогрессивные преобразования, проводимые сверху, но не подкрепленные сознательным участием населения не могут создать прочного фундамента для стабильного политического и социально-экономического развития. А вот возможностей для такого участия населения

новых пропорциональная система при оставлении 7-процентного барьера<sup>8</sup> (если прогнозы в его отношении самым оптимистичным образом до 10 и даже до 12%) создать не сможет. Составить новые партии сразу, в условиях, определенных законом 2001 г., практически невозможно<sup>9</sup>. Поэтому реально интересы различных социальных групп представлены не будут. Составляемая избирательная система предполагает лишь технологическую ориентацию партий на различные электоральные сегменты, для привлечения их на свою сторону во время выборов.

Установление заградительных барьеров обычно мотивируют стремлением создать условия для эффективной работы парламента, когда в нем работают, прежде всего, партии, представляющие интересы достаточно больших групп населения и создающие в парламенте крупные фракции. Считается, что оговорка, препятствующая прохождению в парламент мелких партий, стимулирует объединительные процессы в партийной системе, когда партии с одинаковыми, в принципе, программами создают единый блок или даже сливаются в единую партию, отбрасывая меткие различия и личные амбиции руководителей и преодолевая разногласия по второстепенным вопросам. На наш взгляд, такая тенденция возможна лишь в том случае, если данные партии, действительно, опираются на достаточно четко осознанные интересы крупных социальных групп и между партиями и их сторонниками существуют устойчивые связи и каналы взаимодействия.

Заградительные барьеры представляют собой явное ограничение демократии, поскольку лишают отдельные партии, которые поддерживает определенное количество (и немалое) избирателей, права участвовать в распределении парламентских мест, т.е. воля этих избирателей в расчет вообще не принимается. В Португалии, например, в действующей конституции содержится положение, которое запрещает вводить какие-либо заградительные барьеры. Поэтому в большинстве стран этот порог не превышает 5%. В частности, в Израиле такой заградительный барьер составляет 1%, в Мексике — 1,5%. В Дании требуется, чтобы партия собрала в масштабе страны голоса не менее 2% всех участвовавших в выборах, а в Аргентине — 3%. Места в парламенте Швеции распределяются лишь между партиями, за которые проголосовало не менее 4% общего числа избирателей или не менее 12% в одном из избирательных округов. В ФРГ партия получает доступ к распределению депутатских мандатов в Бундестаге, если она собрала в масштабе всей страны не менее 5% признанных действительными голосов или победила не менее чем в трех одномандатных округах. В большинстве земель ФРГ заградительный барьер составляет также 5%. Один из наиболее высоких заградительных барьеров установлен в Лихтенштейне — 8%<sup>10</sup>.



Кроме того, мировая практика свидетельствует о том, что прямой связи между высотой заградительного барьера и количеством партий все же не существует. Конечно, заградительный барьер в определенной степени содействует объединительным тенденциям в партийной системе, но не является решающим фактором всегда и при всех обстоятельствах. Так, не наблюдается кардинального различия в количестве партий, представленных в португальской Ассамблее Республики, германском бундестаге или шведском риксдаге, хотя в ФРГ и Швеции существуют заградительные барьеры (причем их высота различна), а в Португалии он отсутствует. В Мексике снижение в 1977 г. заградительного барьера не помешало Институционно-революционной партии сохранить господствующее положение, удерживаемое ею, фактически, с 1930 г.<sup>2</sup>

В любом случае установление законодательного барьера (как, впрочем, введение той или иной модели избирательной системы) является актом политического выбора законодателя. И в ФРГ, и в России противники пятипроцентной оговорки обращались в органы конституционного надзора, стремясь оспорить конституционность этой оговорки. Однако и Федеральный Конституционный Суд ФРГ, и Конституционный Суд РФ воздержались от признания заградительного барьера неконституционным.

Оценивая перспективы партогенеза и формирования гражданского общества в России, необходимо учитывать, что большинство современных российских политических партий возникали не «снизу», а чаще всего создавались «сверху» под конкретными отдельными (или несколькими) лидерами. Насколько непростым является процесс объединения таких партий с амбивальными лидерами демонстрируют, например, многочисленные и безуспешные попытки объединить СПС и «Яблоко», хотя апеллируют они во многом к одним и тем же слоям населения.

Конечно, заградительный барьер в определенной степени содействует объединительным тенденциям в партийной системе, но не является решающим фактором всегда и при всех обстоятельствах. Да и в целом, вряд ли можно говорить о прямой зависимости избирательной системы определенного вида и складывании партийной системы определенного вида. Конструирование последней в современной России во многом зависит от других факторов и каналов воздействия: от прямых нормативных ограничений и требований, государственной поддержки и прямого контроля, до косвенной поддержки в виде многогранного использования пресловутого административного ресурса. Главное, что целенаправленно формируемая партийная система поможет упростить систему государственного управления, но вряд ли будет способствовать укреплению основ гражданского общества в современной России.

Например, по действующему закону наличие регионального отделения федеральной партии возможно лишь при регистрации в органах юстиции<sup>22</sup>. Подумается, что если гражданин живет в регионе, где нет отделения партии, то он не может в нее вступить. Ответ на вопрос о том, насколько это соответствует интересам формирующегося гражданского общества, вполне очевиден. Почему партия не имеет права естественным путем принимать в свои ряды несколько человек из какого-то региона, пока там не возникнет регионального отделения, а должна принимать только группой не менее 100 человек? Почему не регистрируя в своем регионе отделение той или иной партии власти того или иного региона, фактически запрещают жителям данного региона вступать в эту партию? По сути, создание партий по этому закону может обеспечиваться или властью, или той или иной финансово-промышленной группировкой, что не может не отдалять партии и партийную элиту от большинства населения страны, в результате чего мотивация голосования за конкретные партии, одинаково далекие от народа в глазах большинства граждан, утрачивает смысл и остается только мотивация «за» или «против» президента.

Кроме того, закон по своей сути нацеливает на создание массовых партий с фиксированным членством, т.е. реально кадровые в большинстве своем (из 50-ти зарегистрированных к массовой можно отнести лишь КПРФ) партии составляют имитировать массовость. То, что происходит сегодня в «Единой России» в вопросе об увеличении численности партии, свидетельствует, что пресловутый административный ресурс в регионах никуда не исчез, а нашел новые сферы своего проявления. Как еще можно расценивать факты, например, в отношении директоров школ и руководителей высших учебных заведений, которые вдруг, в массовом порядке, стали не просто рядовыми членами партии, но и вошли в состав руководящих региональных органов.

Кроме того, необходимость преобразования партий в массовые организации создает еще один механизм воздействия органов власти на оппозиционные партии в виде структур, проверяющих реальную численность партии. Тем самым закон превращает партии из института гражданского общества просто в PR-инструменты для достижения видимости наличия демократических институтов.

С введением пропорциональной системы значительно уменьшатся и даже нарушатся конституционно закрепленные возможности граждан напрямую выдвигать свои кандидатуры на выборах, т.е. на пассивное избирательное право. Статья 19 Конституции РФ гласит, что «запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности», статья 30 «Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо



объединение или пребыванию в нем», статья 32 – «Граждане РФ имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме», статья 55 – «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Согласно ст. 97 депутатом Государственной Думы РФ может быть избран гражданин РФ, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах – иных ограничений Конституция РФ не предусматривает<sup>23</sup>. Очевидно, что ограничение права быть избранным депутатом путем фильтрации через выдвижение политической партией, умаляет это право гражданина и фактически принуждает его к пребыванию в каком-либо объединении.

Плюсом пропорциональной избирательной системы является то, что голоса избирателей не пропадают в общем объеме, как это происходит при мажоритарной однотуровой системе (за исключением тех голосов, которые отданы за список, не преодолевший 7-процентную планку). Минусом пропорциональной избирательной системы считают то, что здесь избиратель выбирает как бы абстрактных лиц – он знает чаще всего лидера партии, движения, нескольких региональных активистов, но остальные ему неизвестны. Кроме того, избранные депутаты не имеют прямой связи с избирателями конкретного округа, как при мажоритарной системе. Разбивка партийного списка на региональные составляющие помогает решить данную проблему лишь отчасти, так как агитационно-пропагандистская кампания партий в период выборов неизбежно будет концентрироваться на лидерах партии и ее программе.

Кроме того, в ряде стран существуют различные способы преодоления обезличивания партийных списков при голосовании избирателей, обеспечения такого положения, чтобы и при пропорциональной избирательной системе избиратель мог высказать свое мнение в отношении конкретных кандидатов. Одним из таких способов является предпочтительное голосование, когда избиратель указывает, в каком порядке должны представляться мандаты внутри списка. Например, в Дании, Бельгии, Австрии, Нидерландах применяют систему полужестких списков, когда первое место предназначено кандидату, стоящему первым в списке, но зато кандидаты, получившие большее число предпочтений (голосов), даже если их фамилии расположены в конце списка, могут быть передвинуты выше и получить мандаты вместо кандидатов, имена которых записаны в списке выше, но которые не получили столько предпочтений. В других странах (в Швейцарии, к примеру) действует правило свободных списков, при котором решающее значение придается предпочтениям избирателей, в соответствии с которыми и осуществляется распределение депутатских мандатов.

Кроме того, в Швейцарии допускается так называемое панаширование (от франц. глагола *panacher* – перемешивать, придавать пестроту, разнообразие, смешивать), когда избиратель может подобрать кандидатуры, за которые он хочет отдать свой голос, из разных списков и объединить их в новый список, составленный им самим в день голосования. Панаширование (*panachage*) – «предоставление избирателю возможности составить самому избирательный список, подбирая кандидатов из других списков»<sup>24</sup>.

Однако российские законодатели пошли по простому пути и не стали усложнять жизнь избирателям и членам участковых избирательных комиссий, оставив по существу прежнюю систему голосования.

Таким образом, подводя итог, следует подчеркнуть, что внедрение пропорциональной избирательной системы приведет к укреплению сложившейся моноцентрической политической системы, но не создаст эффективной системы представительства, инструмента общественного воздействия на власть.

С одной стороны, это приведет к повышению управляемости обществом со стороны федеральной власти, а с другой, еще более усилит отчуждение между обществом и государством, будет выталкивать реальные, но не отражаемые легальными партиями интересы в сферу особой, не связанной с большинством граждан, политической реальности. Тем самым партии не смогут выполнять объективно заложенные в их сущности функции по обеспечению связей между гражданским обществом и государством, по аккумуляции разнообразных общественных инициатив.

Значительная часть российской политической элиты не заинтересована в создании гражданского общества. Представители элиты вполне справедливо видят в нем главную угрозу для сложившейся системы взаимоотношений между властью и обществом. Логика функционирования сложившейся политической системы современной России и логика формируемого гражданского общества не только не совпадают, но, зачастую, находятся в антагонистическом противоречии. Поэтому большая часть усилий по созданию политико-правовых условий для гражданского общества либо носят формальный, декларативный характер, либо декоративный характер для формирования общественного мнения.

## Примечания

- <sup>1</sup> См.: *Катвицев Д.* Беспартийные, шаг назад! // Коммерсантъ-Власть. 2004. 17 мая.
- <sup>2</sup> По вертикали: Владимир Путин выступил по вопросам государственного управления и укрепления системы безопасности страны // Рос. газ. 2004. 14 сент.
- <sup>3</sup> См.: *Вырыadin В. А.* Гражданское общество // Социально-политический журнал. 1992. № 8; *Лука А.*





- Гайда А. Гражданское общество. Екатеринбург, 1994; Кочетков А.П. На пути к гражданскому обществу. М., 1992; Кравченко И. Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1991. №5; Михайлов Б.В. и др. Гражданское общество и перспективы демократии в России. М., 1994; Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4 и др.
- <sup>4</sup> Становление институтов гражданского общества в России и международный опыт: Материалы междунар. симпозиума. 31 марта – 1 апр. 1995 г. М., 1995; Волошин А.Г. Гражданское общество и политика в России: смена парадигм // Полис. 1998. № 6.
- <sup>5</sup> Голеникова З.Г. Гражданское общество в России. // Социс. 1997. №3. С.26.
- <sup>6</sup> Сергеев С.Г. Становление гражданского общества в России: историко-политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 1999. С.4.
- <sup>7</sup> Вайнштейн Г. Формирование гражданского общества в России // Мировая экономика и международные отношения. 1998. №5; Воронцова Л., Филатов С. «Русский путь» и гражданское общество // Свободная мысль. 1995. № 1; Дитенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997. Т. 2. №4; Ниязс Я.А. Тема гражданского общества в диссертациях российских докторов и кандидатов политических наук // Политическая наука. 2002. № 1; Серебряков С.Л. Цивилизационные основы формирования гражданского общества в России // Социально-политический журнал. 1995. № 2; Стратегии формирования гражданского общества в России. СПб., 2002; Хорос В.Г. Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России? // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5; Хютин А.Д. Гражданское общество или социум кник: российская дилемма // Политика 1997. № 1; и др.
- <sup>8</sup> Соловьев А.Н. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. №6.
- <sup>9</sup> См., напр.: Белонерковский В. А. При нынешней избирательной системе в России демократии не будет // Независимая газета. 1995. 2 нояб.
- <sup>10</sup> См.: Авакьян С.А. Выборы 1993–1994 гг. в Российской Федерации: правила и процедуры. М., 1993; Васильев В.И. и др. Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы // Под ред. А.Е. Поетникова. М., 1995; Выборы в Российской Федерации. М., 1998; Дмитриев Ю.А., Израэли В.Б., Чудина С.Ю. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Иркутск, 2001; Лысов В.В. Российское избирательное право: от империи до федерации. Воронеж, 1998; Новиков Ю.А. Избирательная система России: 90 лет истории. М., 1996. С. 8; Постников А.Е. Избирательное право России. М., 1996.
- <sup>11</sup> Уже в конце 1997 г. Президент Российской Федерации поставил вопрос о необходимости отказа от пропорциональной избирательной системы, которая в условиях неразвитой многопартийности не отвечает интересам избирателей, не обеспечивает соблюдение принципа народовластия.
- <sup>12</sup> Более того, в соответствии с принятым в 2002 г. новым Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» проведение выборов не менее половины состава представительного органа государственной власти субъекта РФ (или одной из его палат) по пропорциональной системе стало, начиная с 14 июля 2003 г., обязательно. В соответствии с этим требованием в большинстве субъектов РФ в 2003 г. были приняты новые избирательные законы, предусматривающие избрание части представительного органа государственной власти субъекта РФ по пропорциональной системе.
- <sup>13</sup> Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты. М., 1986. С. 67.
- <sup>14</sup> См.: Фузаро К. Правила переходного периода: новое избирательное законодательство Италии 1993 года // Реформа избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы. М., 1995. С. 8–36.
- <sup>15</sup> См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
- <sup>16</sup> Ведомости. 2004. 20 сент.
- <sup>17</sup> Высокий уровень поддержки «Единой России» на выборах 2003 г. свидетельствует скорее об эффективности использованных для ее победы информационных и других избирательных технологий.
- <sup>18</sup> В аналитической записке ЦИК РФ с обоснованием целесообразности введения пропорциональной системы избрания депутатов Госдумы и совмещения сроков проведения региональных и федеральных выборов аргументировалось оставление 7-процентного барьера, который необходимо преодолеть партиям для участия в распределении депутатских мандатов при условии, что в нижней палате Федерального собрания должны быть представлены не менее четырех политических партий, избирательных блоков // [http://www.ikro.aanet.ru/html/ndedolja/01-03\\_12.htm](http://www.ikro.aanet.ru/html/ndedolja/01-03_12.htm)
- <sup>19</sup> Осенью 2004 г. активно стала обсуждаться идея ужесточения формально-правовых требований к политическим партиям
- <sup>20</sup> См.: Таагнера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем // Полис. 1997. №3; Уиллмерстайн М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность // Полис. 1992. № 5–6; Матасов М.В. Партийные и избирательные системы: характер взаимодействия // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1995. №4.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> См.: Закон «О политических партиях» // Рос. газ. 2001. 14 июля.
- <sup>23</sup> См.: Конституция Российской Федерации. Саратов, 1997.
- <sup>24</sup> См.: Таагнера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем // Полис. 1997. №3.



УДК 329 (470+57)

## ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

Г.Н. Долгова

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: fgsn@info.sgu.ru

В статье на обширном фактическом материале показана роль приватизации в формировании многопартийности в России. Приватизация явилась одним из сильнодействующих факторов, обостривших идейно-политические позиции разных социальных групп. Воздействие приватизации на процесс возникновения и развития российской многопартийности и исследуется в данной статье.

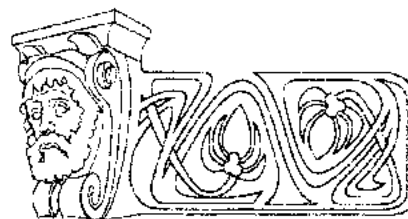
### Ideological factors of privatization

G.N. Dolgova

Privatization of state property in Russia was one of the main factors that influenced political positions of different social groups. The article studies the influence of privatization on the development of Russian multi-party system.

Среди разнообразия мотивов приватизации, известных из практики многих стран, для России, как и для других постсоциалистических стран, особое значение имели идеологические факторы. Идеология призвана была подготовить общественное сознание к восприятию новых ценностей в виде частной собственности, рыночных отношений, социального расслоения. Идеологическое, культурологическое обеспечение приватизации было необходимо и заключалось в переустройстве общественного сознания и общественных представлений с социалистической на либерально-капиталистическую систему ценностей. О необходимости именно такой подготовки общества к восприятию новых социально-экономических принципов, в том числе приватизации государственной собственности, писали западные теоретики и политики специалисты в вопросах приватизации<sup>1</sup>. Да и сама по себе идейно-культурная подготовка населения к радикальным переменам, планируемым и проводимым властями, логична.

Политика всегда нуждается в идеологическом компоненте. Американский политолог Карл Фридрих, вслед за многими марксистскими и либеральными теоретиками, но только может быть четче, выразил мысль о том, что «идеологии неразрывно связаны с политическим процессом, ибо без идеи не бывает никаких политических действий»<sup>2</sup>. Влияние идеологии проявляется во всех фазах политического процесса: осознание проблемы, выбор и принятие политического решения, его осуществление, оценка результатов. Причём политический процесс очень требователь-



лен к содержанию и формам идеологической деятельности. Неслучайно политическая идеология отчетливо ориентируется на практические действия политики, стремится к реальному влиянию на политическое поведение различных акторов: индивидов, социальных групп, движений, партий. Тем более что все субъекты политики нуждаются в идеологических средствах сплочения и руководства, поскольку идеология, в конкретизации А.И. Демидова, направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует их волю, мобилизует активность, способствует интеграции групп, вовлечённых в политическое действие или готовящихся к нему<sup>3</sup>. По нашему мнению, все эти функциональные проявления идеологии непосредственно относились к приватизационной политике в России.

По нашему мнению, с точки зрения идеологического состояния общества Россия (Советский Союз) для приватизации была плохо подготовленной страной. Подавляющая часть населения имела антисобственнический идейный настрой, отрицательно относилась к частному предпринимательству как к чуждому, антиобщественному явлению. Активные поколения россиян не имели никакой рыночной практики, негативно относились к понятию бизнеса, поскольку видели лишь его извращённые формы в виде спекуляции, мошенничества, коррупции. Все эти идейно-нравственные представления людей сформировались за многие десятилетия советского образа жизни. Выделим, как нам представляется, важнейшие идеологические факторы, составлявшие систему идейной советской позиции в сфере собственности и экономических отношений вообще.

Прежде всего, это «базовые» российские традиции, многократно выявленные, затверждённые как какие-то пограничные столбы. Мы не склонны их абсолютизировать, но сознаём их сохранявшееся в девяностые годы влияние на некоторые социальные группы российского населения. В группу этих «базовых» традиций включаются: склонность к общности, коллективизму и коллективистским хозяйственным действиям; соблюдение многих элементов и норм православия, ориентир на православные догмы в отношениях собственности, власти, государства; отсутствие рыночного духа, привычка ведения натурального хозяйства и самого простого обмена личного труда на необходимые



вещи и услуги, продукты своего труда на продукты труда других людей.

Наличие у русских, а шире – у славян, качества общинности давно утвердилось в научной литературе. Это качество выявляли и анализировали многие российские мыслители: В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, И.Л. Солоневич, И.А. Ильин и другие<sup>4</sup>. Общинность признавалась важнейшим элементом русской ментальности, ибо весь уклад русской народной жизни носил общинный характер. Община была прочной основой этой жизни, обеспечивала определённое социально-экономическое положение крестьянского двора как семейно-трудового объединения, выступала гарантом отношений собственности. Эти отношения можно определить как индивидуально-семейно-общественные. Именно такая совокупность отношений отторгала частную собственность, делала её ненужной экономически и идеологически. На рубеже XIX–XX вв. частной собственностью в России владели лишь несколько процентов населения. Вообще отношение к собственности во всех кругах российского общества было достаточно легковесным по сравнению с другими европейскими государствами. Общинность в русском менталитете тесно связана с понятием «мир», в значении объединение, сообщества людей, коллектив. Коллективистские настроения всегда широко проявлялись в России. Они распространялись на производство, быт, отдых, творчество, управление, семейные отношения. Именно такие коллективистские качества русского населения как традиционные почитал нужным выделить в своём послании 2005 г. Президент РФ В.В. Путин. Он подчеркнул, «что такие ценности как крепкая дружба, взаимовыручка, доверие, товарищество и надёжность в течение многих веков оставались на российской земле ценностями непреложными и непреходящими»<sup>5</sup>. Индивидуалистские формы жизни, естественно, имели место, но общинное, коллективистское начало традиционно преобладало. По оценке Н.А. Бердяева, относящейся к началу Первой мировой войны: «Русский народ слишком живёт в национально-стихийном коллективизме, и в нём не окрепло ещё сознание личности, её достоинства и её прав»<sup>6</sup>. В условиях капитализации русского общества снижалось значение общинности, нарастало значение принципов, диктуемых рыночными отношениями, но эти процессы получили распространение преимущественно в городах, в деревне их проявления были незначительными. А в начале XX века Россия насчитывала 85–86% сельского населения<sup>7</sup>.

Существенное воздействие на хозяйственные традиции славянского населения оказывала православная вера, которая в качестве официальной, государственной господствовала несколько веков. Как точно подметил М. Вебер, каждая религия имела такие свойства, «которые были решающи-

ми для формирования жизненного практического поведения её последователей и отличали её от других»<sup>8</sup>. Православие выделялось своеобразным отношением к государству: оно признавало верховенство государственной власти в административно-политической сфере и тем самым внушало верующим необходимость подчинения государству, надежду на его участие в их судьбах. Преклонение перед государством переносилось на главу государства – помазанника божьего; во многом эта традиционность объясняет сильнейшие позиции единовластия в России – царя, генсека, президента. Отношение к государству как к все-сильному организму, внушённое православием многим поколениям россиян, распространялась и на экономическую сферу. Логично было видеть в государстве главного собственника, самого надёжного и могущественного, ни при каких обстоятельствах не теряющего свою собственность, но также способного одарить богатством или изъять последнее. Убеждение во всевластии государства православие внушало одновременно с преимуществами общей собственности, коллективных начал в хозяйственной деятельности, в отношениях с природой, а также с критическим подходом к проявлениям индивидуализма в экономической сфере. Православие распространяло также как одну из главных своих догм принцип соборности, под которым понималось единение людей, укрепление отношений между ними в процессе трудовой и социальной жизни. Соборность несла общественное согласие, стремление к солидарности и отрицание социального эгоизма. В переносе на отношения собственности это означает приоритет общественных, коллективных форм хозяйствования.

Влияние православной церкви на русское общество на протяжении тысячелетий истории государства было огромным. В отдельные века на её идеологии строилась вся государственная политика. В сфере действия православия находились и приверженцы иных конфессий, и атеисты. Поэтому следует согласиться с оценкой П. Сорокина в том, что «основные черты русского сознания и все компоненты русской культуры и социальной организации, а также все системы основных ценностей представляли собой идеологическое, поведенческое и материальное воплощение этой главной посылки (то есть христианской религии)»<sup>9</sup>. Здесь, разумеется, Сорокин имеет в виду православную ветвь христианства.

Важной особенностью русского менталитета на протяжении веков была слабая связь людей с рыночными отношениями, настороженное отношение к частной собственности, деньгам как необходимым элементам торговой деятельности. Этими качествами российские люди всегда отличались от большинства европейских народов. Во многом наличие такой особенности в психологии народа объясняется необычной территориальной размещённостью<sup>10</sup>, которая, создавая большие



сложности в развитии единого рынка, диктовала замкнутость хозяйственных связей, натуральное хозяйство, самообеспечение населения на отдельных территориях. В России позже большинства европейских стран сложился внутренний рынок, сформировались финансовые и предпринимательские слои населения. появилась и укрепилась национальная финансово-банковская система. Эти черты экономического развития России нельзя считать ущербностью страны, они являлись результатом объективных условий, в которых она развивалась. Они ни плохи, ни хороши сами по себе. Как утверждает Н. А. Бердяев, «русскую самобытность не следует смешивать с русской отсталостью... национальная самобытность ничего общего не имеет с отсталостью...»<sup>11</sup>.

Идеологические ценности и традиции дореволюционной России были подвергнуты сильнейшей ломке и целенаправленному вытеснению в условиях советско-коммунистической политической системы. Основы гражданского сознания и духовности были разрушены при одновременном и стремительном насаждении марксистско-коммунистической идеологии. В советское время подобные действия были естественны, ибо марксизм являлся как раз той идеологией, суммой политических идей, нацеленных на обеспечение революционного переустройства общества. По меткому замечанию А. А. Зиновьева, «идеологическая революция охватила все сферы жизни общества и все слои населения. Идеологическая масса заполнила всё социальное пространство страны»<sup>12</sup>. Содержательным наполнением этой «массы» оказались: критика основ капитализма и, особенно, частной формы собственности, восхваление будущего коммунистического общества и связанных с ним социально-политических идеалов, защита реально существующего социализма со всеми его достижениями и провалами. Оценивая, с точки зрения нашего исследования, содержание советской идеологии отметим, на первый взгляд, парадоксальное явление: по многим существенным составляющим эта идеология совпадала с дореволюционными российскими ментальными традициями.

Прежде всего, это относится к проблеме собственности. Коммунистическая идеология относилась к самым страшным элементам капитализма, считала источником эксплуатации, неравенства и угнетения одних социальных групп другими и настаивала на её полном уничтожении. Эта идея господствовала во всех марксистских и коммунистических документах от Манифеста коммунистической партии (1848 г.) до программы КПСС (1961 г.). В противовес частной форме собственности превозносилась общественная собственность на средства производства. Реализация задачи по полному вытеснению частной собственности из экономики страны в конце тридцатых годов была оценена как создание основ социалистического общества. А полное гос-

подство государственной собственности во всех сферах общества в конце пятидесятых годов было объявлено полной и окончательной победой социализма. В это время общественная собственность имела две формы: государственную и колхозно-кооперативную, которая находилась под полным контролем советского государства. Прошло ещё полтора – два десятилетия, и советские люди настолько далеко ушли от реальностей, связанных с частной собственностью, и адаптировались к социально-экономическим отношениям, основанным на государственной собственности, что самой частной собственности большинство из них просто боялось. Можно сказать, что коммунистические идеи в отношении собственности легли, в некотором смысле, на подготовленное сознание общности, коллективизма огромной части российского населения.

Аналогичной этой оказалась и ситуация с рынком, с товарно-денежными отношениями. Конечно, советская экономика принципиально отличалась от дореволюционной по своей структуре, масштабам, характеру, но, самое главное, она совершенно утратила рыночные черты. Государственно-плановое регулирование всех элементов экономики от производства до распределения товарной продукции исключало любые признаки рыночности. К тому же советское население лишено было возможности формировать капиталы и заниматься бизнесом, да и не стремилось к этому, о чём свидетельствуют традиции. Советские политические и экономические условия закрепляли в сознании и поведении людей отторжение рыночных настроений и поступков. Если они и имели место в неофициальной, теневой сфере, то осуждались не только законодательно, но и морально-идеологически. В обществе 1960–80-х гг. господствовал антирыночный, антипредпринимательский дух.

Но самым парадоксальным оказалось совпадение марксистской идеологии с некоторыми догмами православия в условиях ожесточённой борьбы советской власти против религии и церкви. Совпадение касается отношения к феномену государства. Разрушив буржуазное и создав рабоче-крестьянское государство, марксизм призвал всё общество поклоняться ему. И делал это с большей настойчивостью, нежели православие в своё время делало в отношении российского государства. Идеология тотальности советского государства была воспринята российским населением достаточно легко, именно из-за укоренённости в его сознании православного преклонения перед государственной властью и его конкретными носителями.

Вообще, в социалистический период развития страны общество, в идеологическом смысле, было дистанцировано от частно-капиталистических отношений. Идеология единой общественной собственности и полного неприятия частной формы была закреплена законодательно и подкреплялась



всеми средствами воздействия на сознание людей: этому способствовали образование, искусство, литература, средства массовой информации. Эта идеология пронизывала всю жизнь советского человека: и закономерно, что социалистическая политико-правовая концепция негативного отношения к капиталу, бизнесу, рынку господствовала в общественном сознании советского народа.

Для обеспечения более-менее серьёзной общественной поддержки процесса приватизации требовалось переломить существовавшую идеологическую ситуацию, внедрить в общество иные ценности и идеалы. Определённая эрозия советской идеологии происходила уже в последние годы брежневского правления, когда Запад обрушил на советское общество мощный поток информации, воспевавшей западный образ жизни и критикующей основные элементы советского строя. Пропагандистские удары западных идеологических служб наносились по фундаментальным принципам идеологии: они касались преимуществ советского строя и образа жизни, народного характера советского государства и социального равенства в советском обществе, национальной политики, проводимой КПСС, и роли самой КПСС. Система западных ценностей, подкрепляемая соблазнами западного образа жизни, разнообразными способами внедрялась в советскую среду, способствуя быстрому смещению интересов людей в сторону чисто материальных потребностей. В первой половине 1980-х гг. сомнения по поводу успехов СССР в экономической сфере, сравнения советского и западного уровней жизни получили в нашем обществе широкое распространение. Но существенного движения в сторону частной собственности в общественном сознании ещё не наблюдалось.

Ситуация стала приобретать новые черты в условиях горбачёвской перестройки. Значительное смягчение идеологической политики и провозглашение курса на обновление социализма (объявленного ещё Ю. В. Андроповым)<sup>13</sup> обеспечило накал политических дискуссий в обществе. В средствах массовой информации, в научных журналах, в возникших общественно-политических организациях, в трудовых коллективах и даже в организациях КПСС развернулись острые дискуссии «о судьбах социализма, о характере построенного в СССР общества, о «моделях» социализма, а стало быть, и об избранном пути обновления»<sup>14</sup>. Руководство КПСС эволюционировало в сторону всё большей демократизации общества. Начав с курса на ускорение темпов экономического развития, оно вскоре перешло к лозунгу перестройки или «радикальной реформы» в производственных отношениях, а затем – и к концепции демократизации общества как «программе изменения существующей политической системы».<sup>15</sup> Реформирование идеологии в период перестройки превратилось в определённую ревизию марксизма-ленинизма, постепенно стали

использоваться такие категории, как гражданское общество, парламентаризм, разделение властей, рынок, которые классиками марксизма характеризовались как буржуазные явления<sup>16</sup>. Фактически, в этих дискуссиях столкнулись две концепции перестройки общества: радикальная, подвергшая сомнению сами основы социализма, и умеренная, напеливавшая на совершенствование социалистического общества. Характерно, что именно в обсуждении характера перестройки и в КПСС, и в обществе в целом началось реальное формирование разных политических позиций, постепенно расхопившихся и по идеологическим вопросам. Думается, что именно в эти годы советское общество стало переходить к положительному (или терпимому) восприятию отдельных элементов западной идеологии, относящихся к экономической сфере, например: частной собственности, свободному рынку, конкуренции разных форм хозяйствования. Быстро нараставшее кооперативное движение в какой-то степени оказалось носителем этих элементов и осуществляло капитализацию советской экономики. На рубеже 80-90-х гг. XX в. в советском обществе был накоплен некоторый потенциал восприятия либеральной идеологии, необходимой для понимания социально-политического смысла приватизации государственной собственности и обеспечения социальной поддержки при её осуществлении.

Политические идеи классического либерализма, лежащего в основе устоев западного общества, хорошо известны. Они уже более трёх веков культивируются в странах Запада, толкуемые и используемые в политическом управлении то в более развёрнутом, то в несколько ограниченном виде. Десятки крупных мыслителей разных стран, но почти без участия российских учёных<sup>17</sup>, вносили в развитие либерализма свою лепту. В разные периоды своего развития западный мир обращался к либеральной идеологии то с большим, то с меньшим интересом. В 1980-90-е гг., как уже подчёркивалось, внимание к либеральной идеологии резко возросло, она открыто использовалась как теоретическая база новой политики в экономической сфере, проводимой многими западными государствами. Принципиальными идеями либерализма или неоллиберализма этого времени являлись классические (политические и гражданские свободы личности, позволяющие каждому гражданину участвовать в управлении; правление закона или правовое государство, деятельность которого регламентирована и отделена от гражданского общества; право частной собственности, обеспеченное законодательно и политически) и присвокупленные к ним в условиях политической борьбы второй половины XX в. идеи социальной ориентации политики и экономики (социальная политика государства, социальные гарантии для различных групп населения, возможности защиты личностью своих социальных интересов и т. п.)<sup>18</sup>. Приспосабливаясь к



общественным условиям второй половины XX в., либерализм значительно расширил пространство своей идеологии. Он стал выступать в форме разных течений либерализма, эгалитаризма, коммунитаризма и других<sup>19</sup>, суть которых заключалась, главным образом, в сохранении влияния этой классической буржуазной идеологии на общество, в котором возникло множество новых социально-политических интересов, движений и проектов. Один из поборников неолиберализма М. Сэндел даёт такую интерпретацию этого разнообразия идеологических позиций: «Когда либертариансты-либералы защищают экономику, основанную на частной собственности, а эгалитаристы-либералы выступают за государство всеобщего благоденствия, коммунитаристы беспокоятся о концентрации власти и в корпоративной экономике, и в бюрократическом государстве, а также об эрозии тех промежуточных форм общества, которые временами поддерживали более живую общественную жизнь, то есть о разрушении гражданского общества»<sup>20</sup>. Очевидно, что коммунитаризм, к примеру, отказывается от признания необходимости регулирования рыночной экономики и любой формы «государства всеобщего благоденствия». То есть в современном неолиберализме идейное пространство оказывается ещё более широким, чем в XVIII или в середине XX в.; оно способно «удовлетворить» самые разные социальные группы населения.

Либерализм именно такого вида и стал насаждаться в российском обществе в качестве новой идеологии<sup>21</sup>. В основе процесса распространения новой идеологии находились два важных направления политики. Во-первых, распространение миссии об историческом поражении социализма в соревновании с капитализмом и жестокая критика всего советского прошлого, порой бездоказательная, необъективная, но системно представляющая в негативном свете все важнейшие явления и события советского времени. Это направление возникло ещё в условиях Советского Союза, в рамках борьбы демократической оппозиции с коммунистическим руководством при сильнейшей поддержке западных правительств и СМИ. Во-вторых, развенчание коммунистической идеологии, стремление максимально быстро устранить её из политического процесса и общественного сознания. Это направление открыто проявило себя только после августовских событий 1991 г. и отстранения от власти Президента СССР М.С. Горбачёва. А официальной политикой дендеологизация российского общества была объявлена сразу после распада СССР и при быстрой концентрации государственной власти в руках Президента РФ Б.Н. Ельцина. Законодательное утверждение дендеологизации страны состоялось в Конституции РФ, статья 13 которой гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»<sup>22</sup>.

Характерно, что дендеологизация не носила всеобщего характера. Она относилась только к коммунистической идеологии, сводилась к запрету на это мировоззрение. Но одновременно государство и общество оказывали существенную поддержку возрождению религиозных идей, распространению националистических, внедрению идей либерализма. По-видимому, «коммунистическая дендеологизация» выполняла роль расчистки пространства в общественном сознании для восприятия новых идей. Распространение неолиберальных идей было идеологическим обеспечением приватизации. И оно было не только необходимо, но и неизбежно, ибо идеология освещает политику, готовит общество к восприятию её действий и результатов.

Конечно, в период активной стадии трансформации российского общества (в первой половине девяностых годов) ломалась вся система идейных и ценностных предпочтений, утверждалась новая идейная основа развития. Точно выразил эту тенденцию В.И. Жуков: «На смену идеологии "обновления социализма" шла и набирала привлекательность идея "рыночных отношений"»<sup>23</sup>. Совокупность культивируемых в тот период идей сложна и трудно поддаётся научной систематизации. Не ставя перед собой подобной задачи, выделим только группу идей, обеспечивающих процесс приватизации. Они носили чисто политический характер, а их распространение было важнейшей составляющей политического фактора приватизации.

Отметим также, что идеология проводившихся преобразований как официальная основа новой экономической политики была достаточно простой, скопированной с образцов западной экономической теории и практики. Она содержала три базовых постулата: либерализация, приватизация, стабилизация. Именно эти три идейно-политические линии называют основной характеристикой идеологии «догоняющей модернизации» или реформирования России начала девяностых годов и теории, поборники этого процесса<sup>24</sup>, и его противники<sup>25</sup>. Значит, действительно эти идеи играли ключевую роль в российской концепции преобразования. Суть этих постулатов состояла в сведении к минимуму государственного регулирования экономики, ограничению его защитой прав собственности и поддержанием правопорядка: в либерализации цен, внутренней и внешней торговли; в стремлении стабилизировать через денежно-кредитную политику денежную массу, инфляцию, курс национальной валюты. Ясно, что такие категории использовались в структурах органов управления, науки, бизнеса. Для общества подобная совокупность идей была бы слишком формализованной и общей идеологической конструкцией, слабо действующей на сознание подавляющего большинства населения.

Для массового пользования предназначалась идеология приватизации, выраженная в простых



формах, доступных для восприятия самых разных групп населения и легко культивируемая в СМИ. По нашему мнению, она полностью укладывается в четыре базовые идеи.

Первая. Низкая эффективность советской экономики объясняется тем, что вся она является государственной собственностью. А государство – обезличенный, а значит неответственный владелец. Собственности нужен настоящий хозяин. С этой целью необходимо введение частной формы собственности путём отнятия собственности у государства, которое должно «перестать быть доминирующим собственником и субъектом экономических отношений в стране»<sup>26</sup>. Идея эффективности частной собственности была, конечно, главной. Она культивировалась в качестве панацеи от всех социальных и экономических проблем кризисного общества. Она объявлялась гарантом выведения страны к многоукладному состоянию экономики, на современный уровень экономического развития. Следует отметить, что идея превращения всех граждан в собственников, то есть введение частной формы собственности в правовое поле страны, превращение её в нормальный социальный институт быстро приобретала популярность и в городе, и в деревне. Она оказалась основным идейным гарантом приватизации. Тот факт, что вместе с введением частной собственности должно ослабнуть государство и сократятся его социальные функции, постепенно отходил в общественном сознании на второй план.

Вторая – ограниченность возможностей плановой экономики и безграничная успешность рыночных отношений. Оба тезиса культивировались очень широко. Утверждалось, с одной стороны, что плановая экономика повинна в дефиците товаров и услуг народного потребления, в устаревшей структуре производства, в высокой ресурсной затратности экономики и низкой производительности труда, в плохом качестве товаров, в неравной системе оплаты труда и тому подобном. С другой стороны, со ссылками на японский, американский, западноевропейский опыт, превозносились механизмы рынка, который сам всё регулирует: производство, спрос, цены, качество, ассортимент, оплату, темпы, структуру производства. И при этом рынок учитывает, соблюдает все пропорции и интересы. Идеализация рыночной экономики носила, нередко, примитивный характер, но была широко распространена и также пользовалась всё большим доверием в обществе. Эффективность рынка подтверждалась многочисленными примерами реальных достижений западной экономики в сфере товаров и услуг.

Третья – всеобщность свободы. Речь шла о правах и свободах личности вообще, как одной из самых привлекательных идей всей концеп-

ции реформирования, а в её контексте самостоятельное место занимала идея экономической свободы. Под ней понимались свобода владения собственностью, свобода предпринимательства и перемещения капиталов, товаров, услуг, рабочей силы, свободы торговли, в том числе внешней торговли, свобода трудоустройства, свобода в характере и масштабе получаемых доходов. Среди подобного набора свобод порой провозглашались даже несовместимые с нормами общественных отношений: свобода взяток чиновниками в случае «качественного исполнения услуг», свобода спекулятивных сделок, свобода использования служебного положения в интересах обогащения и тому подобное. Подобные «свободы», естественно, неоднозначно воспринимались в обществе, хотя в некоторых слоях становились нормой. В целом, экономические свободы поддерживались большинством самодельного населения.

Четвёртая – наличие массовых слоёв собственников как социальная база демократии. Возможность демократического государства, гражданского общества, демократического развития напрямую увязывалась с широким слоем собственников, кровно заинтересованных во всём этом. В этой идеологической линии было две особо важных идеи. Первая заключалась в том, что собственники станут хорошо организованным слоем общества с помощью экономических, культурных, территориальных и политических объединений. Вторая – в том, что собственники будут политически активны и способны оказывать решающее воздействие на результаты избирательных кампаний любого уровня. Обе идеи исходили из представлений о слое собственников как о среднем классе, активно влияющем на формирование политической системы, обеспечивающем стабильность политического развития общества.

Совокупность данных идей оказалась идейной платформой всей агитации в пользу приватизации. Поскольку процесс приватизации осуществлялся сверху, высшей исполнительной властью страны, то они вошли во многие официальные государственные документы, в том числе выступления и послания Президента РФ Б. Н. Ельцина<sup>27</sup>. Поскольку приватизация насаждалась сверху и контролировалась как политика из-за рубежа национальными и международными финансовыми, научными, экономическими структурами, то эти идеи широко использовались в дискуссиях, в речах официальных лиц, в средствах массовой информации, в том числе отечественных. Конечно, распространение этих идей вызывало бурную политическую реакцию внутри российского общества, становилось сильнейшим мотивом межпартийной и электоральной борьбы.



## Примечания

- Политика*. М. Приватизация в России: можно ли исправить допущенные ошибки? // Проблемы теории и практики управления. 2000. №4; *Мюллер К., Шикль А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации. Санкт-Петербург, 2002. №9; *Осипов А.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996; *Пинсворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. М., 2000.
- <sup>2</sup> Цит. по: Категория политической науки / Под ред. А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С.251.
- <sup>3</sup> См.: *Демидов А.И.* Идеология как инструмент политической коммуникации и власти // Власть. 1998. №8-9.
- <sup>4</sup> *Соловьёв В.С.* Русская идея // Русская идея. М., 1992. С.185-204; *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990; *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (Избранные статьи по философии, русской истории и культуре): В 2 т. СПб., 1991; *Лосский Н.О.* Характер русского народа. В 2 кн. М., 1990; *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии / Пер. с англ. М.А. Маслина // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 463-489; *Соловьев И.Э.* Народная монархия. М., 2005; *Ильин И.А.* Нации задачи. Историческая судьба и будущее России: В 2 т. М., 1992.
- <sup>5</sup> Послание Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Российская газета. 2005 г. 26 апр.
- <sup>6</sup> *Бердяев Н.* О «вечном бабьем» в русской душе / Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С.41.
- <sup>7</sup> Россия. Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1991. С.81.
- <sup>8</sup> *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 67.
- <sup>9</sup> *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии. ... С.483.
- <sup>10</sup> *Бердяев Н.* Азиатская и европейская душа // Судьба России. ... С.55.
- <sup>11</sup> О значении пространства, как одном из важнейших факторов, воздействовавших на формирование русского национального характера, русских традиций писали С.М. Соловьёв, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, Л.П. Гумилёв и многие их современные последователи. Очень своеобразно отразил такую позицию Н.А. Бердяев. Приведём его суждения из статьи с характерным названием «О власти пространства над русской душой»: «И государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государству, всеобщему интересу и подавлением свободных личностей и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и неразвита была самостоятельность классов и групп. ... эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он чувствует от грехов возлагать эту организацию на центральную власть... Огромность русских пространств не способствует развитию в русском человеке самостоятельности и самостоятельности... Ширь русской земли и ширь русской души ставили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону жестокости. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры» (*Бердяев Н.* Судьба России... С. 58-61).
- <sup>12</sup> *Зитовцев А.* Идеология партии будущего. М., 2003. С.67.
- <sup>13</sup> См.: *Андропов Ю.В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 231-249.
- <sup>14</sup> Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия: Коллективная монография / Под ред. В.В. Журавлёва. М., 1995. С.291.
- <sup>15</sup> См.: *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи: В 7 т. М., 1987. Т.2. С.139, 147; Т.3. С. 330-331; Перестройка. М., 1990. С.11, 34-37.
- <sup>16</sup> См.: *Алексеев С.В., Катаманов В.А., Черненко А.Г.* Идеологические ориентиры России: В 2 т. М., 1998. Т.1. С. 114-115.
- <sup>17</sup> Либеральная мысль в России XIX -- начала XX в. была развита слабо, носила во многом вторичный по отношению к западноевропейской науке характер, пыталась приспособиться к российским монархическим условиям (см. об этом: Либерализм в России. М., 1996; *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; *Слободяникова В.С.* Политические идеалы мыслителей России 30-40-х годов XIX века. Саратов, 2000 и др.).
- <sup>18</sup> См.: *Алексеева Г.А.* Либерализм как политическая идеология // Полис. 2000. №1; *Михеев Т.* Либерализм в классической традиции. Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. 1, 2.
- <sup>19</sup> См.: *Алексеева Г.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 169-220.
- <sup>20</sup> Цит. по: *Алексеева Г.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 203.
- <sup>21</sup> См.: *Катустин Б.Г., Клякин И.М.* Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. №1; *Катустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 2000 и др.
- <sup>22</sup> Конституция Российской Федерации. М., 1997. С.9.
- <sup>23</sup> *Жуков В.И.* Реформы в России. 1985-1995 годы. М., 1997. С. 25.
- <sup>24</sup> См.: *Мур В.А.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы текущего развития // Экономика переходного периода: Сб. избр. работ 1999-2002 гг. М., 2003. С. 113-115; *Улюкаев А.* Экономика и политика эпохи реформ и потрясений. М., 1997. С. 193-212; *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 102-141.
- <sup>25</sup> См.: *Гайдар Е.* Генотип. М., 1998. С. 80-82; *Анципов В.А., Шелестин А.А.* Россия под властью плутократии.





тии. М., 2003. С. 102–108, 141–147; *Сироткин В.* Кто обвораивал Россию? М., 2003. С. 200–213 и др.

<sup>26</sup> *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 189.

<sup>27</sup> Весьма красноречивым в этом смысле является фрагмент речи Б. Н. Ельцина до центрального телевидения в декабре 1993 г.: «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальные

зависят от нас. Каждый гражданин России, каждая семья получит свободу выбора. Приватизационный ваучер – это для каждого из нас билет в мир свободной экономики». (Цит. по: *Хлебников П.* Крестьянский отец Кремля Борис Березовский, или История разгрома России. М., 2001.) Подобных лицемерных, насквозь идеологических заявлений предельности исполнительной власти рассыпано бесчисленно.

УДК 32.01

## НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

Т.Н. Митрохина

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
e-mail: mitn002@rambler.ru

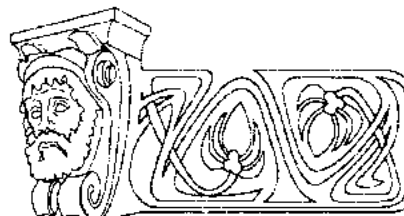
В рамках статьи анализируются лишь некоторые специфические особенности такой интенсивно развиваемой отрасли научного знания как современная сравнительная политология, научное пространство которой охватывается объектом исследования, предметно-тематическим и методологическим векторами одновременно, анализ каждого из которых в отдельности оказывается не специфичен. Вместе взятые они формируют субкультурный анклав современной политической науки.

### Some specific features of comparative study of policy

T.N. Mitrokhina

In the frames of article only specific peculiarities of such intensively developing branch of scientific knowledge as a comparative politics are analysed. Scientific space of comparative politics are outlining by object of research, methodological and objectively thematic directions at the same time. Analysis of each of them in particular is not specific. In a whole they are forming subcultural part of modern political science.

Современная сравнительная политология представляет собой одну из наиболее активно развивающихся отраслей политического знания. О популярности этого направления говорит факт заинтересованности государственных структур самого высокого порядка в проведении сравнительных исследований, что подкрепляется серьезным финансированием этой отрасли знания, однако в основе своей имеющим источники не российского происхождения. Трудно оперировать конкретной информацией относительно сумм, затрачиваемых на осуществление сравнительных исследований зарубежными фондами. Тем не менее можно заметить, что сотрудничество фондов Эберта, Аллендура, Карнеги, Сороса, Макар-уров, Кеннана даже с учеными Саратовского университета весьма оживлено в последнее десятилетие. Этот факт не может не привлечь к себе внимания и не стимулировать попытку проанализировать причины этого явления, которые на наш взгляд коренятся именно в сфере особенностей полит-



гической компаративистики как самостоятельного значимой научной отрасли.

Сравнение как методологический прием изучения политики доказало свою состоятельность, функциональность, продуктивность на протяжении сотен лет своего существования. Применение сравнительного анализа в научных исследованиях сделало возможным усилиями компаративистов выделить политические системы в качестве самостоятельного объекта исследования, осуществить структурирование политических образований по различным сегментам и основаниям, в качестве которых анализировались традиции, институты, индивиды, поведение. Выделены исторические периоды в развитии систем, определены закономерности их функционирования, причины наблюдаемых следствий. Осуществлено ранжирование факторов по уровню влияния на развитие и деградацию политических систем. Это лишь то немногое, которое можно назвать из того, что удалось осуществить в политической науке благодаря сравнительному анализу.

В результате функционального анализа сравнения выявлена его многоаспектная и значительная роль в процессе развития политической теории. Сам процесс ее формирования инициирован тем, что появилась возможность сравнивать себя и свой образ жизни с иными укладами. Дифференциация общественнознания, долгое время сохранявшегося единым, стала возможна, в том числе, за счет специфики сравнительного метода. Посредством сравнительного анализа совершенствуется понятийный аппарат науки, выявляются закономерности политического функционирования, осуществляется верификация данных. Сравнение перспективно в плане интеграции политического сообщества путем формирования метаэтики и метатеории политической науки. Следствием сравнений является не только развитие политической теории, но и ее дальнейшее



тии. М., 2003. С. 102-108, 141-147; *Сироткин В.* Кто обворовал Россию? М., 2003. С. 200-213 и др.

<sup>26</sup> *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 180.

<sup>27</sup> Весьма красноречивым в этом смысле является фрагмент речи Б. Н. Ельцина по центральному телевидению в декабре 1993 г.: «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальные

зависят от нас. Каждый гражданин России, каждая семья получит свободу выбора. Приватизационный ваучер — это для каждого из нас билет в мир свободной экономики». (Цит. по: *Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разорбления России. М., 2004.) Подобных лицемерных, извечно-идеологических заявлений представители исполнительной власти рассылали бесчисленно.

УДК 32.01

## НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

Т.Н. Митрохина

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
e-mail: mtrn002@rambler.ru

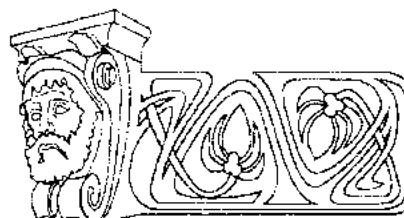
В рамках статьи анализируются лишь некоторые специфические особенности такой интенсивно развиваемой отрасли научного знания как современная сравнительная политология, научное пространство которой охватывается объектом исследования, предметно-тематическим и методологическим векторами одновременно, анализ каждого из которых в отдельности оказывается не специфичен. Вместе взятые они формируют субкультурный анклаву современной политической науки.

### Some specific features of comparative study of policy

T.N. Mitrokhina

In the frames of article only specific peculiarities of such intensively developing branch of scientific knowledge as a comparative politics are analysed. Scientific space of comparative politics are outlining by object of research, methodological and objectively thematic directions at the same time. Analysis of each of them in particular is not specific. In a whole they are forming subcultural part of modern political science.

Современная сравнительная политология представляет собой одну из наиболее активно развивающихся отраслей политического знания. О популярности этого направления говорит факт заинтересованности государственных структур самого высокого порядка в проведении сравнительных исследований, что подкрепляется серьезным финансированием этой отрасли знания, однако в основе своей имеющим источники не российского происхождения. Трудно оперировать конкретной информацией относительно сумм, затрачиваемых на осуществление сравнительных исследований зарубежными фондами. Тем не менее можно заметить, что сотрудничество фондов Эберта, Адендура, Карнеги, Сороса, Макар-Дура, Кеннана живо с учеными Саратовского университета весьма оживлено в последнее десятилетие. Этот факт не может не привлечь к себе внимания и не стимулировать попытку проанализировать причины этого явления, которые, на наш взгляд, коренятся именно в сфере особенностей истори-



ческой компаративистики как самостоятельной значимой научной отрасли.

Сравнение как методологический прием изучения политики доказало свою состоятельность, функциональность, продуктивность на протяжении сотен лет своего существования. Применение сравнительного анализа в научных исследованиях сделало возможным усилиями компаративистов выделить политические системы в качестве самостоятельного объекта исследования, осуществить структурирование политических образований по различным сегментам и основаниям, в качестве которых анализировались традиции, институты, индивиды, поведение. Выделены исторические периоды в развитии систем, определены закономерности их функционирования, причины наблюдаемых следствий. Осуществлено ранжирование факторов по уровню влияния на развитие и деградацию политических систем. Это лишь то немногое, которое можно назвать из того, что удалось осуществить в политической науке благодаря сравнительному анализу.

В результате функционального анализа сравнения выявлена его многоаспектная и значительная роль в процессе развития политической теории. Сам процесс ее формирования инициирован тем, что появилась возможность сравнивать себя и свой образ жизни с иными укладами. Дифференциация общественно-научного знания, долгое время сохранявшегося единым, стала возможна, в том числе, за счет специфики сравнительного метода. Посредством сравнительного анализа совершенствуется понятийный аппарат науки, выявляются закономерности политического функционирования, осуществляется верификация данных. Сравнительные перспективы в плане интеграции политического сообщества путем формирования метаэтики и метатеории политической науки. Следствием сравнений является не только развитие политической теории, но и ее дальнейшее



явления как синхронизация событий в различных регионах мира: глобализация, интернационализация. Исчерпавшим сравнений совершенствуется политическая практика.

Поскольку сравнительный анализ представляет собой метаметодологию исследования, широко используемую представителями всех научных направлений, постольку он чрезвычайно многолик. Методологический принцип сравнительности неизбежно сосуществует с разнообразными принципами структурирования объектов сравнения, которые «экстраполированы из естествознания». Поэтому политическая компаративистика неизбежно является областью воссоединения двух исследовательских культур: естествознания и обществознания.

Пожалуй, одна из наиболее специфических особенностей политической компаративистики связана с тем, что она выделилась в качестве самостоятельного направления не только благодаря тематике и своеобразию методологических оснований. Научное пространство сравнительной политологии задается спецификой объекта исследования, предметно-тематическим и методологическим векторами одновременно, каждый из которых в отдельности не специфичен. Лишь взятые в совокупности они очерчивают сферу исследования этой отрасли научного знания как самостоятельно значимую.

Несмотря на междисциплинарный характер, а также заимствование основ сравнения из естественных и смежных социально-гуманитарных наук, сравнительному исследованию политики присущ ряд специфических особенностей. В рамках данной статьи мы имеем возможность акцентировать внимание лишь на некоторых наиболее социально значимых из них.

Специфический объект исследования, включенный в сравнительный контекст, навел на мысль о специфическом характере развития политической компаративистики. Для анализа в данном случае оказался замечателен тот факт, что интерес к сравнительным исследованиям то усиливается, то ослабевает, подобно приливам и отливам, что происходит отнюдь не стихийно, а детерминировано и стимулируется факторами внешнего и внутреннего происхождения, научного и политического характера. Идея об импульсивном характере развития политической компаративистики, на наш взгляд, оказалась достаточно продуктивной, поскольку позволила автору выделить периоды усиления интереса к сравнительному изучению политики, а также причины этого явления на каждом из этапов.

Поскольку политическая компаративистика на протяжении длительного периода существования развивалась в рамках единого обществознания, дифференциация которого по отраслям обозначалась лишь в XIX в., имеет смысл именно этот рубеж взять в качестве исходного в развитии политической компаративистики<sup>1</sup>. Именно в этот

период политика выделяется и формируется в качестве разветвленной и самостоятельной сферы общественной жизни, что связано с рядом объективных причин, наиболее важными из которых являются распространение широкого избирательного права, становление политических партий как самостоятельных политических институтов, образование новых, многочисленных, политически значимых и самостоятельных организаций.

Одним из значимых факторов, стимулировавших развитие этой отрасли в XIX в. и имеющих научную природу, является накопление большого массива эмпирического знания о политике, требующего теоретического осмысления, т. е. своеобразного «перехода количества в качество». Обществознание XIX в. выделяется в качестве самостоятельного и чрезвычайно значимого периода в развитии политической компаративистики, поскольку именно в этот период оно накопило внушительный объем знаний, в том числе и о политике.

Это настоятельно диктовало необходимость приводить разнообразный эмпирический материал в систему, обобщать, для чего требовался особый методологический инструментарий, поэтому сравнительные исследования этого периода приобретают особое значение. Выражается это не столько в появлении конкретных сравнительных исследований, хотя и это уже значимый факт, сколько в том, и это особенно важно подчеркнуть в контексте нашего исследования, в интересе к теоретическим основам сравнений, выраженном в первую очередь в трудах О. Конта, С. Милля, Э. Дюркгейма, М. Вебера.

Значительный рост конкретной эмпирической информации о различных обществах, переросшей национальные границы, не мог не стимулировать развитие сравнительных исследований. Хотя сам по себе рост массива научной информации не позволяет преодолеть национальную «автономию» научных исследований, все же он послужил толчком к сравнительным исследованиям. Необработанная масса эмпирического материала агрессивна в научном плане. Она «не дает покоя», требует структурирования, упорядочения и обобщения, в том числе посредством сравнительного метода, с помощью которого можно перейти от массы конкретного к всеобщему<sup>2</sup>.

Рост внимания к сравнительному методу в обществознании XIX в. отчасти был обусловлен и таким фактором, как существенные успехи естествознания благодаря сравнительному методу. Значение сравнительного метода, например в химии, обозначено Д. Менделеевым. Он писал: «Полагаю, что надежный путь сравнительного изучения, какого я старался держаться, скоро приведет нас к цели...». Высоко оценивал значимость сравнительного метода применительно к естественным наукам – анатомии, ботанике, географии, биологии, палеонтологии, физиологии и Ф. Энгельс, отводя сравнительному анализу



роль инструмента обобщения накопленного эмпирического материала в сфере естествознания. Естественнонаучные исследования, «систематически организуемые с середины прошлого века путешествия и экспедиции, более точное изучение европейских колоний во всех частях света живущими там специалистами [...] - все это накопило столько материала, что стало возможным - и в то же время необходимым - применение сравнительного метода»<sup>4</sup>.

Одним из теоретико-методологических трудов на этом поприще явился «Курс позитивной философии» О. Конта, считавшего, что изучение человеческого общества и его различных состояний невозможно без применения сравнительного метода. Затем увидели свет произведения С. Милля, в которых автором проанализированы возможные механизмы проведения сравнений в соответствии с «бэконовскими» индуктивными методами<sup>5</sup>. Исследования О. Конта и С. Милля явились медиаторами в сложном процессе адаптации методологии сравнения, взятой из естествознания, к исследованиям социальных процессов. Пожалуй, подобную роль сыграла и книга «Россия и Европа» Н. Данилевского. Занимаясь естественными науками, владея методологией естествознания, он привносит методологические принципы сравнения естествознания в науку социальную. Сравнительное исследование цивилизаций построено на бинарно-контрастном сравнении европейской и славянской цивилизаций. Методологическим инструментом сравнения являются культурно-исторические типы<sup>6</sup>.

Логический фундамент методологии сравнительного изучения применительно к анализу социально-политической сферы составили работы Э. Дюркгейма<sup>7</sup>, став своеобразным итогом одного из наиболее значительных периодов развития компаративистики и классикой ее теории. В этот период выходят методологические очерки<sup>8</sup> и сравнительные произведения М. Вебера<sup>9</sup>. Сравнительный метод становится настолько популярным, что немецкий историк А. Харнак замечает по этому поводу: «[...] в течение XIX в. сравнительный метод был рулевым наукой»<sup>10</sup>.

Застой или своеобразный реверс в развитии политической компаративистики, судя по характеру и интенсивности публикаций, наблюдается в период 20–40-х гг. XX в., он сменяется значительным ростом интереса к сравнениям. В этот период не менее мощным стимулом развития политической компаративистики, в силу отмеченных ранее особенностей ее исследовательской сферы, оказался фактор не научного, а политического происхождения.

Интерес к сравнительным исследованиям оживился под влиянием требований времени идеологического и политического характера<sup>11</sup>. Само появление «буржуазного» компаративного анализа оказалось возможным после мобилизации индукций, полученных в результате волюнтариз-

ма и упрочения социализма, с одной стороны, и распространения фашистских режимов, с другой. Факт образования в мире новых форм политической организации, довольно длительное время игнорируемый западными учеными, на определенном этапе становится мощным стимулом развития сравнительных политических исследований.

В 50-е гг. усиливается рост интереса к сравнительному анализу. «Западный мир осознал существование и значение советской системы [...], которую перед последней войной предпочитал рассматривать только как переходящую диковину»<sup>12</sup>. Это имело место в ряде отраслей обществознания - языкознании и литературоведении, истории и этнографии, социологии, экономике, правоведении и т.д.<sup>13</sup>, что, порой, определялось даже как «ренессанс сравнительных исследований»<sup>14</sup>. На первый план выдвигается противостояние социализма и капитализма. Сравнения этого периода идеологически окрашены и политизированы. Это проявляется как терминологически, так и содержательно. Термин «компаративистика» неизменно используется в сопровождении эпитетов «буржуазная»<sup>15</sup>, «догматическая»<sup>16</sup> и определяется как сфера идеологической борьбы социалистической и капиталистической систем<sup>17</sup>. Сравнительный метод рассматривается как неотделимая часть диалектико-материалистического метода<sup>18</sup>. Основное назначение сравнительных исследований состоит в том, чтобы показать превосходство социалистического лагеря над капиталистическим и наоборот<sup>19</sup>.

Начиная с 50-х гг. XX в., интенсивность публикаций, касающихся сравнительного метода, его особенностей, а также области сравнительных исследований правового и экономического характера, заметно возрастает. Оживляются научные дискуссии по проблемам корректности сравнительной методологии. На этом этапе, очевидно, политическая компаративистика получает импульс развития не только и не столько научной, сколько политической природы.

В период противостояния двух мировых систем сравнительные исследования использовались как в благородных целях разрядки международной напряженности, обеспечения мирного сосуществования и сотрудничества, так и как средство демонстрации преимуществ социалистических (капиталистических) систем относительно друг друга.

Исследования объективно отражали, прежде всего, идеологическое противоборство двух систем, в связи с этим целью советской политической компаративистики являлось отрицание всего, что имело отношение к капиталистической идеологии, праву, государству, политике, что, разумеется, осуществлялось с позиций марксистской методологии. На наш взгляд, не вполне справедливо было бы ставить это в вину компаративистам советского



периода, поскольку аналогичную позицию, только с другим знаком занимали западные ученые. В особенности американские компаративисты, при исследовании также политизированные и идеологически окрашенные цели. Это было объективной реальностью и необходимостью десятилетий «холодного» противостояния.

Нельзя не отметить тот факт, что библиография отечественных исследований по теории и практике политического сравнительного анализа второй половины XX в. в современной литературе зачастую представляется скромно, в отличие от западной, анализируемой гораздо тщательнее. В результате формируется устойчивое мнение, что сравнительное изучение политики в XX в. — это прерогатива прежде всего западной науки.

О причинах такого положения вещей можно только догадываться. С одной стороны, речь может идти о своеобразной «стеснительности» в отношении достижений советского периода. Да, нужно согласиться, что исследования были политизированы и конъюнктурны, осуществлялись на потребу дня. Оправданием этому может служить факт, что и оппонентами советской системы исследования проводились в том же ключе.

Порой зарубежные общественеды выше оценивают достижения ученых советской школы, нежели отечественные. Так, например, британский политолог А. Браун полагает, что советские ученые были включены в реальный политический процесс в гораздо большей степени, чем большинство их коллег на Западе. В эти годы советские ученые, пишущие по вопросам политики, жестко контролировались властью. Однако лучшие из них писали книги и статьи, обладающие внутренней интеллектуальной значимостью<sup>20</sup>.

С другой стороны, отсутствие адекватной рефлексии в отношении работ советского периода и некоторых более поздних отчасти можно объяснить практикой взаимного пренебрежения, которая в социальных науках, пожалуй, стала закономерной. Французский компаративист М. Доган приводит в качестве примера ряд исторических фактов. Так, в работах М. Вебера отсутствуют ссылки на его современника Э. Дюркгейма, равно как и наоборот, в то время как предмет научного интереса у них был один и тот же. В. Парето выступал с критикой работ Э. Дюркгейма, никогда не ссылаясь на него. Автором приводятся и другие примеры<sup>21</sup>.

В итоге ситуация такова, что гораздо большее внимание уделяется анализу зарубежной компаративистики. Несомненно, такая позиция имеет и объективные причины. Поскольку первые исследовательские центры, кафедры политических наук впервые создавались за рубежом, институционализация политической компаративистики как особого вида научного творчества была осуществлена западными учеными, явившись реакцией на социально-политические потребности и вызовы именно Запада. Этим фактом области

можно оправдать приоритеты, отдаваемые западным школам компаративистики. Однако, по нашему мнению, нельзя недооценить компаративистику советского периода, имеющую ряд специфических черт, но обладающую самостоятельной научной значимостью.

Очередной импульс развития сравнительная политология получила в результате мощных системных трансформаций 80–90-х гг. XX в. как в социалистических системах, так и в других странах мира, причем эти трансформации были не менее грандиозны, чем в 1940–50-е гг. Так называемое продвижение по пути к демократии на долгие годы стало объектом многочисленных сравнительных исследований в области политики. Мощный импульс сравнительным исследованиям на этом этапе придала деятельность правительств ряда зарубежных стран, выраженная, в первую очередь, в щедро оплачиваемом интересе к изучению политических трансформаций в различных регионах мира.

Эта волна возродила интерес к политической компаративистике и в среде российских исследователей. В этот период значительно упростился доступ к зарубежной литературе, поскольку открылся «железный занавес». Российским ученым была предоставлена возможность знакомиться с исследованиями и достижениями зарубежных коллег, получать информацию о политических процессах других государств. Введение в учебные планы высших и средних учебных заведений дисциплин, в рамках которых изучалась политика как самостоятельная сфера общественной жизни, также стимулировало интерес к сравнительным исследованиям.

На развитие политической компаративистики значительное влияние оказали факторы внешнего порядка, а именно интеграционные процессы, процессы глобализации, протекающие во всех сферах общественной жизни — культурной, экономической, политической, экологической. Мощным стимулом сравнений явились колоссальные различия в уровнях жизни населения отдельных стран и регионов.

Движущей силой развития сравнительных исследований, по образному выражению норвежского профессора Э. Ойена, в ряде «туземных стран» стало и возникновение коммерческих организаций, финансирующих межгосударственные исследовательские программы. Ученые развивающихся стран поставили своим «просвещенным» коллегам не приведенные в систему данные для анализа и обработки в ином контексте, с целью совершенствования управленческих методов в своей стране. Посредством привлечения аспирантов, не обремененных научными концепциями и исследовательскими стратегиями, рассылаемых по всему миру, осуществляется «беспорядочная ловля фактов»<sup>22</sup>.

В числе «туземных стран», по всей видимости, оказалась и Россия. Финансирование полити-



ческих исследований различными зарубежными фондами преследовало цель, в числе многих прочих, собрать совсем необработанную или слабо обработанную теоретически информацию. С этой точки зрения наиболее полезными оказались модели ученых, не имеющие собственных идеологических и политических взглядов, поставлявшие разнообразное «сырье», что способствовало и способствует развитию сравнительных исследований, не только за рубежом.

Одним из факторов внутреннего порядка, стимулирующих (или не стимулирующих) развитие сравнительных исследований политики, является степень заинтересованности правительства в изучении политической практики других стран, в совершенствовании своей политики посредством изучения чужого опыта. Это легко определяется направленностью и объемом финансирования как прикладных, так и фундаментальных сравнительных исследований. В свою очередь, это зависит от типа политического режима, функционирующего в стране: открытого, закрытого, демократического, авторитарного, включающего, исключаящего и т.д. Определяется это и тем, насколько правительство и администрация могут и хотят эффективно использовать в своей практике информационные и аналитические ресурсы общественных наук.

Факт хорошо известный, что нередко российский чиновник не считает необходимым сотрудничество с представителями науки вообще, полагая, что теория и практика это различные и мало соприкасающиеся, а порой – конфликтующие сферы деятельности. К сожалению, и государственное финансирование научных исследований в России не слишком стимулирует развитие сравнительного изучения политики.

Таким образом, интерес к получению знаний сравнительного характера носит не ровный и постоянный, а импульсивный характер. Поскольку импульсы развития политической компаративистики, зачастую, политически окрашены, результаты сравнительного анализа могут быть существенно идеологизированы и политизированы, что необходимо принимать во внимание. На эмпирическом уровне результат сравнительного исследования может зависеть от того, кто оплачивает проведение исследования. На теоретическом уровне сравнения могут осуществляться в конъюнктурном ключе, определяемом гос заказом или спецзаказом.

Примеры «заказных» исследований довольно многочисленны. Обращаясь к ставшему уже классическим концепту «культуры гражданственности»<sup>25</sup>. Очевидно, сравнительное исследование, во многом благодаря его специфическому объекту, может выполняться не только в не столько научной функции. Так, например, исследование «Гражданской культуры» строилось на «либеральной и индустриальной американской» образ жизни на превоеходстве и исключительности и политический мифологии западного мира, в парадигму «свободы» США

по отношению к социалистическим и развивающимся странам. Следовательно, имело выраженную пропагандистскую и антисоциалистическую направленность. Модель «культуры гражданственности» являлась лишь составной частью стратегии формирования модели «уникального американского политического образа жизни»<sup>25</sup>. Уникальности противопоставлялись примитивизм, тоталитарность, неравномерность и несовершенство Германии, Италии, Мексики и других культур, в том числе и российской. «Гражданская культура» не только выполняла функцию методологического инструмента сравнения, но и оказалась инструментом идеологической борьбы. Казалось бы, сравнительное исследование времен «холодного» противостояния и не может быть другим.

Однако современная политическая компаративистика, как уже говорилось, представленная западными исследованиями, ничуть не менее идеологизирована и политизирована. Коренное отличие современной ситуации от ситуации времен «холодного» противостояния можно выразить метафорой «игра в одни ворота». Поскольку российские ученые, как впрочем, и политики, добровольно сдали свои позиции в сфере политического противостояния и признали свое поражение, постольку вот уже на протяжении ряда лет мы наблюдаем исследование, выполненные под значительным патронажем и влиянием западной компаративистики, осуществленные в русле встраивания в мировую политическую науку.

Более того, в России переводятся на русский язык и издаются значительными тиражами труды зарубежных ученых. Сам по себе этот факт позитивен, если бы не одно обстоятельство. Осуществляя анализ политической ситуации в мире, авторы этих произведений отводят недвусмысленную и незавидную роль современной России.

Так, например, З. Бжезинский, анализируя причины краха СССР как империи, отмечает ряд причин. Главными факторами успеха США и их сторонников были, с его точки зрения, политическая жизнеспособность, идеологическая глубина, динамичность экономики, военная мощь и богатство, привлекательность культурных ценностей. СССР вызывал презрение со стороны большинства своих вассалов в культурном плане, был догматичным, косным и ортодоксальным, экономически неконкурентоспособным, в том числе и в области научных технологий. Разумеется ситуация противопоставляется культурной атмосфере в американской коалиции, где Америка воспринималась как общество, заслуживающее восхищения и постоянной подражания<sup>26</sup>. Вследствие этих событий США стали единственной действительной мировой державой современности. Эту мысль автор развивает в другой монографии, сопровождая свои рассуждения «практическими рекомендациями» в отношении современной России<sup>27</sup>.

Не менее политически окрашены работы других американских компаративистов, в которых



недвусмысленно определяется роль современной России. Так, например, С. Хантингтон не считает реальным фактором современного мирового процесса возрождение русской цивилизации<sup>28</sup>. Пользуясь понятием «мир-система» и разделяя ее на центр, полупериферию и периферию И. Валлерстайн относит современную Россию в этой системе даже не полупериферийное положение, а смещает ее ближе к периферии. В современной мир-системе борьбу за лидерство ведут между собой лишь США, Европейский Союз и Восточная Азия<sup>29</sup>.

Очевидно, ученые, имеющие высочайший авторитет в научном мире, формулируют теоретически и практически значимые концепты мирового устройства и перспективы развития далеко не в пользу России, оспаривать которые, как, впрочем, и верифицировать их достаточно сложно. Порой эпатажные, порой метафоричные и ярко образные концепты такие, как «черная дыра», «столкновение цивилизаций», «великая шахматная доска», «волны демократизации» вызывают бурный интерес, дискуссии, доступны для понимания широкого круга читателей, в результате чего активно воздействуют на сознание и формируют определенным образом организованное общественное мнение, выполняют функции инструментов идеологического воздействия.

Это явление не может не оцениваться на двух уровнях восприятия: с одной стороны, научном, а с другой, эмоционально окрашенном и чисто человеческом уровнях анализа. Прагматичный взгляд на это явление приводит к мысли еще об одной особенности сравнительного изучения политики, состоящей в том, что исследования этой сферы вряд ли могут быть сущностно объективны. Они неизбежно имеют субъективную окраску, поскольку лица, осуществляющие сравнение, практически всегда имеют выраженную позицию в отношении собственной политической системы, что играет немаловажную роль в процессе исследования и оказывает влияние на его результаты.

Еще Н. Данилевский писал о том, что национальность довольно ощутимо сказывается в развитии наук вообще, а более всего она сказывается в развитии наук общественных, основанных на изучении явлений общественного быта, где наиболее резко выражаются национальные особенности<sup>30</sup>. Современный американский компаративист Р. Чилкот признает, что главным недостатком сравнительной политологии является стремление ученых предпослать политическую систему США в этноцентрическом духе<sup>31</sup>, питаемом идеями в отношении американской демократии, всеобщего изобилия и неограниченных возможностей, совершенной модели общественного устройства и национальной идеологией американской исключительности.

Более оптимистично на проблему соотношения этноцентричности и политической компаративистики смотрят французские компаративисты. Они

полагают, что, безусловно, исследователь вполне и целенаправленно является носителем определенного набора культурных стереотипов, традиций, ориентаций, что в большой степени детерминирует, направляет, если не скандалит идеологирует научную деятельность, однако взамен сравнение представляет собой важное средство освобождения от этноцентрических «завихрений».

Таковы же позиции американки Д. Бара, немецкого компаративиста Т. Шидера, архитектора французской компаративистики М. Дюверже, венгра И. Сабо, работы которого были опубликованы до распада СССР. Американский ученый, отмечая значительную роль сравнительного изучения в процессе познавательной деятельности, лижет о культурной обусловленности результатов исследования, проведенного в пределах одной страны. Сравнительный же анализ позволяет посмотреть на проблему поверх узких рамок отдельной культуры, лучше осознать специфику, уникальность или заурядность политических явлений<sup>32</sup>.

По мнению Т. Шидера, даже когда ученый располагает необходимым количеством достоверных источников, то и в этом случае он сталкивается с воздействием на ход мышления некоторого иного фактора, аналогично тому как «скульптор, реставрирующий старый торс, руководствуется аналогиями, почерпнутыми из его опыта, так и мы воспроизводим природу явлений, основываясь на нашем более широком опыте»<sup>33</sup>. Рост популярности сравнительных исследований автор объясняет тем, что этноцентричность вызывает упреки, поскольку изучая только свою страну, невозможно выявить в ней своеобразие<sup>34</sup>.

Необходимость освобождаться с помощью сравнений от синдрома «англосаксонского гения», представляющего собой одно из проявлений этноцентризма, отмечалась французским социологом<sup>35</sup>. Венгерский же компаративист не без иронии отмечая, что англичане считают основателем компаративистики Ф. Бэкона, французы ведут счет от Ш. Монтескье, а немцы от К. Лейбница, заключил, что освобождение от национальных предубеждений является одним из условий развития компаративистики<sup>36</sup>.

Однако на этот счет имеются и менее оптимистичные и жизнеутверждающие точки зрения. Некоторые весьма влиятельные ученые полагают, что явление культурной обусловленности результатов исследования социума неизбежно, категорически высказываются вообще против продуктивности сравнительных исследований в силу «самой сильнейшей плотности очевидной и явной специфики» различных обществ<sup>37</sup>. И. Валлерстайн недвусмысленно высказывается в пользу того, что центризм в политической науке и в различных своих проявлениях – это неизбежное и неискоренимое, поскольку эта сфера – это зона культурных и интеллектуальных войн, адекватно рефлексирующая глубину действительных социальных расколов<sup>38</sup>.



На эмоциональном уровне, по-человечески хочется naïвно верить, что ярко выраженный центризм концептов, будь то евро-, американо-, англо-, этно- или какая-либо другая разновидность центричности (то не «со зла»). В то же время очевидно, что это не может иметь места и «во недомыслию».

Но тем и из-за иным причинам плотность потока негативной и политически окрещенной информации «за-за кордона» не стала меньше. В обратном же направлении поток практически иссяк, если не считать того, что в российской политической компаративистике красочно анализируется западная компаративистика и уж совсем «расцвечена во все цвета радуги» американская сравнительная политология. Разумеется, нельзя не признать, что существует благодатная питательная среда для производства идеологизированных концептов. Сама российская политическая практика является хорошим стимулом зарождения столь нелицеприятных концептов. Так или иначе, но «за державу обидно».

В целом, развиваясь в русле мировых тенденций, отечественная политическая компаративистика имеет те же особенности, что и любая другая. Однако она чуть более вторична, поскольку имеет место двойная экстраполяция знания, вследствие чего пересыщена англоязычными терминами, калькированными с английского аналога, а это представляет самостоятельную проблему данного научного направления. Поскольку значительны масштабы коммерциализации политической науки – частные структуры финансируют деятельность прикладного характера, в то время как в теоретических исследованиях мало кто заинтересован, – постольку имеется диспропорция в ее развитии.

Полагаем, нелишне будет еще раз подчеркнуть, что организация сравнительного изучения политики как в теоретическом, так и практическом ракурсах требует достойного финансирования научных исследований, в первую очередь, со стороны государства – научным исследованиям всегда требовалась государственная финансовая поддержка. По характеру финансирования не-сложно определить приоритеты правительства в отношении той или иной отрасли знания, а также уровень заинтересованности в совершенствовании системы политического управления государством, с учетом и на основе научного осмысления позитивного опыта других стран. Слабая востребованность отечественной практической политикой результатов научных исследований в области политической компаративистики также не лучшим образом сказывается на ее состоянии.

#### Примечания

Разумеется, отдельные научно значимые работы в области сравнительного изучения политики выполняются и много рывков. Однако нелицеприятный анализ к теории сравнительного изучения политики в обще-

ствознании явно обозначился лишь в этот период.

- 2 См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории*. М., 1977.
- 3 *Аллен, об. Д.И.* Переносимый закон химических элементов. М., 1934, С.81.
- 4 См.: *Духовы Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 353; *Ольга* // *Немецкая философия* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4.
- 5 См.: *Маль С.* Система логики силлогической и индуктивной. М., 1899.
- 6 См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 1990.
- 7 См.: *Державин Э.* Метод социологии. М., 1991.
- 8 См.: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Избранные произведения*. М., 1990; *Он же.* Основные социологические понятия // Там же.
- 9 См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения*. М., 1990; *Он же.* Хозяйственная этика мировых религий // *Избранные. Образ общества*. М., 1994.
- 10 Цит. по: *Мелконян Э.Т.* Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981. С. 22.
- 11 См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 143–145.
- 12 См.: *Тилле А.А.* Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975. С. 38.
- 13 См.: *Мелконян Э.Т.* Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981.
- 14 См.: *Боруца-Арцтова М.* Методологические проблемы сравнительных исследований в правовых и иных общественных науках // *Сравнительное правоведение*. М., 1987. С. 127.
- 15 См.: *Ольсевич Ю.* «Компаративный анализ» экономических систем и развитой социализм // *Вопросы экономики*. 1981. №8.
- 16 См.: *Сравнительное правоведение*: Сб. ст. М., 1978.
- 17 См.: *Ананий О.И., Гайдар Е.Т.* Сравнительный метод и его использование в исследовании хозяйственных механизмов // *Сравнительный анализ хозяйственных механизмов социалистических стран*: Сб. тр. Вып.15. М., 1984.
- 18 См.: *Тилле А.А.* Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975. С.25.
- 19 См.: *Масленников И.М.* Методологическое значение сравнения в научном познании. Воронеж, 1968. С.43, 56.
- 20 См.: *Браун А.* Политическая наука в СССР. Новый этап развития? // *Отечественная политология: Итоги XX века* (Сб. вступ. тр. М., 2001. С.56–57.
- 21 См.: *Лавин М.* Политическая наука и другие социальные науки // *Политическая наука: новые направления*. Под ред. П.Тулдина и Х.Д.Клигемаса. М., 1999. С. 20.
- 22 См.: *Сидов В.* В чем несовершенство метода? // *Сравнительная социология*: Избранные переводы. М., 1997.
- 23 См.: *Велитерин А.* Десять лет парадигмы ощущения // *Российский Социал.* Т. 3, №1. Зима 2000. С. 198. *Известия*





напомнить для сравнения, что в области естественных и точных наук представляла больший интерес и финансово стимулировалась не столько деятельность молодых исследователей, сколько маститых ученых.

<sup>24</sup> См.: *Льюис Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полсис. 1992. №4.

<sup>25</sup> См.: *Федосеев А.А.* Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л., 1989. С. 151.

<sup>26</sup> См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 16–20.

<sup>27</sup> См.: *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005.

<sup>28</sup> См.: *Хайнрихсон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

<sup>29</sup> См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

<sup>30</sup> См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 1990. (1868) С. 133–171.

<sup>31</sup> См.: *Чижом Д.А.* Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. С. 37–39.

<sup>32</sup> См.: *Баре Д.* Новейшая практика сравнительных исследований // Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 339–352.

<sup>33</sup> См.: *Шварц Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. М., 1977. С. 149.

<sup>34</sup> См.: *Шварц Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. М., 1977. С. 143.

<sup>35</sup> См.: *Довганев М.* Политические партии. М., 2000. С. 278.

<sup>36</sup> См.: *Сабо И.* Теоретические проблемы сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение. М., 1978. С. 54.

<sup>37</sup> *Abdel-Malek.* Civilisations and Social Theory. L., 1981. P. 171–172.

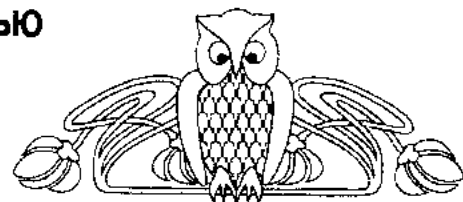
<sup>38</sup> См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С. 214.

УДК 329 (470–571)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ СВЕТСКОСТЬЮ И РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ

В.С. Слобожникова

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: fgsn@info.sgu.ru



В статье показана важность религиозности в современной России как светском государстве, даётся авторское объяснение актуальности этого явления. Рассматривается учет и использование религиозного фактора в современном партийном строительстве страны. Проанализировано отношение к религии и верующим ведущих политических партий. С этой точки зрения изучены их программные документы. Особое внимание уделено политическим партиям, которые используют религиозные идеи в программах и при формировании партийной идеологии.

**Political groups of modern Russia: between community and religiosity**

V.S. Slobozhnikova

The paper shows the importance of religiosity in modern Russia Federation as a secular state, the author's explanation of the vitality of this phenomenon is proposed. Due regard to the religious factor and its usage in party building in the state are considered. The leading political parties attitude to religion and the believers is analyzed.

По Конституции 1993 г. Российская Федерация – светское государство. Однако до новых правил регистрации (перерегистрации) политических партий 2002 г. в России существовали партии, в названиях которых указывалась религиозная принадлежность, а в программных документах некоторых из них религиозная составляющая занимала довольно существенное место, несмотря

на обязательное указание светского характера партии.

Например, Национально-республиканская партия России заявила себя как светская партия, но можно рассматривать ее программу с точки зрения религиозной составляющей. В программе 1992 г. записано, что НРПР признает материалистическое мироощущение, а также исповедание традиционных православных или ведических религиозных воззрений частным и добровольным делом каждого российского гражданина. Вместе с тем национал-республиканцы считают своим долгом решительно прекратить распространение в России изуверских и агрессивно-нетрадиционных сект (хлыстовщина, кришнаитство, сатанизм и т. п.). Они отрицают деление русских людей по классовым, территориальным или вероисповедальным признакам.

В то же время в VII разделе программы партии «Вероисповедание и свобода совести» читаем следующее. Первый параграф этого раздела гласит: «НРПР считает религию стержнем и существенной стороной народной жизни. ... на протяжении веков большинство российских народов исповедовали Православие, что во многом определило их духовно-психологические особенности, характер культуры и повседневной жизни. Поэтому одна из важнейших задач НРПР



напомнить для сравнения, что в области естественных и точных наук представляла больший интерес и финансово стимулировалась не столько деятельность молодых исследователей, сколько маститых ученых.

- <sup>24</sup> См.: *Дэвиса П., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Политик. 1992. №4.
- <sup>25</sup> См.: *Федосеев А.А.* Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л., 1989. С. 151.
- <sup>26</sup> См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С.16–20.
- <sup>27</sup> См.: *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005.
- <sup>28</sup> См.: *Хайтштайн С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- <sup>29</sup> См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- <sup>30</sup> См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 1990. (1868) С. 133–171.

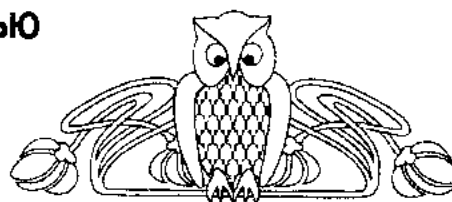
- <sup>31</sup> См.: *Чижом В.А.* Теории сравнительной политологии. В поисках новизны. М., 2001. С. 37–39.
- <sup>32</sup> См.: *Барт Д.* Новые тенденции практики сравнительных исследований // Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 339–352.
- <sup>33</sup> См.: *Шюлер Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. М., 1977. С.149.
- <sup>34</sup> См.: *Шюлер Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. М., 1977. С.143.
- <sup>35</sup> См.: *Довыжко М.* Политические партии. М., 2000. С. 278.
- <sup>36</sup> См.: *Сабо И.* Теоретические проблемы сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение. М., 1978. С. 54.
- <sup>37</sup> *Abdel-Malek.* Civilisations and Social Theory. L., 1981. P. 171–172.
- <sup>38</sup> См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С.214.

УДК 329 (470–571)

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ СВЕТСКОСТЬЮ И РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ

В.С. Слобожникова

Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: fgsn@info.sgu.ru



В статье показана важность религиозности в современной России как светском государстве, даётся авторское объяснение актуальности этого явления. Рассматривается учет и использование религиозного фактора в современном партийном строительстве страны. Проанализировано отношение к религии и верующим ведущими политическими партиями. С этой точки зрения изучены их программные документы. Особое внимание уделено политическим партиям, которые используют религиозные идеи в программах и при формировании партийной идеологии.

**Political groups of modern Russia: between community and religiosity**

V.S. Slobozhnikova

The paper shows the importance of religiosity in modern Russia Federation as a secular state, the author's explanation of the vitality of this phenomenon is proposed. Due regard to the religious factor and its usage in party building in the state are considered. The leading political parties attitude to religion and the believers is analyzed.

По Конституции 1993 г. Российская Федерация – светское государство. Однако до новых правил регистрации (перерегистрации) политических партий 2002 г. в России существовали партии, в названиях которых указывалась религиозная принадлежность, а в программных документах некоторых из них религиозная составляющая занимала довольно существенное место, несмотря

на обязательное указание светского характера партии.

Например, Национально-республиканская партия России заявила себя как светская партия, но можно рассматривать ее программу с точки зрения религиозной составляющей. В программе 1992 г. записано, что НРПР признает материалистическое мироощущение, а также исповедание традиционных православных или ведических религиозных воззрений частным и добровольным делом каждого российского гражданина. Вместе с тем национал-республиканцы считают своим долгом решительно прекратить распространение в России изуверских и агрессивно-нетрадиционных сект (хлыстовщина, кришнаитство, сатанизм и т. п.). Они отрицают деление русских людей по классовым, территориальным или вероисповедальным признакам.

В то же время в VII разделе программы партии «Вероисповедание и свобода совести» читаем следующее. Первый параграф этого раздела гласит: «НРПР считает религию стержнем и существенной стороной народной жизни. ... на протяжении веков большинство российских народов исповедовали Православие, что во многом определило их духовно-психологические особенности, характер культуры и повседневной жизни. Поэтому одна из важнейших задач НРПР



способствовать восстановлению канонической свободы Русской православной церкви. Выдвигаемое требование непременно сочетается с обеспечением свободного развития других конфессий, традиционно исповедуемых народами нашей страны».

Во втором параграфе излагалась желаемая модель государственно-конфессиональных отношений. Конституция утверждала принцип отделения церкви от государства и невмешательства государства в дела церкви. Для последовательной реализации этого принципа предлагалось следующее.

Во-первых, законодательно утвердить право традиционных российских конфессий на независимую от какого-либо вмешательства хозяйственную и финансовую деятельность, не облагаемую налогами.

Во-вторых, в государственных системах народного образования исключить прямое или косвенное преподавание атеизма. Атеистическая пропаганда должна быть отделена от государства и объявлена частным делом граждан.

В-третьих, государственные учреждения, чья деятельность направлена на развитие атеистической пропаганды или разработку атеистических доктрин, должны быть закрыты и расформированы. Собственность и финансы этих учреждений поступают в долевое использование министерств народного образования и здравоохранения Российской империи.

В-четвертых, главные религиозные праздники Русской православной церкви объявить всенародными праздниками и нерабочими днями. В районах национальных культурно-хозяйственных автономий указанное требование распространяется и на главные праздники других традиционных конфессий.

В-пятых, в представительских учреждениях земской власти всех уровней должно быть квотировано определенное число мест для представителей, избираемых от РПЦ, других традиционных российских конфессий<sup>1</sup>.

Приведенные положения из программы Национально-республиканской партии России ярко иллюстрируют использование религиозных идей политической партией. Вообще, в партийном строительстве 1990-х гг. широко использовались не только православные, но и идеи других конфессий.

Так как данная проблема не является предметом нашего специального изучения, отметим только, что на сегодняшний день существует уже насыщенная, самостоятельная история христианского партиестроительства в России. «Старые» христианско-демократические партии и движения появились в России в результате торжественной «перестройки», к настоящему времени либо распались, либо утратили сколько-нибудь существенное влияние на светское общество и, как правило, ограничиваются благотворительностью и предпринимательством.

С середины 1990-х гг. на первый план вышли новые организации, более четко ориентированные на взаимодействие с церковными структурами и реальное участие в деятельности органов власти. Наблюдались определенное противостояние Всероссийского христианского союза (ВХС), Совета христианских организаций (СХО) с одной стороны, и «России православной» и «Союза православных граждан», с другой.

Активизация православных организаций являлась результатом сотрудничества светских и церковных деятелей. В качестве примера можно привести деятельность Всемирного русского народного собора, который считается детищем митрополита Кирилла. Собор в 1993 г. провозгласил православие «фундаментом нашей цивилизации и государственной идеей» России<sup>2</sup>.

III Всемирный русский народный собор (декабрь 1995) заложил организационные основы ВРНС как главной политической структуры Русской православной церкви, призванной занять особое, привилегированное место в системе отношений между государством и обществом, выступать перед официальными гражданскими властями и представителями партий в качестве выразителя интересов всего населения страны<sup>3</sup>.

Специалисты отмечают, что многие организации православных мирян тяготеют к ультранационалистическим позициям, однако, учитывая поддержку части церковных руководителей, а также политиков и бизнесменов, заинтересованных в возврате к жестким методам управления государством, имеют шансы стать реальной политической силой, с которой придется считаться самым крупным светским партиям<sup>4</sup>.

Определенным рубежом в использовании религиозных идей в партийном строительстве стал новый закон о политических партиях 2002 г.

В современной России в соответствии с Основным законом нашего государства светскость является одним из критериев при регистрации политических партий Министерством юстиции РФ. В соответствии с п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях» 2002 г., организации может быть отказано в государственной регистрации (и перерегистрации) в качестве общероссийской политической партии, если в ее названии или документах наличествуют признаки эθνической, религиозной или профессиональной принадлежности.

Руководствуясь положениями нового закона, ряду партий было отказано в регистрации, то есть в праве существовать в ранге официальных общероссийских политических партий. Так, в июле 2002 г. Минюст отказал РХДП (Российской христианско-демократической партии) в перерегистрации в связи с ее конфессиональным характером.

На внеочередном съезде РХДП 5 октября 2002 г. партия была вынуждена переименоваться во Всероссийскую Великодержавную партию



(ВВП) в связи с отказом Министерства юстиции зарегистрировать партию под ее прежним названием<sup>6</sup>. Но и новое название потребовало объяснения. По словам сотрудников пресс-службы, наличие слова «великодержавная» в новом названии «не содержит никакого отрицательного смысла» и не означает, что партия будет «при-теснять другие народы». Слово употреблено в значении, указанном в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля: великодержавный – «владелец великой, обширной территории»<sup>6</sup>.

В конце 2002 г. попытку зарегистрироваться предприняли еще две христианские партии со сходными программными установками: Российская православная партия (РПП) и Православная партия России (ППР)<sup>7</sup>. Так или иначе в списке всероссийских политических партий, зарегистрированных Министерством юстиции на декабрь 2004 г., нет ни одной христианской партии.

Только за год после вступления в силу закона «О политических партиях» министерство юстиции отказало в регистрации по разным причинам 10 партиям. В интервью РИА «Новости» замминистра юстиции еще раз напомнил, что закон запрещает в названиях партий указывать какую-либо религиозную принадлежность. В частности, этим он объяснил отказ в регистрации христианско-демократической партии<sup>8</sup>.

В то же время достаточно активно в современной России проходит партийное строительство на исламской основе. Министерство юстиции зарегистрировало общероссийскую политическую общественную организацию Исламская партия России, которая поставила перед собой задачу внесения в общественное сознание и бытие ценностей исламской системы мировоззрения. Лидер партии откровенно признался, что это партия мусульман России. Исламская идеология в программных документах партии объявляется лучшей для гражданского общества<sup>9</sup>.

По всей видимости, при регистрации политических партий в Министерстве юстиции не последнюю роль играет способность партийных лидеров и идеологов убедить чиновников в праве на существование. А это, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии четкого понятия «религия» и четких критериев отказа партиям в регистрации, несмотря на закон. Так, лидерам Исламской партии России при регистрации удалось доказать, что ислам – это не религия, а культура и образ жизни, что именно в этом нерелигиозном смысле используется слово «исламская» в названии этой общественно-политической организации.

Изучение программ политических партий показало, что практически обязательными в них стали заявления о неприятии религиозного экстремизма. И это вполне логично, так как официально современная Россия – светское государство.

Однако некоторые исследователи относят наше государство к категории quasi-теократи-

ческих. Правда, основанием для такого вывода стал анализ российской модели государственно-конфессиональных отношений. Не будем глубоко останавливаться на этой проблеме. Отметим только, что вопросы партийного строительства могут найти свое место в рамках обсуждаемой проблематики.

Абсолютно очевидно, что современная Россия – многоконфессиональная страна. Последнее время религиозность россиян стала предметом пристального внимания научного сообщества. Широко распространено мнение о «религиозном ренессансе в современной России». Однако ряд серьезных исследователей достаточно скептически относится к данному утверждению<sup>10</sup>.

Тем не менее, факты упрямая вещь. Например, на круглом столе «Историческая память населения России», состоявшемся в 2002 г., были приведены следующие данные об отношении к религии. Верующими и соблюдающими религиозные обряды во время социологического опроса признали себя 11,7 % россиян. 53,5% считают себя верующими, хотя не соблюдают религиозные обряды. Безразлично относятся к религии только 5,3%. Убеденными атеистами себя назвали 5,3%. Затруднились определить свое отношение к религии 9,7%<sup>11</sup>. О своей принадлежности к той или иной конфессии в 2003 г. заявили 60,5 %<sup>12</sup>. По данным исследовательского центра РОМИР с православием в России себя отождествляют 73,6 % респондентов, у ислама 4% приверженцев, 3,2 % респондентов принадлежат к нетрадиционным религиям<sup>13</sup>.

В современной России действует 69 религиозных направлений. В 2003 г. по данным Министерства юстиции в стране зарегистрировано 21 448 религиозных организаций, 137 духовных образовательных учреждений, 506 монастырей и подворий<sup>14</sup>.

Что касается ситуации в нашем регионе, то представительство конфессий в городе Саратове с 1996 по 2003 г. увеличилось с 36 до 105, а всего в 2003 г. в городе действовало 128 религиозных организаций<sup>15</sup>.

Таким образом, для утверждения, что в современной России не существует проблемы религиозности населения как таковой, оснований нет. Можно, если в этом есть необходимость, спорить о степени ее распространенности, уровне и содержании.

На наш взгляд, достаточно широко заявляющая о себе религиозность объясняется несколькими причинами:

во-первых, это активизация самих религиозных организаций и объединений на фоне демократизации общественных процессов, их соревнование за влияние на население;

во-вторых, этому способствует сложная ситуация в стране, и потребность людей в поиске новых форм социализации и защищенности. Всем хорошо известна существующая проблема



бедности, не говоря уже об уровне психического здоровья населения;

в-третьих, не последнюю роль в этом процессе играет идеологический и политический плюрализм, отсутствие четко сформулированной государственной идеологии, стремление политических сил получить поддержку религиозного электората в ходе избирательного процесса.

Таким образом, религиозность населения современной России – это реально существующий факт, с которым нельзя не считаться. Для активных же участников политического процесса – это вызов времени. Как же на него отвечают политические партии?

Лицом к религиям и верующим, в большей или меньшей степени реагируя на современную ситуацию, повернулись практически все партии.

Так, «Союз правых сил» (СПС) в разделе программы «Вызов правам личности со стороны этнических и религиозных кланов» заявляет, что в современной России бытует практика ущемления личных прав и свобод путем введения привилегий для отдельных этнических и религиозных групп. Наблюдается и тенденция к превращению отдельных религиозных конфессий едва ли не в государственные учреждения, что означает прямое посягательство как на свободу совести самих верующих, так и на права и свободы всех граждан страны.

В ответ на это абсолютно светская партия так формулирует свое отношение к вере: «Мы с равным уважением относимся ко всем религиям и Церквям на территории нашей страны. И мы убеждены, что мирное совместное проживание всех российских народов и всех верующих (равно как и неверующих) может быть обеспечено только в том случае, когда мы все соглашаемся в каждом из наших сограждан прежде всего признавать человеческую личность, обладающую неотъемлемыми правами и свободами»<sup>16</sup>.

Эти слова не просто декларация, а реальная позиция этой политической партии. Например, бывший депутат от СПС Сергей Ковалев заявил, что претензии православной церкви на участие в школьном образовании прямо противоречат конституции, он же выразил недоумение по поводу того, что православное Рождество отмечается как государственный праздник. Борис Немцов, выступая на страницах «НГ», заметил: «Россия – многонациональное и многоконфессиональное государство. Власть должна обеспечивать свободу совести и вероисповедания и равенство всех представленных конфессий»<sup>17</sup>.

Близкую по духу позицию занимает «Яблоко». В своей программе эта партия призывает, с одной стороны, к солидарности и единению людей разных вероисповеданий, а с другой – к взаимодействию с «традиционными» религиями. И все же «Яблоко», по мнению некоторых исследователей, принципиально не играет на религиозном поле, что, кстати, отмечено и в ее программе.

Партия «против попыток использования некоторыми политиками и чиновниками Церкви в своих политических интересах»<sup>18</sup>.

Ярким примером необходимости для политических партий определиться между светскостью и религиозностью стали решения X съезда КПРФ, проходившего в июле 2004 г. Так, лидер партии Г.А. Зюганов в Политическом отчете ЦК заявил, что именно «КПРФ является партией, наиболее последовательно отражающей интересы труженников, интересы верующих граждан». Сегодня КПРФ, зачастую единственная из политических партий, противопоставляет инициативам власти, вызывающим возмущение верующих<sup>19</sup>.

Право только КПРФ представлять интересы верующих Зюганов объяснил несколькими причинами.

Во-первых, для лидера коммунистов очевидно, «что определенная часть церковных организаций и иерархов остается демонстративно глухой к нашим призывам объединить усилия в борьбе за страну, за национальные традиции и духовность во имя будущего России».

Во-вторых, «верующие люди разделены на эксплуататоров и угнетенных точно так же, как и атеисты». Именно к этой части верующих (угнетенных) партия и обращается.

В Политическом отчете обозначены основы возможного взаимопонимания и основные проблемы совместного выступления с религиозными организациями и объединениями. Это «защита нравственности и морали, защита русского языка, защита здоровья нации, забота о материнстве и детстве». «Наконец, для нас, – говорил Зюганов на съезде, – как и для любого достойного гражданина, священен труд. Защитить труд и труженника. Дать твердые гарантии занятости и достойной жизни. Поднять человека труда на пьедестал общественного уважения и дать ему возможность решать свою судьбу...»<sup>20</sup>.

В заключение рассмотрения этой проблемы было заявлено, что коммунистической партии предстоит здесь очень большая работа, и высказывалось убеждение, что сама жизнь заставит КПРФ и религиозных деятелей найти такие формы взаимодействия, без которых ни коммунисты, ни верующие не смогут обойтись, решая жизненно важные проблемы сбережения нации, ее духовного возрождения<sup>21</sup>.

Как свидетельствует ее практическая деятельность, КПРФ активно демонстрирует свои симпатии к «традиционным» религиям. Ее представители лоббировали интересы православия в межфракционном депутатском объединении «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей» (МДО), а лидер партии опубликовал брошюру «Вера и верность. Русские православие и проблемы возрождения России». Кроме того, член партии Василий Шавлыбин совместно с лидером ЛДПР Владимиром Жириновским еще в Думе прошлого созыва выступил с законопроек-



том по поводу «традиционных» религий России, в список которых включались только православие и ислам. Сегодня КПРФ считает, что вера в Бога вполне совместима с членством в Коммунистической партии<sup>22</sup>.

Политические партии находятся на определенном распутье, существует реальная потребность выбирать или поддерживать какую-нибудь церковь и религию, или выражать интересы всех верующих. О существовании этого противоречия в партийной деятельности ярко свидетельствует позиция ЛДПР.

Эта партия в прошлом занимала достаточно четкую проправославную позицию, выдвигая и поддерживая соответствующие законопроекты. Владимир Жириновский даже выпустил брошюру «Православный бастион».

Возникновение новой цивилизации в будущем лидер ЛДПР рассматривал через призму православия. В этой модели именно православные, по его мнению, могут стать новым богоизбранным народом. Новая общность может возникнуть через создание православного «коридора», в который войдут 8 стран: Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция. Православие, с его точки зрения, может стать основой нашей солидарности, единства. Формирование общности начнется с оказания помощи друг другу в экономической сфере, и в политической, моральной, да и в военной. А далее В.В. Жириновский выстраивал глобальные планы, которые непосредственного отношения к рассматриваемой проблеме не имеют.

Задача создания новой цивилизации обсуждалась конкретно XII съездом Либерально-демократической партии России. Ее лидер, с присущим ему энтузиазмом, рассказывал о собственном активном участии в этом процессе, и даже обратился с письмом к президенту России с предложением придать православию статус государственной религии, предложил ввести понятие «православный гражданин России», и всем указывать в паспортах вероисповедание — православный, мусульманин, иудей, буддист и т.д. Тогда, по его мнению, 90% граждан России запишутся как православные, это и будет база для единения<sup>23</sup>.

Однако в последнее время позиция В.В. Жириновского стала более расплывчатой. Еще несколько лет назад Владимир Вольфович сделал несколько высказываний, указывающих на то, что его симпатии к «традиционным» религиям не носят фатального характера: например, он заявил, что князь Владимир выбрал религию по дешевке, многие священники — казнобшники, а также, что он горячо симпатизирует пятидесятникам. В брошюре «ЛДПР» говорится о положительной роли религии, однако никакая конкретная религия не упоминается, речь идет о некоем синтезе «самого лучшего» из всех вероисповеданий<sup>24</sup>.

Вообще складывается впечатление, что будущее развитие человеческой цивилизации

лидер ЛДПР рассматривает сквозь призму религий. Не будем более подробно останавливаться на глобальных планах Владимира Вольфовича Позагаем, что сказанного выше вполне достаточно для рассмотрения проблемы об ориентации политических партий между светскостью и религиозностью.

Как показывает опыт ЛДПР, при любом раскладе партии должны определиться между светскостью и религиозностью и между религиями и церквями. В любом случае потери неизбежны. Поддерживая конкретную религию партия теряет остальной религиозно-ориентированный электорат. Призывы же ко всем верующим при четкой религиозной ориентации избирателей, на наш взгляд, бесперспективны с точки зрения завоевания электората.

Одной из самых актуальных проблем выстраивания современной российской модели государственно-конфессиональных отношений является деление религий на традиционные и нетрадиционные и классификация той или иной религии с этих позиций. Как это отражается на деятельности политических партий и на партийном строительстве?

Об актуальности этой проблемы для современных политических партий свидетельствует тот факт, что некоторые исследователи сегодня определяют рейтинг политических партий во многом степенью активности в лоббировании интересов «традиционных» религий<sup>25</sup>.

Наиболее последовательной в этом плане является позиция Народной партии, регулярно вносящей в Государственную Думу прошлого созыва законопроекты именно с этих позиций. Она же выступила инициатором создания МДО. Кстати, в этом объединении депутаты «Народной партии» составили почти треть его членов. В предложенном Народной партией новом календаре число православных общегосударственных праздников сильно возросло, хотя и общегосударственное празднование православного Рождества вызывает возражение ряда партий, которые считают его сомнительным с точки зрения свободы вероисповедания.

Серьезно разыгрывает карту «традиционных» религий и альянс Евразийской партии и Союза патриотов России, проведя уже не один круглый стол на тему выборов и религиозных конфессий. Необходимо отметить и Всероссийскую великодержавную партию с Александром Чусвым во главе. Лидер партии известен прежде всего своими законопроектами в поддержку «традиционных» религий<sup>26</sup>.

Нередко «традиционные религии» используются как фундамент в партийном строительстве. Так, 21-22 декабря 2002 г. в Москве прошел учредительный съезд Национально-консервативной партии России (НКПР). В выступлениях делегатов, принявших единогласное решение о создании партии, выразилось убеждение, что основное



государственное строительство должно вестись на фундаменте православия, в условиях корпоративного согласия всех политических и общественных сил, институтов народного самоуправления и церкви, в целях возрождения империи с мощным общенародным и самодержавным вождем<sup>27</sup>.

Подобные заявления с небольшими отличиями характерны для партий патриотической ориентации. Судите сами: сайт в Интернете Народно-патриотической партии России (НППР) начинается с обращения высокопреосвященнейшего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна: «Молюсь об этом крепко и крепко верю, Россия воспрянет и возродится...». Программа партии ставит задачи: воссоздать «Великую Россию» и противостоять нынешнему национализму, хаосу и разрухе, предательству национальных интересов. Основными принципами партии декларированы патриотизм, народовластие, справедливость, духовность, державность. В ряду политических задач выдвинута государственная поддержка русской православной веры и других традиционных религий (ислам, буддизм). Одновременно предлагается решительно пресекать всякую попытку религиозной экспансии из-за рубежа, в каких бы формах она ни осуществлялась. В духовно-нравственной области ввиду большого разнообразия официально действующих религиозных конфессий и философских учений, многонационального характера российского государства Народно-патриотическая партия России признает свободу вероисповедания и будет добиваться «возвращения святынь верующим». В области межнациональных отношений НППР считает, что Россия является единой, неделимой, многонациональной и многоконфессиональной державой.

Все эти заявления о многоконфессиональности противоречат символике партии, выражающей явно православный характер. Эмблема партии состоит из колокола и вписанного в него силуэта памятника Минину и Пожарскому. Эти символы олицетворяют призыв к движению по возрождению, единению и созиданию «Великой России». Круг – символ вечности, поэтому эмблема имеет форму круга, то есть вечной России. Внизу аббревиатура – НППР (золотого цвета), как бы звучащий язык колокола, набат, собирающий и объединяющий народы России на основе идеи патриотизма в целях созидания достойной жизни и сохранения окружающей среды во имя будущих поколений. Колокол – белого (серого) цвета (символ Божественной чистоты, цвет Георгия Победоносца)<sup>28</sup>.

Как свидетельствует приведенный выше и изученный нами материал, среди политических партий современной России, несмотря на закон о партиях, существуют и такие, которые откровенно заявляют о своей религиозной ориентации в названии, в идеологии, программных

документах. Как правило, это партии христианской, православной и исламской ориентации. Подробно на них остановиться не позволяют ограниченные рамки статьи; кроме того, у этих партий изначально, как нам кажется, не ставилась задача выбора между светскостью и религиозностью. Главная задача для них – быть зарегистрированными и занять место в ряду официально существующих, получив право на легальную, разрешенную деятельность.

Можно понять активность верующих людей, убежденных в спасительности их веры для России и ее населения. Но привлекательность религиозных идей создает соблазн манипулирования для политтехнологов. Пожалуй, одним из самых ярких примеров специального включения религиозных ценностей в идеологию партии и использование их как основы партийного строительства стало создание Объединенной российской партии (ОРП) «Русь» (шпичечные колосья и виолончельный кестер – символы «нового патриотизма») <sup>29</sup>.

Ее предшественница была основана в 1992 г. называлась Российской партией стабильности (РСИ), под этим названием она и прошла перерегистрацию в Минюсте после выхода нового закона о партиях. РСИ придерживалась непопулярных сегодня либеральных взглядов. В марте 2003 г. партия была официально переименована в ОРП «Русь», а ее идеологией стал ярко выраженный патриотизм с «русской» основой.

Один из лидеров Народной партии Валерий Гальченко полагает, что ОРП «Русь» можно рассматривать как «бизнес-проект». По словам политика, «этим проектом руководит Кошмаров, и он сможет неплохо продать этот проект». Сам политтехнолог вошел в состав политсовета новой партии под фамилией Трубецкой. Лидеры «Руси» малоизвестны не только в большой политике, но и в националистической «тусовке», где проект создания этой партии считают результатом усилий администрации президента.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что опыт «Руси» необычен для современной российской политики. Специалисты считают, что речь идет не о создании партии под конкретного лидера (хотя, похоже, что первоначально планировалось идти именно таким путем), а о формировании и активной «раскрутке» структуры, которую затем можно наполнить кадровым содержанием. Кроме того, проект позволяет заполнить идеологическую нишу, в настоящее время недостаточно подконтрольную Кремлю, «встроив» в нее не частично (как было раньше), а полностью управляемую структуру. Можно сказать, что идет процесс «партистроительства под ключ» для возможных клиентов. Более того, впервые во главе руководства (возможно, промежуточного) партии стоят профессиональные специалисты в области пиара. Публичным лицом партии является глава исполкома Игорь Титов, который был одним из консультантов движения «Наш дом – Россия», с



1996 г. возглавлял Центр избирательных технологий исполкома ИДР.

Вера в могущество политтехнологий ярко проявляется в партийном строительстве «Руси». Используются и массированная реклама, и выдвижение нескольких простых и популистски выигрышных идей. Задача партии — перехват электоральных симпатий русских националистов, которых стремятся «окучить» различного рода маргинальные политические силы, среди которых немало ярко выраженных экстремистов (избирательное объединение «Спас», баркашовское «Русское национальное единство», Национально-державная партия) и с которыми власть пыталась, но так и не выстроила отношения.

«Русь», организованная политтехнологами-прагматиками, основной общественно-политической миссией считает «возрождение духа нации для построения в России справедливого и безопасного общества», защиту интересов титульной нации. Фактически, «русский» в этом контексте аналогичен «россиянину», а «русский» тождествен определению «православный». Лидеры партии Титов и Трубецкой значатся в числе авторского коллектива нового «православно-просветительского проекта» «Великая Русь. Правда и вымысел». Пока что все пиаровские усилия лидеров и технологов (в одном лице) «Руси» приводят к более чем скромному результату. По данным ВЦИОМа за июль и август 2003 г., партия пользовалась поддержкой менее чем 1% россиян.

Одной из закономерностей политической жизни современной России стала напряженная борьба за электорат, в том числе религиозный, особенно по мере приближения выборов. О важности религиозного фактора в предвыборной борьбе ярко свидетельствует деятельность партий и объединений накануне выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 2003 г.<sup>30</sup>

В борьбе за религиозный электорат исследователи уже выделяют определенные этапы. Сначала «обработке» подверглись, в основном, члены Русской православной церкви. Затем кто-то из политтехнологов заметил, что в России живут не только православные, поэтому «атаковать» стали представителей других так называемых «традиционных» религий: ислама, буддизма, иудаизма. Теперь неохваченными остались только «нетрадиционные» верующие<sup>31</sup>.

Верующие люди и конфессии, с четко определенной системой взглядов и четко идентифицированные, не вписываются в логику политических лидеров, которые стремятся привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. Это предопределило появление новой тенденции в использовании религиозного фактора в политической борьбе и партстроительстве.

Так, один из лидеров Национально-республиканской партии России Н. Лысенко в 2003 г., рассказывая о своих политических и религиозных

предпочтениях, предложил создать «альянс коренных народов России, стоящих на традиционных ортодоксальных этнорелигиозных позициях», что подразумевает объединение православных и мусульман. Ранее же этот политический деятель стоял строго на православных позициях<sup>32</sup>. Как было показано выше, в рамках существующих конфессий «тесно» и лидеру Либерально-демократической партии В. В. Жириновскому.

Таким образом, религиозный ренессанс современной России можно считать политической реальностью. Учет религиозного фактора в политике, в партийном строительстве, в избирательной борьбе сегодня является необходимым и важным моментом общественно-политической жизни. Политические партии в этой ситуации вынуждены определяться между светскостью и религиозностью. Как показало изучение программных документов партий, нет ни одной, которая бы игнорировала эту проблему.

В партийном строительстве наиболее активно идет обращение к христианским, в большей степени православным, и исламским идеям. Многие политические деятели проявляют заинтересованность в сотрудничестве с Русской православной церковью.

На наш взгляд, создание действительно религиозных альянсов, объединений под руководством какой-либо политической партии, нереально, по крайней мере в просматриваемой перспективе. Полагаем, что ни одна влиятельная конфессия не захочет связывать себя только с одной из партий.

Религиозные объединения и организации, по своей сути, достаточно автономны, они обладают широким арсеналом средств влияния на население, особенно на верующих. Сама вера, религия и церковь как организация станут определенным барьером в деятельности политических партий. С религиозностью нужно считаться, с ней можно, иногда даже успешно, заигрывать, но ею нельзя безгранично манипулировать.

Процесс партийного строительства, несмотря на законодательные ограничения, будет продолжаться. Привлекательность же религиозных идей и далее, по нашему мнению, будет активно использоваться как политическими партиями, так и отдельными лидерами. Это создаст возможность, с их точки зрения, разговаривать с народом на понятном ему языке ценностей. Кроме серьезного и бережного обращения политических партий с религиозными идеями, мы не раз будем свидетелями создания и деятельности псевдорелигиозных объединений.

#### Примечания

<sup>1</sup> <http://old.polit.ru/documents>

<sup>2</sup> См.: I Всемирный русский собор. М., 1993. С. 132.

<sup>3</sup> См.: III Всемирный русский собор. М., 1995.

<sup>4</sup> <http://www.religio.ru>





- <sup>5</sup> Однако, партия не отказалась от борьбы за старое название и не отозвала из суда свой иск.
- <sup>6</sup> См.: Партийный сайт: <http://www.ldpr.ru>
- <sup>7</sup> Корсуняк Ю. Современная российская многопартийность // [www.polit.ru](http://www.polit.ru)
- <sup>8</sup> <http://www.rian.ru>; <http://scandal.ru>
- <sup>9</sup> Партийный сайт: <http://www.ipr.party.ru>
- <sup>10</sup> См., например: Кааррайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верования: религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. проф. К. Кааррайнена и проф. Д.Е. Фурмана. Гл. 1. СПб.; М., 2000. С. 7-48.
- <sup>11</sup> Историческая память населения России: Материалы круглого стола в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 20 нояб. 2001 г. // Отечественная история. 2002. № 3. С. 200.
- <sup>12</sup> НГ-Религии. 2000. 12 янв.; 2003. 20 авг.
- <sup>13</sup> См. подробнее: Религии народов современной России: Словарь. М., 1999; [www.voox.narod.ru](http://www.voox.narod.ru)
- <sup>14</sup> Религиозные объединения города Саратова: Краткий справочник. Саратов, 2004. С. 13-18.
- <sup>15</sup> Там же. С. 146-151.
- <sup>16</sup> См. подробнее: Программа политической партии «Съюз

- правых сил» (Российский либеральный манифест): Приложение №7 к протоколу Съезда ОПО «Политическая партия «Съюз правых сил» 14 дек. 2001 г. // <http://www.budget.fpsy.ru>; Россия перед вызовами XXI века. М., 2002
- <sup>17</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>18</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>19</sup> Политический отчет ЦК КПРФ X съезду Коммунистической партии Российской Федерации // <http://forum.tsk.ru>
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>23</sup> <http://www.ldpr.ru>
- <sup>24</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>27</sup> <http://olmer1.newmail.ru>
- <sup>28</sup> <http://www.nps-rt.ru>
- <sup>29</sup> См. подробнее: <http://politcom.ru>
- <sup>30</sup> См., например: НГ-Религии. 2003. 1 окт., 3 дек.
- <sup>31</sup> См.: НГ-Религии. 2003. 2 июля; <http://www.ng.ru>
- <sup>32</sup> См.: <http://portal-credo.ru>

УДК 32: 130.3

## ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.И. Шестов

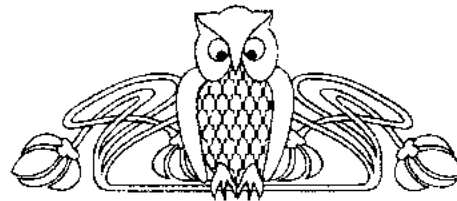
Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: [fgsn@info.sgu.ru](mailto:fgsn@info.sgu.ru)

В публикации исследуются возможности применения политико-мифологических конструкций массового сознания для решения различных проблем политологического анализа процессов государственного и общественного развития. Рассматриваются политико-мифологические предпосылки приобретения и удержания власти политической элитой. Делается вывод, что использование историко-политических мифов для оценки внутренней механики властных отношений позволяет объяснить противоречия в политической жизни, необъяснимые в иных исследовательских ракурсах.

### Historical myth in the structure of modern politological researchment

N.I. Shestov

The paper explores the possibilities of utilization of politico-mythological constructions of mass consciousness for solving various problems of the politological analysis of state and social development. Politico-mythological premises of coming to and remaining in power of the political elite are considered. A conclusion was drawn that the usage of historico-political myths to assess the internal machinery of power enables contradictions in the political life to be explained, otherwise unexplainable.



Современное взаимоотношение российских политической и исторической наук напоминает «единство и борьбу противоположностей». Политической науке трудно оставить без внимания при построении своих оценок и прогнозов более чем тысячелетнюю и очень специфическую эволюцию качества тех общественных и государственных институтов, которые она изучает. Но и включение в структуру политологического анализа исторической конкретики рождает проблему. Как соблюсти оптимальный баланс аналитических процедур, к доминированию которых стремится политология, и описательных, доминирующих в собственно исторических исследованиях? В какой форме и какого качества допустимо присутствие исторического материала, чтобы оно не меняло политологической природы научного анализа?

Политико-мифологический ракурс, в определенной мере, разрешает эту проблему. Здесь необходимо одно уточнение. Речь идет об «исторических» мифах, то есть стереотипных и эмоционально окрашенных оценках политической реальности в прошлом и настоящем, возникших



- <sup>5</sup> Однако, партия не отказалась от борьбы за старое название и не отозвала из суда свой иск.
- <sup>6</sup> См.: Партийный сайт: <http://www.ldpr.ru>
- <sup>7</sup> Корсуняк Ю. Современная российская многопартийность // [www.polit.ru](http://www.polit.ru)
- <sup>8</sup> <http://www.gian.ru>; <http://scandaly.ru>
- <sup>9</sup> Партийный сайт: <http://www.ipr.party.ru>
- <sup>10</sup> См., например: Кааррайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верования: религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. проф. К. Кааррайнена и проф. Д.Е. Фурмана. Гл. 1. СПб.; М., 2000. С. 7-48.
- <sup>11</sup> Историческая память населения России: Материалы круглого стола в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 20 нояб. 2001 г. // Отечественная история. 2002. № 3. С. 200.
- <sup>12</sup> НГ-Религии. 2000. 12 янв.; 2003. 20 авг.
- <sup>13</sup> См. подробнее: Религии народов современной России: Словарь. М., 1999; [www.voox.narod.ru](http://www.voox.narod.ru)
- <sup>14</sup> Религиозные объединения города Саратова: Краткий справочник. Саратов, 2004. С. 13-18.
- <sup>15</sup> Там же. С. 146-151.
- <sup>16</sup> См. подробнее: Программа политической партии «Съюз

- правых сил» (Российский либеральный манифест); Приложение №7 к протоколу Съезда ОПОО «Политическая партия «Съюз правых сил» 14 дек. 2001 г. // <http://www.budget1f.nsu.ru>; Россия перед вызовами XXI века. М., 2002
- <sup>17</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>18</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>19</sup> Политический отчет ЦК КПРФ X съезду Коммунистической партии Российской Федерации // <http://forum.tsk.ru>
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>23</sup> <http://www.ldpr.ru>
- <sup>24</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- <sup>27</sup> <http://olmer1.newmail.ru>
- <sup>28</sup> <http://www.nps-rt.ru>
- <sup>29</sup> См. подробнее: <http://politcom.ru>
- <sup>30</sup> См., например: НГ-Религии. 2003. 1 окт., 3 дек.
- <sup>31</sup> См.: НГ-Религии. 2003. 2 июля; <http://www.ng.ru>
- <sup>32</sup> См.: <http://portal-credo.ru>

УДК 32: 130.3

## ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.И. Шестов

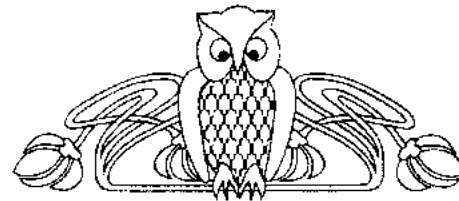
Саратовский государственный университет,  
кафедра политических наук  
E-mail: fgsn@info.sgu.ru

В публикации исследуются возможности применения политико-мифологических конструкций массового сознания для решения различных проблем политологического анализа процессов государственного и общественного развития. Рассматриваются политико-мифологические предпосылки приобретения и удержания власти политической элитой. Делается вывод, что использование историко-политических мифов для оценки внутренней механики властных отношений позволяет объяснить противоречия в политической жизни, необъяснимые в иных исследовательских ракурсах.

### Historical myth in the structure of modern politological researchment

N.I. Shestov

The paper explores the possibilities of utilization of politico-mythological constructions of mass consciousness for solving various problems of the politological analysis of state and social development. Politico-mythological premises of coming to and remaining in power of the political elite are considered. A conclusion was drawn that the usage of historico-political myths to assess the internal machinery of power enables contradictions in the political life to be explained, otherwise unexplainable.



Современное взаимоотношение российских политической и исторической наук напоминает «единство и борьбу противоположностей». Политической науке трудно оставить без внимания при построении своих оценок и прогнозов более чем тысячелетнюю и очень специфическую эволюцию качества тех общественных и государственных институтов, которые она изучает. Но и включение в структуру политологического анализа исторической конкретики рождает проблему. Как соблюсти оптимальный баланс аналитических процедур, к доминированию которых стремится политология, и описательных, доминирующих в собственно исторических исследованиях? В какой форме и какого качества допустимо присутствие исторического материала, чтобы оно не меняло политологической природы научного анализа?

Политико-мифологический ракурс, в определенной мере, разрешает эту проблему. Речь идет об «исторических» мифах, то есть стереотипных и эмоционально окрашенных оценках политической реальности в прошлом и настоящем, возникших



в массовом сознании по ходу естественного взаимодействия участников политического процесса и потому отражающих некоторые качественные состояния этого массового сознания как одного из постоянных факторов политики. Это содержание в историческом мифе, собственно, и представляет бесспорный интерес для политической науки и, соответственно, бесспорное основание для включения мифологического осмысленного обществом исторического материала в структуру политологического анализа.

Мифы, представляющие собой политотехнологические «новоделы» и планомерно ориентированные на возбуждение в массовом сознании определенных реакций, имеют свою особенность, даже в случае, когда для их конструирования использованы исторические символы и понятия. Они отражают намерение политической элиты внести изменения в сложившееся естественным порядком качество массового сознания. Это намерение тоже представляет интерес для политической науки, но, прежде всего, в качестве конкретного обнаружения укорененной в сознании интеллектуальной элиты мифологической уверенности в своей «руководящей и направляющей функции» в идеологическом процессе и в политике.

Исторические мифы не представляют собой объективные факты, требующие применения к ним описательных процедур. Но они и не являются в чистом виде категориями, отстраненными подобно многим политологическим категориям от реального содержания национально государственного политического опыта. Скажем, историческая мифология российской государственности, включенная в структуру политологического анализа, не требует воспроизведения событийной канвы эволюции государственных институтов. В то же время она очень точно фиксирует качественное состояние политических связей и отношений в политическом пространстве России, как в прошлом, так и настоящем. И это существенный мотив, легитимирующий присутствие исторических мифологем в структуре политологического рассуждения.

Но, пожалуй, самым существенным стимулом политологического интереса к исторической мифологии является то, что она способна помочь в решении некоторых сложных задач, усовершенствовать процедуру анализа и повысить ее корректность. Как и любая наука, политология имеет свои внутренние ограничения, связанные с мифологическим, по сути (мифологический компонент присущ и научному знанию в неменьшей степени, чем другим формам знания), восприятием некоторых важных категорий, процессов. Скажем, возникновение государственных институтов априори воспринимается в ракурсе прогрессирования качества политической системы.

Государство возникло и подчинило себе общество потому, что оно, несомненно, было прогрессивнее и эффективнее в решении анало-

гичных задач, в сравнении с родоплеменными институтами. Но это «несомненно» как раз и представляет собой некий стереотип, некоторый научный миф, рожденный сознанием современного политолога. Для современников рождения государственной формы ее преимущества перед прежним родовым укладом были вовсе не очевидны. Каким образом тогда, если обратиться к примеру российской государственности, контроль над восточно-славянским морем родоплеменных отношений, над формирующимися военно-политическими союзами, мог оказаться в руках не просто малочисленной, а еще и инокультурной скандинавской политической элиты?

Классическое утверждение, что государственная элита осуществляет свое господство, опираясь на насилие над обществом, может быть и верно для уже сложившихся политических систем, но его применение для объяснения механизма перехода от родоплеменного военного союза к государственной системе абсурдно. При всей своей бесовитости, несколько сотен варягов, обитавших в торговых факториях вдоль Волхово-Днепровского пути, не были в состоянии учинить насилие над хорошо, по понятиям того времени, организованными и вооруженными дружинами славянских родов и племен. Значит, помог общественный интерес к новой форме власти, как к чему-то, противостоящему родовым традициям, и уже в силу этого несущему в себе пользу.

Здесь мы подходим к принципиальному моменту, который многое объясняет и в механизме современных взаимоотношений общества и государства. Он многое проясняет и в современных дискуссиях политологов и правоведов по поводу возможностей теоретически четко позиционировать власть легитимную и теневую. Политологический анализ сталкивается с двумя парадоксами. Теневую политическую власть вроде бы уместно рассматривать как антипод власти легитимной, как некоторое частное «нарушение программы» власти. Практика показывает, что сплошь и рядом эта часть имеет тенденцию разрастаться до целого и диктовать политической системе свои условия легитимности. То, что политология, по привычке, идентифицирует как легитимную власть, на деле оказывается не более чем формальным и «теневым» доведением к власти «теневой», но легитимной. Второй парадокс связан с первым. Политическая наука рекомендует всем участникам политического процесса бороться с теневой властью. Но именно теневой характер этой власти увеличивает по ходу взаимодействия ее с властью легитимной эффективность последней.

Если посмотреть на эту проблему в политомифологическом ракурсе, то мотивированность подчинения общества власти и легитимирующего его интерес именно к власти теневой будет иметь объяснение, отличное от классического. Государственная власть изначально возникала, в большинстве случаев, как теневая структура



по отношению к легитимным родоплеменным структурам. Но она имела одно важное преимущество (и индигенный статус малочисленной политической элиты этому очень способствовал). Она давала возможность обрести высокий социальный статус всем тем, кто не вписывался в систему родовой демократии. Прежде всего, тем же представителям дружинного слоя, чьи ресурсы военной добычи не соответствовали их положению равноправных общинников. Чем более общество и сама государственная власть (особенно в демократическом оформлении) стремится формально уравнивать граждан перед своим лицом, тем более у граждан возрастает интерес к созданию альтернативной системы «теневых» политических отношений, которые более гибко реагировали бы на потребность соответствия их социального статуса и экономических возможностей. Вокруг этого механизма постепенно наращивался комплекс общественных стереотипов, наиболее известный из которых – оппозиция «мы-они» – достаточно рационально объясняет основную предпосылку стремления общества подчиниться государству.

Это стремление к подчинению мотивировано внутренней потребностью традиционалистски и новаторски ориентированных составных частей социума обособиться друг от друга, чтобы одна часть продолжала жить «по правде», а другая, не согласная с этой правдой, могла бы нормально социализироваться на основе записанного «закона». Именно эту возможность для легитимации «теневых» по отношению к родовым институтам дружинных структур предоставлял элите древнерусского государства известный «Устав Ярославль». Составленный княжеской властью «закон» довольно долго обеспечивал жизнь «по понятиям» для тех, кто не желал жить по законам племенного строя. Законотворческая активность современных государств шаг за шагом приводит в состояние баланса то несоответствие внутриобщественных интересов, с которого начиналось рождение государства.

Таким образом, политико-мифологический ракурс дает возможность осмыслить проблему генезиса государственной формы как некоторую универсальную, в принципе, механику общественно-властных отношений. Он позволяет свести в пространстве политологического исследования историческую мифологию социума, его видение политического процесса и, собственно, научные мифологии, возникающие в сознании современного наблюдателя политических процессов. Такое сведение двух мифологических комплексов провоцирует в сознании исследователя момент интеллектуальной конкуренции и объективно создает почву для максимально возможной демифологизации структур политологического рассуждения.

Другой, связанный с первым распространенный сюжет, воспринимаемый сообществом политологов совершенно мифологически, это феномен

политического лидерства. Большинство концептуальных разработок этого направления ориентированы на стереотипное восприятие сущности политической власти. Власть есть набор функций, функций сложных и важных, что само по себе как бы оправдывает момент насилия политического лидера над вверенным ему социумом. Поэтому большинство трактовок психологической, экономической и культурной природы властвования подразумевает, что оно есть удел лучших. Злодеев или праведников – это уже вопрос этического выбора автора концепции, но лучшего среди злодеев или лучшего среди праведников.

Повседневная же реальность обнаруживает абсолютное доминирование в структурах административно-политического управления людей, не способных оптимально выполнять возложенную на них функцию, что ведет к дроблению этой функции и количественному росту властвующих структур. Этот процесс имеет давнюю историю. При этом в макроисторической перспективе не обнаруживается снижения уровня легитимности претензий политических лидеров на политическое насилие в самых различных формах – от реформ до войн и репрессий.

Определенные колебания прослеживаются на уровне национально-государственных образований и в отдельные исторические периоды. Но, в целом, за последние тысячелетия человечество не проявило сомнений в ценности раз найденного способа решения своих внутренних и внешних проблем при помощи института политического лидерства и не усомнилось в праве лидера на властное насилие по отношению к себе.

Теоретически, данная проблема имеет вполне корректное, с научной точки зрения, политологическое решение в плоскости исторически сложившихся в массовом сознании мифологических установок на восприятие фигуры лидера как персонафицированного выражения принципов политического властвования. Следует отметить, что в современной отечественной политологии существует немало теоретических концепций, объясняющих причину готовности общества терпеть над собой «власть посредственностей» и лишь терпеливо ожидать прихода настоящего лидера-мессии. Условно их можно сгруппировать по трем принципиальным исходным установкам.

Часть концепций исходит из предположения, что власть объективно сильнее общества. По можно возразить, что сила власти заключена в ресурсах, предоставляемых ей обществом. Вопрос о том, почему общество эти ресурсы предоставляет, остается открытым.

Другие концепции делают акцент на качестве «народной ментальности». Но и здесь есть проблемы: качество массового сознания меняется в зависимости от исторических этапов. В ранг ментальных установок исследователь возводит идеи и суждения с наименее выраженной динамикой, наиболее устойчивые. Но такой подход



оставляет вопрос: общество не пересматривает эти установки потому, что они для него очень важны, или же потому, что они ему безразличны; и оно формирует из подобных установок нечто вроде компьютерной «корзины»?

Другой вопрос состоит в том, присуща ли эта ментальность лидеру или корпорации, осуществляющим совместно или врозь властное насилие. Концепции этой группы как бы предполагают, что у лидера или корпорации ментальность одна, ориентирующая их на властвование, а у общества – другая, и она ориентирует его на подчинение власти лидера или лидеров. Но это противоречит «классическому» пониманию ментальности как категории, обозначающей предельно общие качества и массового, и элитарного сознания. Есть концепции, трактующие властные отношения как «диалог молчания».

Обращение политолога к комплексу исторических мифов дает ему больше возможностей оставаться в своем анализе на почве рациональности и непротиворечивой логики. У многих обществ из тех, что живут сегодня политической жизнью, исторически сложились мифологические представления, смысл которых можно суммировать следующим образом: готовность общества признать власть лидера над собой соответствует его готовности осуществить ответное насилие над лидером. В какой форме реализуется эта мифологическая установка – это вопрос времени и места действия. В архаическом сообществе ответное насилие может быть облечено в форму ритуального убийства вождя, в процедуру вечавого «изгнания». В модернизированных обществах ту же функцию «политического убийства» может выполнить электоральная процедура.

Спектр возможных решений потенциально бесконечен и определен характером и объемом общественных ресурсов. Смысл политической системы и соответствующих политических процедур в том и состоит, что общество в них находит способ не доводить без крайней нужды дело до физического устранения лидеров и тем обеспечивать более стабильную преемственность управления своей жизнью. Стабильная мифологическая уверенность в возможности общества чинить ответное насилие, будучи вписана в контекст отношений административно-политического управления, делает неактуальным вопрос личностных характеристик лидера. По принципу, что эти лидерские качества не скажутся непосредственно на текущем благополучии социума, а у последнего всегда есть возможность ответить насилием, если лидер начнет перегибать палку. По большому счету «серость» лидера даже выгодна обществу, поскольку характер его деятельности, как правило, позволяет обществу оставаться в рамках мифологической убежденности в своем праве на насилие и не пытаться реализовать это право на практике.

Таким образом, исторические мифы в политологических исследованиях выступают в двух ипостасях: как приемлемая для политической науки, с точки зрения соблюдения ею своей предметной и методологической специфики, форма включения исторической информации в политологический анализ и как способ решения конкретных аналитических ситуаций, для которых «классическая» политологическая методология не выработала пока еще корректных объяснительных процедур.